

Библиотека российского политического объединения «Рабочий»

СОВРЕМЕННЫЙ МАРКСИЗМ. Часть II

Философия, история

Борис Ихлов

Пермь, 2021

ББК 63.3(2)
УДК 94 (47).08
И-95

Борис Ихлов – политик, марксист, секретарь исполкома российского политобъединения «Рабочий», член профкома пермского рабочего профсоюза №Защита, занятость, законность». Физик-теоретик, область исследований – гравитация, космология, биофизика.

В 1988-м был подвергнут преследованиям со стороны КГБ, преследования продолжились после 1991 года.

В книге в духе марксизма анализируются некоторые ошибки Маркса. Энгельса, Ленина. Раскрыты причины распада СССР, рассмотрены закон стоимости в СССР категория социализма, отношение «класс – партия», азиатский способ производства, противоречия современного капитализма, диалектика абстрактного и конкретного в труде. В категориях марксистской политэкономии доказано, что в СССР господствовал капиталистический строй.

Б. Л. Ихлов. Современный марксизм. 68 с.

Формат А4.

Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6046162-8-4

ISBN 978-5-6046162-8-4

© Б. Ихлов, 2021.

Содержание

Детерминизм и свобода.....	4
Что такое история? С точки зрения физика. Часть I.....	13
Часть II.....	24
Исторический позитивизм.....	36
Историософия и новый постпозитивизм.....	42
Объективные причины распада СССР.....	60
Дюринг – идеальный основатель СССР.....	67
А. Ф. Лосев – от мифа к реальности.....	78

ДЕТЕРМИНИЗМ И СВОБОДА

Введение

В 60-80 годы в советской философии происходила дискуссия о взаимоотношении законов различных форм движения материи. Была предложена идея редукционизма (Ахундов, Кедров и др.), то есть, сведения закона биологии к химии, а законов химии – к физике. Редукционизм оказался несостоятелен. Выдвигалась также идея о подчинении законов низших форм законам высших, но она не нашла развития. Действительно, разве законы биологии, химии или физики в человеке подчинены его воле, разве он может их отменить? С другой стороны, например, квантовая механика в запутанных состояниях будто бы «отменяет» специальную теорию относительности, а в черных дырах – и общую теорию относительности, при рождении из вакуума в сильном гравитационном поле пар частиц, частицы способны улететь от черной дыры в силу СР-симметрии. Но в данном случае речь идет не о противоборстве законов, а о несовершенстве теорий.

В то же время само несовершенство теорий указывает на ограниченность понимания связи между закономерностью и случайностью, а несостоятельность редукционизма указывает на невозможность запрограммированности высших форм. И эта невозможность, как оказалось, заложена уже в физике.

Очевидно, что общественное сознание определено общественным бытием, в наличии этой связи тысячами примеров нас убеждает исторический опыт. Речь идет как о социальных конфликтах, так и о таком общественном бытии, когда возможно манипулирование массовым сознанием.

Стоит указать на ту конкретно-историческую связь между объективной реальностью и субъективным миром, которую так старательно пытаются эlimинировать. А именно: субъективный творческий мир оказывается на удивление не уникальным, напротив, стандартным, полностью определенным рыночными общественными отношениями.

В то же время человек не может быть свободен 1) от законов природы, которые действуют «извне» 2) от таких законов природы, которые имеют место в анатомии и физиологии (с системным качеством), а также биохимии и биофизике организма. В существующей парадигме, в плане законов физики, химии и биологии, конкретное бытие человека, включающее как его самого, так и его как открытую обществу систему, как кажется, определяет его сознание.

Верно ли это? Как возражал Эпикур Демокриту – уж лучше поверить в бога, чем жить в такой жесткой фатальной предопределенности. Дают ли квантовая и стохастическая неопределенности свободу воли, связаны ли они с ней?

Предпринимаются попытки поставить законы низших форм движения в зависимость от сознания. В таком случае возникает вопрос: может ли считаться какая-либо низшая закономерность закономерностью, если она зависит от различных сознания различных субъектов. Главное в другом: закономерно ли воздействие сознания на опыт?

Детерминизм Канта

Приведу одну из кантовских космологических антиномий.

Тезис: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, по которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность». Откуда возникает «свободная причинность», Кант не уточняет.

Антитезис: «Нет никакой свободы, всё совершается в мире только по законам природы».

Механистический, картезианский взгляд на природу человека сложился еще у Локка, в системном виде – у французских материалистов Дидро, Гельвеция, Гольбаха. Декарт (Картезий) и далее Ламетри представляли человека как сложную машину. Декарт оставлял за человеком право иметь живую, чувствующую душу, непостижимую субстанцию, Ламетри избавил от нее человека, включив душу в постижимую в далеком будущем природу.

Кант в тезисе выносит свободу за рамки законов природы. То есть, делает ее либо «частичкой» индетерминированного божества, либо полагает наличие иного внеприродного.

Многие советские философы не выходили за рамки антитезиса Канта. Например, речь идет об осуждении субстанциального понимания деятельности. Потому оно неверно, что из деятельности

невозможно вывести материальность социального процесса, т.е. способного разворачиваться независимо - как закон неживой природы – от сознания осуществляющих его субъектов. «... В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, - пишет Момджян, - убеждены, что само по себе понятие деятельности не может рассматриваться в качестве исходного объяснительного материала, поскольку деятельность сама нуждается в объяснении, исходящем ни из иных субстанциальных определений, а из сущностных связей самого социального процесса. ... Авторы полагают, что материальность социальной формы движения не может быть понята (выведена) из деятельности как таковой, поскольку она представляет собой субъективное явление общественной жизни, определяемой ее материальными факторами (общественными отношениями). Отсюда главный аргумент В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона: «Сознательную целесообразную деятельность наука не может сделать исходным основанием социальной теории, ибо этим основанием должно быть нечто независимое от субъекта и его сознания.»» [1] Между тем, деятельность как раз содержит в себе в зародыше все основные процессы и противоречия общественной жизни.

Перестроечная книга «Диалектика общественного развития», вышедшая под редакцией Келле и Д. А. Гущина в ЛГУ в 1988 году, тоже показывает непонимание данной проблемы; она является эклектической смесью изуродованного марксизма с западными штампами о свободе личности, эйкумене и пр. И даже резкие перемены в стране конца 80-х мало что прибавили к пониманию общественных законов: экономических законов, законов взаимосвязи базиса и надстройки, законов связи способа производства и всех других сторон общественной жизни, законы взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания (И. И. Матвеенков), политических законов, законов духовной сферы, т.н. общих законов, не относящихся ни к базису, ни к надстройке, общеисторических законов, действующих во всех сферах и всех формациях (В. П. Тугаринов), социологических – законов структуры, функционирования и развития общества (А. К. Угледов) и т.д. [2]. 1991-1993 годы убедительно это показали.

Как же разрешает сам Кант свою антиномию? Как идеалист – в регулятивное применение разума. Можно бояться электричества, но можно построить ГЭС. Фактически – разрешение в гегелевскую осознанную необходимость, но с учетом практики. Словом, в троцкизм-анархизм-донкихотизм: чтобы познать и освободиться – необходимо, как выразился Мамардашвили в «Картезианских размышлениях» - «пройти».

Детерминизм Гегеля

Сравним кантовскую точку зрения с тем, что говорит Гегель: в своем развитии случайность развертывается как закономерность, в свою очередь закономерность проявляется случайно. В категориях: закон есть существенное в явлении. В определении: «Царство закона есть спокойное отображение существующего или являющегося мира» [3].

Далее у Гегеля - «обламывание», по выражению Ленина, и «вывертывание» слов и понятий, чтобы устраниТЬ абсолютизированное, фетишизированное понимание закона. Гегель противопоставляет случайности (внешнее действительности) не необходимость сразу же, а возможность (внутреннее, потенциальное действительности). Возможности бывают формальными (возможно всё, что не противоречит себе) и реальными. Реальная возможность – почти то же, что и необходимость. В свою очередь необходимость бывает относительной и реальной. Причем реальной может быть только одна возможность, а не многообразие борющихся возможностей (которые по мере нарастания общественного противоречия растаскиваются на два лагеря). Отсюда вывод: всё, что действительно – разумно.

Для Гегеля случайность – лишь только внешняя сторона действительности. Но это лишь частность. На самом деле случайность – необходимая сторона закономерности, «касающаяся» сущности, что показывает стохастика, а в микромире – просто сущность, что показывают квантовая механика. Случайность заложена не в ограничении рассмотрения системы. Такая случайность, разумеется, исчезает при расширении рассмотрения, становится закономерностью. Случайность – это свойство самой субстанции.

Т.е. одно и то же событие в каждой точке является и случайным, и закономерным, причем не только в смысле развертывания событий или в плане расширения границ рассматриваемой системы.

Рассмотрим, например, такое событие, как попадание человека под автомобиль. С одной стороны, событие выглядит совершенно случайным. Трудно представить, чтобы стечения самых разных мелочей, приведши к катастрофе, было бы закономерным. Если разобраться с так называемым дедуктивным методом, при помощи которого Шерлок Холмс обнаруживал причинные связи между явлениями, то увидим, пишет Свасьян, что цепочки событий выбраны сыщиком совершенно случайно [4], к чему мы еще вернемся. Причина в дедукции обесценивается, становится неразличенной, совпадает с поводом.

Однако существует статистическая закономерность, обязывающая прохожих попадать под машины. Потому что между прохожими и автомобилями существует связь: они движутся в одной плоскости. Теперь выйдем за рамки системы «человек-ближайшая среда» и расширим ее за счет системы «автомобили». Кроме того, мы учтем в данных системах ВСЁ. Создается видимость, что в расширенной уточненной системе попадание под машину происходит с неизбежностью.

Для Гегеля в мире «всё связано со всем» (он еще не был знаком со специальной теорией относительности). Далее нам нужно еще больше ее расширять. Вспомним, что Вселенная может быть замкнута. Если верны гипотезы мультивселенных, всё равно нет возможности сравнивать.

Что вытекает из данного построения? Примерно тот же вывод, что и у Гегеля: «Следа необходимость лишь постольку, поскольку она не постигается в понятии...» [5]. А свобода возникает по мере осознания необходимости. Человек в тюрьме лишен свободы. Но если он осознает всю тяжесть своего преступления, то, согласно Гегелю, станет свободным.

Спиноза

Мы возвращаемся во времени от Гегеля к Спинозе потому, что не Гегель, а именно Спиноза довел до логического завершения механистическое понимание детерминизма: «Возможность и случайность – лишь недостатки нашего разума. ... Если бы люди ясно познали весь порядок природы, они нашли бы всё так же необходимым, как всё то, чему учит математика» [6].

То есть: преодолев дуализм Декарта, Спиноза остается верен картезианству.

Если б Спиноза знал, что Вселенная может быть замкнута, и что, во всяком случае, ее масса не бесконечна, ему не надо было бы обращаться к потенциальной бесконечности, которую человек, ясно, познать полностью не в состоянии, не говоря уж о бесконечности актуальной. Для Спинозы мир содержит бесконечное количество вещей. Но для того, чтобы всё в мире двигалось бы с абсолютной необходимостью, во Вселенной «всегда сохраняется одно и то же соотношение между движением и покоя», природа сохраняет «вечный, прочный и неизменный порядок» [Там же, II, с. 514, 88]. И гераклитово «нельзя в одну реку войти дважды», и «отклонения атомов», признанные Демокритом, не касаются Спинозы.

Один шарик движется потому, что его ударяет другой, а тот – потому что его ударили третий и т.д., до бесконечности. Мало того, что единичная причина оказывается невыделенной в цепи причин (следовательно, всё случайно, Спиноза повторяет Эмпедокла). Нет и связи между потенциальной бесконечностью и единственным. Главное: причина оказывается только внешней, она не заключается в самой субстанции.

Спинозу обвиняли в фатализме, но он воевал с другим фатализмом.

Детерминизм в теологии

Приведу высказывание одного из философов мистического направления в индуизме, Рамачараки (Аткинсона): «... карма... просто связь причины и следствия. ... Последователь Карма-йоги прежде всего должен усвоить, что человек представляет собою одну из единиц, входящих в состав всего механизма жизни или общей ее схемы. ... Мы далеки, конечно, от того, чтобы быть простыми автоматами, но наши интересы связаны с интересами всего человечества, и мы прикасаемся ко всему человечеству в некоторых точках. Мы должны охотно предоставить себя в распоряжение Высшей Силы и мы убедимся в том, что такая готовность может предупредить трение и страдания.» [7]

Различные религии, начиная от древнегреческой мифологии (мойры, Тюхе), древнеримской мифологии (Фортуна), древнеегипетской мифологии (Термутис) и представлений о карме и дао, придерживались той концепции, что судьбы человека и мира предрешены. Хайям пишет:

Мы с тобою - добыча, а мир - западня.

Вечный ловчий нас травит, к могиле гоня,
Сам во всем виноват, что случается в мире,
А в грехах обвиняет тебя и меня.

Именно так понимали мир и последователи Ибн Рушда, но детерминизм для них не от бога, а в природе, и, поскольку человек – природен, то и его мышление и поступки жестко детерминированы, следовательно, ни о каком грехе не может быть и речи. (Любопытно, что для алавитов ил исмаилитов – наоборот, свобода воли – неограниченна.)

В одном из поучений раввин указывает ученикам на листок, упавший в жаркий день с дерева и укрывший муравья от лучей солнца. Раввин утверждает, что Господь заботится даже о муравье. Хотя Маймонид завещал признать наличие свободы воли.

Николай Гоголь был убежден, что его судьба – в руках Господа, но не врачей, и потому отказывался лечиться: «Ежели будет угодно Богу, чтобы я жил еще, – буду жив...» Богослов и историк Карташев пишет, что Гоголь «покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге спиритуализма» [8]. В воззрениях Фомы Аквинского царствует фатализм: не только человек, но все вещи движутся по воле высшего существа.

Для Лютера механистический детерминизм – абсолютен, свобода воли – вымысел.

Литератор Клайв Стейз Льюис, следующий в теологическом русле, предоставляет читателю некую смесь субъективного и объективного идеализма. С одной стороны, он повторяет Маха: «... мы ничего не способны знать, кроме сиюминутных ощущений». Повторяет и Канта: природу «вообще нельзя ухватить, к ней можно лишь приблизиться, да и то не слишком». С другой стороны – признает способность человека познавать внешний мир, но не научным путем. [9]. Так, Аристотель полагал, что душа – свойство тела, но отказывал в этом разуму, разум по Аристотелю – не энтелекия тела, мышление – не осуществление, не функция какого либо органа человека. Хотя еще пифагореец Алкмеон считал органом мышления мозг (сегодня мы можем дополнить, что мышление – в том числе соматический процесс). Разумеется, как материалист, Аристотель признает, что сущее мыслимо, природа отображается в человеке, как монета отпечатывается на нагретом воске – следовательно, бытие и мышление тождественны. В то же время Аристотель полагает первичной форму.

Льюис приписывает материалистам-«природоверам» массу неадекватных высказываний: «... ни один последовательный природовер не может признать свободу воли». Одна мысль становится причиной другой потому, что мы видим в ней основание, пишет он, отрицая, что связь между мыслями, логика связи мыслей обусловлена логикой внешнего мира.

Льюис определяет писателя (Диккенса) как творца того, чего нет в природе, его персонажи – только в голове творца. Связь персонажей Диккенса с природой для Льюиса отсутствует. Связь, логику, упорядоченность между человеческими чувствами, между явлениями природы Льюис возлагает на бога и даже квантовую механику считает чем-то внеприродным [там же, С. 155].

Вместе с тем, не только Льюис, вся идеалистическая философия справедливо увидела в «диалектическом» механицизме слабость позиции материалистов. Необходимости изменчивого, но полностью подчиненного законам природы мира она противопоставила не свободу воли, но свободу выбора. Это тенденция в новейших религиях, причем конъюнктурная. На деле сам выбор остается предопределенным, игнорирование заданного выбора – не поощряется. Разумеется, можно представить любую активность как выбор. Но в таком случае эмерджентность исчезает, исчезает «внутреннее беспокойство», небытие материи, открытое Левкиппом и Демокритом, мир снова становится механистическим.

Льюис даже позволил человеку иметь свободу выбора независимо от воли Бога.

Иначе нужно было бы, следуя Спинозе, опять же механически заложить внутрь самой материи, некую активность, как заряд, спин или, как для почти всех частиц, массу покоя. Можно даже заложить «скрытый» параметр, не в духе финализма, а как некую потенциальную возможность, на что идеалистическое мышление решиться не может.

Льюис не может ответить на вопрос, откуда берется свобода в человеке. Как соединяется эта свобода с материальным в человеке и вне его. Смотрите: как только мы с вами задали этот вопрос, мы уже получили ответ: в том случае, если существует это «откуда», мы немедленно попадаем в зону детерминизма, обусловленности свободы каким-то законом природы.

Идеологема выбора не избавляет от механицизма, поскольку фиктивна. В индивидуальном действии мышление не строит несколько альтернативных, конкурирующих планов. С другой стороны, выбор между двумя или несколькими рабовладельцами не есть свобода.

Гете и Толанд

Выступая против теологического фатализма, Кант, как и Спиноза, обосновывал природный фатализм. Благодаря Спинозе, Галилею, Гуку, Ньютону, Лапласу, Гюйгенсу, диалектичному Лейбничу и многим другим гениям картезианство, механицизм распространились на весь мир, на физику, химию, биологию, общество, *на индивидуальность*.

Иоганна Гёте считают в некоем смысле антиподом Канта – в том плане, что в пику «математическому» типу познания провозглаша познание интуитивное.

Тем не менее, Гёте был тем же самым механицистом, что и Кант. Его «интуитивизм» внеисторичен. Вот гётеевская формула: «Природа! Мы окружены и охвачены ею и не можем ни выйти из нее, ни глубже в нее проникнуть. ... Ее законам повинуются даже тогда, когда противятся им; даже и тогда действуют с ней согласно, когда хотят действовать против нее...» [10]

То есть - донкихотизм тоже закономерен. Таким образом, мы все запрограммированы, если не богом, так природой.

Марксизм против грубого объективизма, но возражение Марксом не сформулировано. Оно касается лишь законов социальной формы движения, к чему мы вернемся. Или свободы воли нет, но просто в принципе невозможно предсказать его поведение? Например, в стохастике мы в самом начале движения немедленно попадаем либо в зону прогностического «детерминизма», либо в зону «индетерминизма». Но ведь мы явно не можем изменять законы физики, химии, биологии, полностью им подчинены. Даже наше сопротивление будет генерироваться теми же законами. Но тут мы обнаруживаем феномен, который полностью противоречит такому подчинению: химия не редуцируется к физике, биология – к химии и физике, общественная динамика – к естественным наукам.

Спрашивается – что же такое тогда закономерность? Правильно ли задан вопрос, не является ли он сам отражением нашего неверного, грубого понимания природы, как, например, вопрос, в какое из отверстий в первом экране влетел конкретный электрон перед тем, как на втором экране образовалась интерференционная картина? Хватает ли нам категориального аппарата?

Спиноза не потрудился сделать атрибутом материи даже движение. Это сделал после него Толанд: «Я утверждаю, что движение есть существенное свойство материи, иначе говоря, столь же неотделимое от природы, сколь неотделимы от нее непроницаемость и протяжение... Я отрицаю, что материя есть или когда-либо была бездейственной, мертвой глыбой...» [11]

В Ирландии XVII-XVIII вв. было неведомо, что, скажем, электрон не имеет протяженности (это противоречило бы специальной теории относительности, у электрона есть спин, он вращается, на поверхности электрона скорость была бы больше скорости света), что объем атомов – в основном, вакуум, тем более не знали, что вакуум – вовсе не пустота. Однако заметьте: у Толанда - никакого первотолчка, никакого деизма, никакого Бога. Никакая партия, никакой орден меченосцев не толкает материю извне. Бернштейн, ненадолго Ленин (в единственной работе «Что делать»), обществоведы сталинской школы, и даже Б. Поршнев в «Социальной психологии», вернулись к механицизму Спинозы, они представили рабочий класс как веками неподвижную, неизменную глыбу, темную, инертную материю, нуждающуюся в поводыре, пастьре, который привносит в нее политическое сознание. Поршнев так же абсолютизирует и роль вождя. Как сформулировал Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс», управлять могут не все, а лишь особая каста людей, «слышащих подземный гул истории».

И мы видим, как человек сопротивляется этому механицизму – во всем мире растет абсентеизм, не как отсутствие гражданственности, но как возражение бесполезным, дискредитированным партиям, как естественное желание человека познавать мир, отличаться от животного, мыслить и действовать самостоятельно, а не партийными резолюциями.

Казалось бы, Гёте – идеалист, «интуитивный» механицист». Но именно Гете, в отличие от Шеллинга, вводит в действие критическую категорию – развитие. По Энгельсу – восхождение от простого к

сложному. Сталин добавляет: от низшего к высшему. В противовес трансформизму, в противовес версии круговорота Экклезиаста, реализованной сегодня в М-теории суперструн. У Гегеля же - есть то, чем исправить Гегеля.

Например, бильярд с трением – система, где действуют не только законы Ньютона, но стохастика. Дело в том, что малые отклонения от начальных условий даже в классических системах могут вести к большим отклонениям от конечной расчетной точки. Эти отклонения начальных условий могут произвести *случайные* возмущения, флуктуации. Т.е. нельзя написать уравнение движения, которое однозначно укажет на конечный пункт.

Но ведь нам не нужно знать, произошло отклонение или нет. Мы ведь с вами говорим о детерминизме, о причинности, мы можем представить себе аналогичный расчет флуктуации. И так до квантового уровня, где координату и импульс нельзя определить одновременно точно. Природа такова, что мы, пытаясь это определить, неправильно понимаем природу, неправильные вопросы задаем.

В эксперименте с интерференцией мы обстреливаем из электронов экран с двумя отверстиями. За этим экраном – другой, и на нем возникает чередование максимумов и минимумов плотности электронов. Если мы установим прибор, который улавливает, в какое отверстие полетел электрон, интерференционная картина исчезает. Возникает один максимум, обычное вероятностное распределение плотности электронов. У советских философов одно время было резкое неприятие такого детерминизма, «материалисты» утверждали, что с развитием науки человечество будет знать, в какое отверстие полетел электрон. Невозможность «узнать» и такое понимание причинности неверно потому, что мы исходили из *незыблевой, неизменной* субстанции, а она уже в диалектике Гегеля благодаря имманентному «внутреннему беспокойству» меняется сама из себя, не только под действием внешнего.

Социальная форма

Как мы выяснили выше, Гегель ошибся, вынеся источник случайности вне субстанции. То есть, рассмотрел лишь одно проявление случайности. Во-вторых, его понимание свободы созерцательно, он игнорирует материальную историческую практику. К ней обращается исторический материализм.

«Поскольку Маркс, - пишет Хайдеггер, - осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории. Поскольку, наоборот, ни Гуссерль, ни, насколько я пока вижу, Сартр не признают существенности исторического аспекта в бытии, постольку ни феноменология, ни экзистенциализм не достигают того измерения, внутри которого впервые оказывается возможным продуктивный диалог с марксизмом» [12]. Вот почему Ленин утверждает: практика выше теории.

Является ли это утверждение возвратом к кантовской регулятивности, к использованию закономерности либо во благо, либо во зло, либо не использование? Не исчезает ли при этом воля, индивидуальное «я»?

Очевидна разница между законами социальной формы движения материи и законами физической, химической и биологической форм. Дело в том, что в «механике» общества участвуют такие параметры, как, например, стоимость. Но, в отличие от массы или заряда, стоимость, как отмечал Маркс, не является имманентным, внутренним свойством товара. Она содержится только в головах людей. Соответственно все общественные законы, как писал Энгельс, реализуются только через людей, через их волю.

Тем не менее, Маркс, как Гегель и Кант, в своей оценке закономерности в истории исходили из картезианской, ньютонианской картины мира, поскольку иной не было. И только в последней четверти XX века физики извинились перед мировым сообществом, что своей механистической картиной мира ввели мировое сообщество в заблуждение.

В 1986 г. сэр Джеймс Лайтхилл извинился от имени своих коллег за то, что «в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона» [13].

Квантовая механика, синергетика (стохастика, теория особенностей, теория катастроф) совершенно жестко диктуют необходимость сделать шаг вперед от материалистического понимания детерминизма в истории. Речь идет об обратном: чтобы новейшие открытия в естественных науках сделать достоянием

исторического материализма. Такая повестка дня была сформулирована в 1995 году (см.. напр., [14]) за несколько лет до Валлерстайна.

Больше того: необходимо понять, что вытекает из «невещности» общественного закона. Пока что ясно, по крайней мере, что вариативность материального общественного закона качественно выше, чем в квантовой механике или стохастике – по указанной причине существования его лишь в головах людей. Ведь сами по себе вещные условия (орудия, предметы труда и т.д.) вне общества никаких законов не производят. Под извращенной формой тенденции в физике к первичности геометрии (см., напр., «Геометродинамика» Уилера) стоит увидеть необходимость большего понимания идеального, субъективного.

Как же действует общественный закон? Например, действие закона спроса-предложения, как отмечал еще Рикардо, ограничивается монополией. В том числе монополия (как в СССР) ограничивает игру закона стоимости, например, в отношении такого товара, как рабочая сила. Ограничение налагает и юридически введенный государством институт пожизненного найма – в Японии, до 1991 года. Даже та или иная активность профсоюзов, как подчеркивал в «Капитале» Маркс, видоизменяет закон стоимости. Гоббс писал, что «выбор» человека – лишь случайное сочетание неких не зависящих от человека чувствований. Вслед за Гоббсом Маркс констатирует в тезисах о Фейербахе: личность – это совокупность общественных отношений.

Шеллинг, конструируя бога из категорий бытия, сущности и существования, определял сущность бога как тождество с бытием, способность содержать в себе основу. А существование бога - в различности с основой (см. [15]). Нетрудно видеть, что Маркс в определении Шеллинга вместо бога поставил человека, а вместо абстрактного бытия - общественное.

Осталось только, будто бы, в общественном бытии различить класс-в-себе и класс-для-себя, чтобы «уничтожение рабочего класса» привело не к распаду, а к синтезу – «человеческому обществу».

«Материал труда» (Энгельс) - не только «все сущее», но сам человек. Это формирует в нем небиологическую потребность в труде (удовлетворение биологических потребностей - условие), если труд творческий, и потребность избежать труда (Маркс), если труд обезличивающий.

В разделении труда и состоит противоречие, движущей силой выступает потребность в уходе от обезличивания (напр., забастовки в США против конвейерной системы в конце 60-х) и потребность в творческом, которую ограничивают существующие общественные отношения. Обе они по сей день не проявлены на уровне всеобщего.

Однако ясно, что определения Гоббса-Шеллинга-Маркса одновременно суть определения социальной формы движения материи, высшей по отношению к низшим, причем любым. Для отдельного человека, напротив, определение должно быть перевернуто: с т о р о н а (не две или поли- сущности!) сущности - в различности с деятельностью, с общественными отношениями, а существование - в тождестве с общественным бытием.

Всего лишь сторона - потому что феномен уникальности человека по-прежнему не раскрыт. И не может быть раскрыт.

Дело не только в том, что творчество человека в рамках доминирующего идеализма онтологически понимается как проявление сверхъестественного. В таком случае жизнь существует вечно, именно она, как высшая форма, в духе Августина определяет время (дление, по Бергсону), а отношение «субъект – объект» понимается финалистски, тождественно с настоящим историческим моментом.

Раскрытие уникальности через «осознание себя», через самосознание немного добавляет в различие именно человеческой уникальности (тем более, что замкнутость на себя, способность к самоорганизации существует не только в общественных, но и в биологических, химических и даже гидродинамических системах, что описывается в рамках синергетики нелинейными уравнениями типа Адронова).

Невозможность раскрытия связана хотя бы с отсутствием феноменологического материала в биологии, где до сих пор не осмыслено отличие живой материи от неживой, то есть, не выполнен *предыдущий* шаг.

Ясно лишь, что уникальность «я», которое может влиять на общественные законы, но не в силах изменить законы своей основы (они, если и меняются, то независимо) - существенна и не может быть понята в пределах детерминизма социального, биохимического или физического.

Второй аспект не свободы от законов природы – невозможность для человека изменять законы природы. Что, как указывалось в введении, ставится под сомнение. С другой стороны, подчеркивается

несоответствие понятий реальности. Но ведь это несоответствие – закон, который отнюдь не ставит запрет на научный подход. «Подход ума... к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию... Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее... есть известный кусочек фантазии.)» [16].

«Самое же решительное опровержение, - пишет Энгельс, - этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности» [17].

«Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, - подчеркивает Маркс, - вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос» («Тезисы о Фейербахе»).

В то же время вопрос о соответствии понятий действительности – отнюдь не праздный. Каждое понятие внутреннее противоречиво, его нельзя рассматривать статично, проявление противоречия понятия в научной практике – верный признак того, что содержание понятие будет заменено на качественно новое.

Если личность есть совокупность общественных отношений, это означает, что и общество, состоящее из людей-машин, обречено следовать своим неизменным законам. Человек в этом случае выступает как абстрактная точка пересечения общественных линий, слово «конкретная» не различает человека с общественными отношениями.

Источником фатальной предопределенности выступает доминирующее абстрактное содержание в труде, которое ограничивает и труд конкретный.

Тождество мышления и бытия

Имеется в виду, что мышление отображает внешний мир, соответствует ему, то есть, мир познаем. С этим согласны и объективные идеалисты.

Отметим очевидные моменты. Разумеется, 1) мышление идеально, потому противоположно бытию; 2) мышление имеет не только абстрактный, но и интуитивный характер.

В то же время мышление не тождественно бытию в прямом смысле. Ландау и Пайерлс доказали теоретически, что двумерные кристаллы не могут существовать, потому что неустойчивы. Однако затем экспериментаторы создали графен.

Но случаи не тождественности – закономерны. Следовательно, не тождественность мышления бытию тоже имеет общий характер.

Например, Ильенков, понимая закон и детерминизм фаталистически (как и Лабриола, Плеханов, Д. Лукач, Сталин или Троцкий, но не Маркс или Ленин), в «несущественных» отклонениях, в их конкретике не увидел всеобщего содержания.

Но это не всё.

Мышление одновременно не тождественно бытию не в кантовском смысле вещи-в-себе, не в смысле неточности (субъективности) и не в смысле идеальности. В любом процессе абстрагирования возникает новое содержание, которое и включает реальность, и не включает ее, вместо этого – включает нечто, будто бы не принадлежащее реальности. Классические уравнения движения позволяют прогнозировать реальность, но они содержат обратимость времени и «путешествия в будущее», не существующие в природе. А именно: в тех процессах, абстрактом которых они являются. Запаздывающие и опережающие решения в данных процессах имеют вполне ясный физический смысл, но являются отражением глубокой всеобщей симметрии физических законов. Противоречия же, возникающие в связи с теоретическими путешествиями во времени, суть источники дальнейшего развития теории.

Во-вторых, мышление вскрывает и то, что еще не реализовано в мире, то, что он отображать не может – не только актуальное, но и скрытое в потенции. Разумеется, мышление это делает на основе предыдущего тождества бытию. «Это поставляющее раскрытие всего может осуществляться только в той мере, в какой человек со своей стороны заранее сам уже вовлечен в извлечение природных энергий.

Если человек вовлечен в это, поставлен на это, то не принадлежит ли и человек - еще первоначальнее, чем природа - к состоящему-в-наличии?» - задает вопрос Хайдеггер [18].

Но в этом вскрытии возникает и то, что не содержалось в основе. Хотя бы на том простом основании, что субъективная реальность развивается не только благодаря объективной реальности, но и в определенной мере самостоятельно.

Следовательно, свобода воли существует и реализуется в мышлении. А в деятельности?

Заключение

Разумеется, свобода воли не есть вещное, выделяемое, как печень – желчь, в то же время не есть нечто внеприродное. Она есть, как и само мышление, лишь наличие нового системного качества, ограниченное низшими формами движения.

При этом встраивание в свободы воли в прокрустово ложе закономерности, в том числе квантово-стохастической, является некорректной задачей. Ибо не просто механицизм ограничен, но в целом «каузальность (причинность, Б. И.), обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи. [19].

Абстрактный анализ, безусловно, важен, однако не он является главной задачей.

В науке, утверждает Маркс, нет ничего, кроме ее практического применения. Задачей является не объяснение, а изменение мира. Практический вывод хотя и тривиален, но до сих пор не осмыслен, например, представителями политических партий: свобода воли может быть реализована лишь тогда, когда в общественных отношениях перестает доминировать абстрактное содержание труда.

Литература

1. К. Х. Момджян. Категории исторического материализма: системность, развитие. М.: МГУ. – 1986. - С. 66-67.
2. В. В. Фролов. Общественные законы в условиях социализма. М.: Высшая школа. – 1990.
3. Гегель Г. Соч. М. – Л.: Мысль. - 1929-1959. - Т.5. - С 602.
4. К. А. Свасьян. «Феноменологическое познание». – Ереван, АН Армянской ССР. - 1987. – С. 32.
5. Гегель Г. Соч. М. – Л. – 1929-1959. - Т.1. - С. 248.
6. Спиноза Б. «Метафизические мысли». Соч. М.: 1975. - Т. I. - С. 277, 301.
7. Аткинсон В. Пути достижения индийских йогов. Карма-йога. Чтение V.
<https://esoterics.wikireading.ru/88891> (дата обращения 27.06.2018)
8. А. Карташев. Вселенские соборы». - М.: Республика. - 1994. - С. 289.
9. К. С. Льюис. Чудо. М.: Фонд им. А. Меня, изд. «Библия для всех». 2000. - Соч.. - Т.7 - С. 158-160.
10. Goethe. Naturwissenschaftliche Schriften: Mit Einleitungen und Erlauterungen im Text/Hrsg. von Rudolf Steiner. Dornach, 1982. – V. 2. – S. 5.
11. Толанд Д. Сочинения. Английские материалисты XVIII века. Собрание произведений в трех томах. – М.: Мысль. - 1967-1968. – Т. 1. – С. 152.
12. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. В кн. «Время и бытие». - М.: Республика. - 1993. – С. 204.
13. Lighthill J. Proceedings of the Royal Society. - A 407. - London, Royal Society. – 1986. - P. 35—50.
14. Ихлов Б. Что такое история? С точки зрения физика. КЛИО. - СПб.: Нестор. – 1998. - №1(4). – С. 16-24.
15. Резных П. В. Бытие, сущность и существование в поздней онтологии Г. В. Й. Шеллинга. Вопросы философии. - 1996. - №2. – С. 114.
16. Ленин. Философские тетради. Конспект книги Аристотеля «Метафизика». ПСС, изд. 5. - Т. 29. - С. 330.
17. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Соч., изд. 2. – Т. 21. – С.15.
18. Хайдеггер М. Вопрос о технике. В кн. «Время и бытие». – М.: Республика. - 1993. – С. 228.
19. В. И. Ленин. Философские тетради. ПСС. Изд. 5. – Т. 29. – С. 144.

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ? С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЗИКА.

Часть I

Революция

Материалы о конфликтологии (напр., Буртова Е. В. «Конфликтология») и политтехнологии говорят о явной детерминированности общества, хотя дискуссии о детерминизме в истории или его отсутствии продолжаются не одно столетие. Новые открытия в физике придают этим дискуссиям новый импульс. Пригожин, повторим, констатирует: «В 1986 г. сэр Джеймс Лайтхил, ставший позже президентом Международного союза чистой и прикладной математики, сделал удивительное заявление: он извинился от имени своих коллег за то, что "в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным, по крайней мере, с 1960 года, что этот детерминизм является ошибочной позицией.» [1]. Уже в физике исследователь сталкивается с тем, что прежний лапласов детерминизм не работает даже в ранее казавшихся классическими системах, наподобие обычного маятника или бильярда. Оказалось, что существуют области значений параметров, когда предсказание поведения системы невозможно. Очевидно, что все науки, от химии до исторического материализма, были вынуждены пользоваться тем представлением о детерминизме, которое сложилось именно в физике. И это представление оказалось критически недостаточным. Хотя Маркс резко критиковал метафизический (механицистский, трансформистский) подход в науке как грубо объективистский, общее понимания детерминизма и у него оставалось в рамках ньютона под подхода.

«Если сдвинуть груз маятника, - продолжает Пригожин, - недалеко от его самого нижнего положения, то в конце концов он вернется в исходную точку - это точечный аттрактор. Химические часы являются периодическим аттрактором. В дальнейшем были открыты гораздо более сложные аттракторы (странные аттракторы), соответствующие множеству точек. В странном аттракторе система движется от одной точки к другой детерминированным образом, но траектория движения в конце концов настолько запутывается, что предсказать движение системы в целом невозможно - это смесь стабильности и нестабильности... окружающая нас среда, климат, экология и... наша первая система могут быть поняты только в свете описанных представлений, учитывающих как стабильность, так и нестабильность. ... Признание нестабильности - не капитуляция, напротив - приглашение к новым экспериментальным и теоретическим исследованиям, принимающим в расчет специфический характер этого мира. Следует лишь распроститься с представлением, будто этот мир - наш безропотный слуга... Мы должны признать, что не можем полностью контролировать окружающий нас мир нестабильных феноменов, как не можем полностью контролировать социальные процессы (хотя экстраполяция классической физики на общество долгое время заставляла нас поверить в это)» [2].
Признание «нестабильности» не является капитуляцией детерминизма. Потому что точно так же нельзя узнать, через какое из двух отверстий в экране полетел электрон, если целью опыта является интерференционная картина. Электрон устроен по-другому, не как частица, и мир устроен по-другому, не так, как в рамках физикалистского подхода. «Каузальность, - пишет Ленин в «Философских тетрадях», - понимаемая нами обычно, - есть лишь часть всемирной связи».

Для подавляющего большинства физиков качественные переходы существуют только как фазовые, т.е. укладывающиеся в рамки старого ньютона детерминизма, хотя уже в квантовой механике данный тип детерминизма не работает. Для большинства физиков химическая форма движения материи сводится к набору физических законов, живая материя мало чем отличается от неживой, человек мало чем отличается от животного – просто по степени сложности. Новые открытия в физике, ломающие старые представления о детерминизме, поколебали традицию мышления физического сообщества, оно по-прежнему считает качественные переходы неким гуманитарно-филологическим упражнением. В лучшем случае - признают факт существования качественно разных объектов, но, как Хокинг, Фейнман, Брагинский и др., объясняют данный факт божественным вмешательством. Соответственно, считают физики, когда-то наступит момент, и Теоретик выведет квантово-фрактально-стохастическое уравнение движения человеческого общества.

Но если в физике существуют области значений параметров системы, где предсказание ее поведения в принципе невозможно, нужно попытаться понять, в чем состоит невозможность применения известных

типов детерминизма в описании общественных процессов. Проделаем это на примере неустойчивой, нестабильной ситуации в обществе – революции. Классическая формула «верхи не могут управлять по старому, низы не хотят жить по старому» исходит из следующих положений: 1) наличие кризиса – по тем или иным причинам (война, старческий маразм руководства, внешняя агрессия, системные причины); 2) обнищание (или угнетение в какой-либо форме) масс сверх обычного, 3) исключительная активность масс, 4) гегемония в этой активности пролетариата. Третий пункт – особый, он зависит от гигантского количества факторов, включая уровень образованности масс. Эрнест Мандель посвятил этим факторам целую книгу (увы, с массой существенных пробелов и ошибок) [3]. Важным моментом теории революции является тактика. В 1917 году она заключалась в признании революционности крестьянства и необходимости политического союзу рабочего класса и крестьянства. Самым критическим моментом в концепции являются понятия авангарда и наличие «субъективного условия» – с многочисленными оговорками – руководящей партии.

Увы, с момента формулирования Лениным этой теории в нее практически ничего не было добавлено. Наоборот, за теорию начали выдавать технические моменты, т.н. «технологии», в первую очередь, касающиеся манипуляции массовым сознанием, начиная с «Майн кампф» и «Тюремными тетрадями» и заканчивая современными публикациями о «цветных» псевдореволюциях. С. Г. Кара-Мурза считает, что Грамши создал новую теорию революции, «городскую», в отличие от ленинской, «деревенской», при этом утверждает, что «Грамши отрицал такие механистические аналогии, которые привлекают исторический материализм» [4]. В действительности Грамши в своих «Тюремных тетрадях» не менял что-либо в ленинской концепции революции. Он лишь включил в пролетариат слой технической интелигенции, причем поставил этот просвещенный слой в качестве гегемона над рабочим классом. Грамши не был одинок, но и в этом он не изобрел ничего нового.

Кара-Мурза утверждает: «Теория революции Грамши развивается множеством авторов, на ее основе пишутся даже учебники. К ним относится, например, книга Дж. Шарпа “От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения”. Она издана в 1993 году и является учебным пособием для активистов «оранжевых революций». Лежащая в основе этого текста доктрина управления сознанием масс и идеология экспорта демократии отчетливо проявились в уже произошедших грузинских и украинских событиях... В логике учения Грамши велся подрыв гегемонии социалистических сил в СССР и странах Восточной Европы в 70-80-е годы... Массовая «молекулярная» агрессия в сознание велась непрерывно и подтачивала культурное ядро».

Невозможно провести и даже подготовить революцию путем разучивания речевок на демонстрациях, фраз типа «мы вас любим» или способов группового сопротивления полиции - если в стране нет почвы, т.е. нет объективных условий. Но распад системы в СССР не есть революция. Ни многочисленные демонстрации и митинги, ни шествие шахтеров в столицу не могли оказать особого влияния, если бы власть в лице элиты КПСС, как наиболее организованная сила, не была бы сама заинтересована в перевороте – для легализации себя как власти путем конвертации капитала в форме управляемской функции в капитал в форме денег.

Что касается «оранжевых» революций, то так называемая «молекулярная агрессия» есть всего лишь внешняя экспансия с использованием «пятой колонны», известной еще со времен завоеваний Тутанхамона или старой Шотландии. Средств для «молекулярного размытия» у власть предержащих всегда больше, чем у оппозиции. Поэтому никакая «молекулярная агрессия» снизу не может подготовить революцию. Но фарс учредить возможно, если «молекулярная агрессия» хорошо оплачена извне. Так, в 2004-м на Украине Госдепартамент США сторонникам Ющенко платил по 300 долл., а Янукович шахтерам – по 40 долл. Очевидно, что такую экспансию тоже нельзя назвать революцией, а ее технологии использовать как прогностический метод, что и является механистическим подходом, против которого возражает Пригожин - вместе с Марксом, Энгельсом, Лениным.

Какие еще, кроме учебных пособий Шарпа, существуют подходы к формированию прогностического аппарата в истории? Может быть, некая теория восстаний, ведь революция – один из вариантов восстания? Увы, такой теории не существует. Хотя название имеется. Например, теория восстаний Бергфлета. По мнению Бергфлета, «между марксистским и сугубо либеральным пониманием производства не существует сущностного противоречия. Маркс лишь иначе рассматривает вопрос

распределения, нежели капиталистические экономисты, а сама проблема производства не затрагивается при этом ни одной, ни другой стороной. В этом отношении Бергфлет пишет: «Марксистская критика политической экономии остается пленницей капитализма, так как она (подобно самому капитализму) основывается на утверждении неограниченного развития производительных сил, как технических, так и научных, а также на радикальной эксплуатации природных ресурсов, что логически следует из развития производительных сил. Именно в силу этого факта все реально существовавшие вплоть до недавнего времени системы, основывающиеся на учении Маркса, не представляли собой никакой подлинной альтернативы капитализму. Их "социализм" был на самом деле лишь разновидностью "государственного капитализма"» [5].

Бергфлет верно определяет общественный строй в СССР, но традиционно путает марксизм и «Краткий курс истории ВКПб». Именно с точки зрения Маркса и Энгельса система в СССР являлась государственным капитализмом (см., напр., «Антидюриング»). Именно Маркс повторял Адама Смита, говоря о монотонном, отупляющем, обезличивающем труде рабочего.

Как же сам Бергфлет понимает производство? «Вычленяя основополагающие принципы анти-экономики, Бергфлет ссылается на концепции Жоржа Батайя, своего интеллектуального учителя. Батай в своей фундаментальной работе "Проклятая часть" сформулировал совершенно новый подход к исследованию проблемы материального производства в человеческом обществе и его изначальных мотиваций. Бергфлет резюмирует идеи Батайя в следующих словах: «Фундаментальное открытие Батайя состоит в том, что все традиционные общества существуют за счет растрачивания прибавочного продукта в ходе ритуальных или праздничных процедур». Т.е. у Бергфleta и его учителя Батайя - *феодально-рабовладельческое* понимание производства, принимать всерьез «учение» Бергфleta о восстании как бесклассовом бессмысленно.

По замыслу Бергфleta «восстание должно быть нацелено против самой могущественнейшей силы, радикально враждебной стихии жизни. Перед лицом гигантского летального потенциала нашей эпохи Восстание не должно отвлекаться на псевдо-проблемы типа марксистской классовой борьбы или профсоюзной борьбы за кассу». Бергфлет протестует против технократии, которая уничтожает окружающую природу, но не замечает того, что видел Маркс: технократия уничтожает природу человека. Ибо человек у Бергфleta – абстракция, при этом конвейер уничтожает природу вполне конкретного класса – рабочего.

«Общую теорию восстания» находим в книге конспиролога Александра Дугина. Теории в ней нет, есть замечание, что истоки агрессии в – стремлении расширить свои возможности за счет кого-то. В стремлении к божественному.

Дугин не понимает, что для социалистической революции как акта агрессии расширение возможностей за счет буржуазии (перераспределения) имеет носит вспомогательный характер, ее цель – «сбрасывание змеиной шкуры», превращение рабочего класса из класса-для-себя в класс-для-иного, исчезновение не только буржуазии, но и рабочего класса.

Очевидно, что Дугин рассматривает развитие только в экстенсивном плане, для него, как и для физиков, отсутствует качественный скачок. В прогностике «теории» Дугина, выполненную в尼цшеанско-экзистенциалистском духе, использовать невозможно, например, такое фундаментальное утверждение, что «удар молота не может убить, как не может оживить чистый утренний воздух, полный озона». Предшествует утверждению сообщение, что «Этих полей и деревьев на самом деле нет. Они давно ушли вместе с разорванными в клочья писами. Псы утащили их с собой, в воронку вечности, вывернув пейзаж наизнанку».

У Бергфleta и Дугина есть общее. Они, как и Грамши, мыслят в либеральном духе, ведь и для Дугина важнее всего особые люди, авангард гегемона, своеобразный «орден меченосцев», о котором мечтал Сталин: «агенты внутреннего Континента».

Классы и страты

Марксистская теория создавалась во второй половине XIX в. Однако уже в начале XX в. стало ясно, что социальная структура общества эволюционирует несколько иначе, чем прогнозировал Маркс. Вместо того чтобы упрощаться до двух полярных элементов (буржуа - пролетарии), она становилась более сложной и многослойной. Усложнилась и политическая жизнь. Классовая модель ее субъектов стала выглядеть слишком общей и упрощенной, хотя и Маркс указывал, что внутри классов существует

множество самостоятельных групп (профессиональных, региональных) со своими интересами, отличающимися от общеклассовых. Кроме того, классовый анализ объясняет смену общественно-экономических формаций, которые случаются не каждое столетие, причем сам Маркс писал, что феодализм сменил рабовладение отнюдь не путем классовой борьбы. Истолковывать с помощью классового анализа менее глобальную динамику политических конфликтов, быструю смену политических ситуаций в рамках локальных исторических периодов затруднительно.

Маркс обнаруживает тенденции – но эти тенденции не имеют обязательного, жесткого характера. Поэтому еще в начале XX в. американским социологом и политологом Артуром Бентли было предложено понятие «группа интересов», которое до сих пор используется в политологическом и конфликтологическом анализе. Этим понятием обозначается объединение людей на основе общности интересов и действий в конкретной политической ситуации. Они берут на себя функции представительства интересов входящих в них людей во взаимодействии с политической властью и соответственно включаются в политические конфликты. Среди таких групп интересов, как правило, ассоциации предпринимателей, профсоюзы, молодежные и ветеранские организации, союзы и общества фермеров, деятелей науки, культуры, религии, экологические, феминистские и прочие движения и организации. По мысли А. Бентли, взаимодействие таких групп и государства является сердцевиной политического процесса. При этом даже сами государственные институты могут рассматриваться как официальная группа интересов. Поэтому именно они должны считаться реальными субъектами политической активности и конфликтов в этой сфере.

В конечном счете, политика и есть способ конфликтного согласования интересов различных социальных групп. В их динамике сегодня отмечаются две противоположно направленные тенденции. Первая, более традиционная, выражается в укрупнении, агрегировании политических интересов двумя-тремя ведущими политическими силами. Трезво оценивая свои реальные возможности пробиться к власти, относительно небольшие группы интересов почитают за благо поддержать одну из мощных политических группировок, располагающих реальной властью. В этом случае мелкий политический конфликт как бы поглощается, растворяется в более крупном, что в принципе способствует устойчивости, стабильности политической системы в целом.

Другая тенденция современной динамики политических интересов имеет прямо противоположный смысл: она заключается в диверсификации политических интересов, то есть в нарастании их многообразия и увеличении точек пересечения. Объясняется это как “разрыхлением” прежней жесткой социально-классовой структуры, так и нарастанием “неоднородности сфер жизни” (термин Р. Дарендорфа). Последнее означает, что все чаще люди оказываются в ситуациях, когда определенные общие интересы в одной из сфер жизни (например, заинтересованность в сохранении окружающей среды) могут вполне мирно уживаться с различием интересов в других сферах (например, трудовой). Люди уже не считают себя жестко принадлежащими к какой-то конкретной социально-политической группе, а меняют свою “ориентацию” в зависимости от того, какая из многих проблем кажется им на сегодняшний лень наиболее важной. Все это, конечно, усложняет общую картину политических конфликтов, делает ее многомерной.

Таким образом, современные группы интересов вполне обоснованно признаются реальными субъектами политических конфликтов. Но не меньше оснований претендовать на эту роль и у формальных политических институтов (президент, правительство парламент). Ведь помимо групповых интересов существуют еще и общенациональные - обеспечение суверенитета, безопасности, правопорядка, реализация крупномасштабных экономических проектов и т. д. Они не разложимы на групповые составляющие или, по крайней мере, не сводимы к ним без остатка. Кроме того, государственным учреждениям, несмотря на всю их социально-групповую ангажированность, все-таки приходится выполнять арбитражные или посреднические функции в урегулировании столкновений конкурирующих групп. Ведь даже внутри господствующих групп могут возникать противоречия (нашим экспортёрам, к примеру, выгоден дешевый рубль, а импортёрам, — наоборот, дорогой; и те, и другие не преминут лоббировать свои интересы в государственных структурах). Более того, противоречия и конфликты могут возникать и внутри самих государственных структур (столкновение исполнительной и законодательной ветвей власти, например). Так что, политические институты также должны быть признаны полноправными субъектами политических конфликтов.

Утверждается, что в середине XX в. доминирующий стратификационный порядок базировался не на классах и частной собственности в сфере производства, а на государстве и различных организационных системах (корпоративных, профессиональных, муниципальных и т.д.). Соответственно изменился и характер межгрупповых конфликтов: они стали мельче, но зато более многообразны. Субъектами конфликтов все больше выступают группы не только "социальные", то есть создающиеся на основе принадлежности к какой-то социально-профессиональной категории, но и целевые или инициативные, т.е. объединяющие людей в соответствии с конкретной задачей, которую они решают (экологические, потребительские, правозащитные). Пестроты в ткань межгрупповых конфликтов добавляет и неравномерность социального развития современного мира: в одних странах превалируют конфликты традиционного типа, определяемые классовыми и даже родовыми структурами; в других, более «продвинутых» - тон задают новые социальные движения.

Н самом деле все «целевые» конфликты» навязаны и призваны канализировать классовые конфликты в безопасное для власти русло. Теория страт сокращает число атрибутов социальной группы, более того, выбрасывает самый существенный – отношение к средствам производства.

Разный детерминизм. Отсутствие революции

Стандартным сравнительным (компаративным) методом в ученом сообществе не воспользовались в самом интересном месте: сравнении революций конца XIX начала XX века. Первопроходцем стал инженер Ярославского моторостроительного завода Н. Н. Ковалев, возглавивший в 1986 году первую в истории СССР крупную легальную забастовку против черных суббот и воскресений, которая не закончилась репрессиями. Его брошюра, изданная самиздатом в 1989 году, не нашла читателя.

Сопоставим развитие понимания детерминизма в естественных науках – пониманию детерминизма в истории.

Сегодня актуален обратный вопрос: не почему происходят революции (не рассматриваем теории происхождения социальных конфликтов из-за магнитных бурь или первородного греха), а почему они не происходят. В [6] приведены общеизвестные исторические примеры пассивности масс при резком усилении угнетения в различных странах: «Англичане сознательно разорили индийскую текстильную промышленность конкурента британских текстильщиков. В результате в 1769-70 гг. в основном центре индийского хлопчатобумажного производства в Бенгалии разразился голод, который унес треть населения - 7 млн. чел., а по другим подсчетам все 10... В 80-х 90-х трагедия в Бенгалии повторилась и от голода вымерла уже половина населения - 10 млн. чел. С начала XIX века по мере распространения власти англичан на всю Индию массовый голод стал обыденным явлением в стране. По английским официальным данным в Британской Индии от голода умерло в 1800-25 гг. 1 млн. чел., в 1825-50 - 400 тыс., в 1850-75 - 5 млн. чел., в 1875-1900 - 26 млн. чел.... если не считать мелких локальных эпизодов или "священной исламской войны" индийских ваххабитов (начатой в 1823 г.), ... первым серьезным актом сопротивления со стороны... индийского населения было восстание фараизитов в Бенгалии в 1823 г. спустя 60 лет после начала массового голода. ... умирающие от голода индийцы вовсе не были буддистами, принципиально отрицавшими насилие, а последователями индуизма и ислама - воинственных (по ср. с христианством) вероучений. ... Впрочем, с 1838 г. восстания в Индии стали вспыхивать регулярно, в 1857 г. началось знаменитое восстание сипаев, превратившееся в национальное» (с. 33).

Другой пример: «Первый массовый искусственный голод был организован в Ирландии англичанами в XVI в. Он явился следствием тактики вытеснения коренного населения с принадлежавших ему земель, которое проводилось в форме военных действий: англичане уничтожали посевы, угнали скот, грабили имущество, сжигали постройки, физически истребляли тех, кто не догадался (или не мог) бежать в леса и горы. ... Истребление ирландцев голодом длилось два десятилетия, прежде чем вспыхнуло первое крупное восстание... се верных кланов под руководством Шана О'Нейла (1559-67). Правда, с этого времени восстания в Ирландии следовали уже одно за другим, а в XVII в. даже вспыхнуло общеноциональное ирландское восстание (1641-52), которое превратилось по сути в национально-освободительную войну, едва не завершившуюся победой (к августу 1649 г., когда в Ирландии высадились войска Кромвеля, англичане удерживали в своих руках только Дублин и Лондондерри). В XIX в. история повторилась. После подавления ирландского восстания в 1798 г.... британские власти

ввели... высокие пошлины на вывоз ирландских шерстяных изделий в Англию и за границу и таким образом уничтожили наиболее динамично развивавшуюся отрасль ирландской промышленности. ... Рабочие разорившихся фабрик превратились в супердешевую рабочую силу... В 1845 г. болезнь картофеля (основного продукта питания ... населения Ирландии) вызвала в стране голод... в 1846 г. в Англии были отменены "хлебные законы", что вызвало резкое падение цен на хлеб и побудило... лендлордов в Ирландии к сгону крестьян с земли и переориентации сельского хозяйства страны с земледелия на пастбищное животноводство. Голод принял характер национальной трагедии. В течение нескольких лет от голода в Ирландии умерло свыше 1 млн. чел. ... Попытка восстания под руководством "Ирландской конфедерации" в июле 1848 г. провалилась. Разрозненные волнения весной-летом 1848 г. в Ирландии были легко подавлены. Преобладающей реакцией ирландцев было не сопротивление, а бегство...» (с.37).

Здесь в скобках можно отметить фаталистические, подменяющие диалектику установки различных политических левых: «Буржуазная революция в Англии была объективно прогрессивна...» Или: «Благодаря Хиросиме и Нагасаки человечество избежало глобальной ядерной войны...» Или: «Экспансия США в Югославии, Ливии, Ираке и пр. – проявление объективной глобализации» и т.п. Значит, если бы голодающие Ирландии уничтожили Кромвеля, они бы выступили с позиций отсталого производства? Регресс - неотъемлемый и в частностях (которые могут впоследствии оказаться решающими) момент прогресса, прогресс не обходится без крови. Но котлеты нужно отделить от мух, прогресс не тождествен регрессу, бомбардировки Хиросимы или Белграда – преступление.

(Интересное замечание у Энгельса: «Я понимаю, что капитализм развивает производительные силы, вытесняя неконкурентоспособных (т. е. не только силовыми методами, но и ценой или качеством товара, Б. И.), ... но участвовать в этом не хочу».)

Обратной стороной грубого объективизма является представление об обществе как механической системе. А именно: для того, чтобы изменить что-либо в обществе, предполагают, что необходима организованная сила. Из верной посылки далее делается неверный вывод: этой организацией должна быть партия. Самоорганизация подменяется партийной, активность низов, в том числе в экономике - голосованием за организацию. Подразумевается, что данная организация имеет возможность, нажимая на некие рычаги, управлять обществом. Допустим даже, что партия пытается идти не на десять шагов вперед, а на шаг от практики рабочего движения. Но так или иначе - лишь партия обобщает, а рабочим этого не дано. Ни о какой сознательности в таком случае нет речи. Очевидно, что отношение «класс – партия» не может сохраняться таким же, каким оно было в 1917 году.

Третий пример: «По разным подсчетам, в процессе завоевания Америки было истреблено ... от 90 до 120 млн. чел. ... с завоеванием Америки и установлением, например, в испанских владениях стабильного колониального режима геноцид индейцев не прекратился. Он просто принял другую форму классической эксплуатации... В Перу... на ртутных шахтах гибло 100% рабочей силы, на серебряных 80 из каждого 100 рабочих... Считается, что в течение колониального периода на шахтах Перу погибло свыше 8 млн. индейцев. В начале завоевания Перу на территории вице-королевства проживало до 10 млн. индейцев, а по данным переписи 90-х гг. XVIII в. их оставалось не более 600 тыс. ... Конечно, ... это был растянутый во времени и территориально процесс, а поведение индейцев никак не назовешь фатальным смирением. Но все же очевидно, что масштабы сопротивления индейцев в целом не соответствовали размерам геноцида против них» (с.39).

Об этом писал Эдуардо Галеано еще в 1971 году - в книге «Вскрытые вены Латинской Америки». По подсчетам с использованием уравнения Ферхольста получается 15 млн уничтоженных, если использовать официальные данные о начальной численности индейцев и 103 млн при использовании данных о реальной численности.

«Европейское средневековье, - далее пишет автор, - вообще было периодом не спорадического, а постоянного голода. ... Но если Почитать русские летописи, то и там то же самое... По подсчетам А. Я. Шевеленко, в Европе в средние века "голодовки случались в среднем каждые 6 лет и нередко приводили к катастрофическим последствиям". В России, где климат суровее... случались раз в 3 года вплоть до XX века. ... В Италии XIV век был веком неурожаев, связанных с этим голода и чрезвычайного усиления социального гнета, ... отягощенных еще и чумой. С 1300 по 1450 гг. население Италии уменьшилось с 11 млн. до 8 млн. чел. Средняя продолжительность жизни сократилась в течение столетия с 40 до 20 лет. ... Мы... можем пересчитать серьезные акты сопротивления по пальцам...

восстание под руководством Дольчино в 1304-7 гг., восстание Кола ди Риенцо в 1347-м, восстание сукноделов в Перудже в 1371-м, восстание чомпи в 1378-м, восстание тукинов в 1386-87 гг. ... Если же мы обратимся к эпохе рабовладения, то там картина еще безотраднее." (с. 40).

Покорность илов Спарте сходно с поведением их соседей мессенян. Однако и мессеняне, подобно индусам, восстали лишь спустя столетие после захвата в VIII в. части Мессении Спартой и принуждения отдавать 1/2 урожая (2-я Мессенская война). 120 тыс. египетских феллахов безропотно погибли на строительстве Суэцкого канала, и т.д.

Революция есть тип социального конфликта. Для социального конфликта необходима аналогичная «революционная ситуация». Можно было бы утверждать, что для развертывания конфликта требуется определенный уровень развития производительных сил, которого не было у индусов или индейцев.

Однако закрытие заводов в России в 1992 году, массовые увольнения, скачок смертности вдвое не вызвали никакого сопротивления рабочих.

С другой стороны, ускоренно-насильственная коллективизация с 1928 года, голод на Урале, в Закавказье и других регионах СССР в 1932-1933 гг. вместе с раскулачиванием середняков мгновенно вызвал десятки тысяч крестьянских восстаний.

В [6] отмечается, что утверждение «усиление гнета ведет к усилению социальной борьбы» даже не грубо социологично, а попросту не имеет отношения к науке. Понятно, что в современной России ценовый пресс не соединяет, а разобщает людей. Добавим, что не срабатывает и ленинская формула революции: верхи не могут, низы не хотят плюс резкое ухудшение положения масс сверх обычного. Автор ищет причины пассивности в психологии обывателя, мещанина, в эгоизме, что, конечно, ничего не добавляет к законам истории. Разумеется, у каждого и у каждого поколения есть выбор, ведь мы имеем дело с человеческим обществом. Однако в примерах, изложенных в [6] прослеживается совсем иное: в конечном итоге восстания все же происходят, а срок их "подготовки" - если говорить точно - самоорганизации зависит, скорее, не от случайного рождения лидера или лидирующей группы, а от технических средств связи, объединяющей производственной базы и других объективных факторов.

Экзальтированная апелляция в [6] к оружию и к «субъективным усилиям» («... в стране нет новых лидеров и новых идей, которые могли бы вдохновить людей на борьбу ... новые идеологии нерабатываются за пару лет») традиционна для московской публики. Она оставляет в стороне практику самих масс (социальное творчество) и в протестах, и в выработке идеологии, которая может возникнуть лишь из этой самой практики масс, но не выдумана каким-либо лидером или группой теоретиков. Такой «романтический» подход стоит непреодолимой стеной перед многими исследователями.

Но в [6] серьезная путаница: в случае с индусами и индейцами нет никакого усиления гнета, есть вторжение сил противника, намного превосходящего в технике. Случай голода или чумы – совершенно их другой области, но и здесь нет никакого персонифицированного усиления гнета, поднимать восстание против вируса или неурожая бессмысленно.

Сегодня идет необходимый процесс овладения массами отношений собственности с нуля (подробнее см. [7]), его невозможно перескочить, как это пытались сделать после 1917-го путем юридической отмены частной собственности. Не говоря уже о том, что для рабочих сегодня недостижимо не только вооруженное выступление, но и всероссийская забастовка, хотя субъективных усилий было предостаточно. Вместе с тем, несмотря на всевозможные объяснения, их классификацию и некоторые практические выводы, сохраняется вопрос о том, какие именно факторы следует считать в данной точке пространства-времени основными, какие несущественными, как происходит социальная динамика под воздействием этих факторов и что понимается под социальной динамикой.

Например, замена исторической динамики классовой борьбой, в свое время оказавшаяся исключительно продуктивной, означает не только исключение относительно самостоятельно этнической динамики из целостного процесса, но сведение общего к особенному. Эволюция объявляется прозябанием, подготовительным периодом, развитие ставится в жесткую зависимость от т.н. исторической необходимости («Дарвин был нужен Дарвин родился»). Критика этой редукции будет развита ниже. С другой стороны, нарочитое невнимание к борьбе классов есть лишь попытка выдать желаемое за действительное. Этническое ныне вытеснено классовым, например, трудно назвать национальными конфликтами события в Нагорном Карабахе, Югославии или Чечне, данные конфликты

не вызваны национальным угнетением, лидеры национальных группировок играют роль марионеток в руках США и их сателлитов.

Однако использование классических марксовых схем наталкивается на зачаточность исторического метода. История, как наука, по выражению Марка Блока, слишком молода, ее логика менее развита, нежели логики естественных наук или литературы. Хотя Маркс (и современные исследователи) извлекали подобие теории даже из иллюстраций (напр., «18-е брюмера Луи Бонапарта», что поразительно предвосхитило события 1991-го и 1993 гг., будто бы подтверждая метод аналогий).

Перенесение в духе Фрейда (т.е. распространение идей психиатрии на социологию) методов естественных наук в историю также не определяет историко-математического уравнения, т.е. собственной, самостоятельной логики истории. Хотя очевидна связь между естественнонаучной методологией и социальной динамикой, причем они взаимопроникают (Маркс пишет, что в будущем наука о человеке включит в себя естественные науки так же, как естественные науки человековедение, это будет единая наука).

Критика метода

Очевидно, что общая закономерность, которая, казалось бы, видна из ряда примеров, может быть подвергнута сомнению и требует уточнений. Дело в том, что в [6] временные рамки ничем не ограничены, следовательно, если степени воздействия на массы и сопоставимы, то состояние масс и условия, в которых они находились, существенно различны, и в целом события оказываются несравнимыми. (В общем виде, с одной стороны, мы не имеем права говорить о характере протеста, имея под руками малый отрезок времени, а с другой переносить макроскопические закономерности в микромасштаб.)

Гегелевское междометие «история повторяется дважды» или марксово дополнение «второй раз виде фарса» подтверждаются событиями в России, СССР является собой наглядный пример цикличности общественного развития с повторениями черт феодализма (А. Б. Разлацкий, 1975) и азиатского способа производства. Однако представление о цикличности исходит из схемы диалектического развития от противоположения к синтезу, далее к отрицанию синтезированного, т.е. к возврату на ином уровне того, что было снято в процессе синтеза. Сначала происходит различие сторон будущего противоречия, затем возникает их противоположность, затем ее обострение до противоречия. В этой схеме неясно, что является источником движения от различия к противоположности и далее к противоречию. Тоже противоречие? (Ф. Ф. Вяккерев, 1966).

Диалектический детерминизм предполагает, что если в системе существует противоречие (которое движет историю), то его механика - расхождение сторон на противоположности и далее синтез - дает возможность прогнозирования. Если же система в ходе снятия противоречия распадается, значит, пишет Гегель, в системе не было сил, удерживающих противоборствующие стороны в единстве. Причем в какой точке времени произойдут распад или синтез, неизвестно, прогнозирование в таком случае невозможно.

Временные масштабы истории пытались осмыслить Б. Поршнев, Л. Гумилев, А. Фоменко и Г. Носовский. (Заранее отсечем направление поисков в духе Козырева, см., напр., ряд работ в [8], пытающееся свести физическое время к биологическим процессам или найти особое биологическое время.) Если А. Фоменко, несмотря на многие ошибки и надругательство над лингвистикой, поставил вопрос о достоверности хронологии (выясняется, что астрономические данные не подтверждают исторические; во-вторых, уж если в XX веке переписывали историю, то и ранее она подвергалась искажению со стороны власти), если Поршнев указал на ускорение истории, то Гумилев обнаружил структуру истории, описываемую фракталами, которыми описываются и другие формы движения материи. (Феноменология этнической динамики с оценкой максимума продолжительности жизни этноса, разумеется, важна, однако вводимое понятие пассионарности сродни фантомам теплорода или флогистона). Речь идет о том, что при измельчении исторического масштаба прогноз может измениться на прямо противоположный. Например, неучтенный в более крупном масштабе фактор направления ветра может изменить исход битвы (ветер помогает военачальнику услышать приближение противника, войска разворачиваются и отражают атаку).

Нечаевщина стояла в стороне и от социал-демократического течения, и от прочих социальных движений. Достоевский в «Бесах» явно искал историю стачки на Невской бумагопрядильной фабрике (о ней совершенно по-другому пишет Плеханов), однако именно нечаевщина проявила в будущем как всеобщая черта сталинского режима (см. письмо М. А. Бакунина к С. Г. Нечаеву 2 июня 1870 г., где он фактически соглашается с Нечаевым относительно управления обществом узкой группой, [9]). Беккерель случайно кладет фотопластинки в карман с радиоактивными образцами, в результате - Хиросима и Нагасаки, не без помощи теории Эйнштейна - Гильberta. Очевидно, что никакая классовая борьба не привела бы в науке к такому результату.

Ситуацию можно сравнить не с недостатком параметров модели, скажем, в теории катастроф (типа складки, где «параметр» фотопластинки медленно меняется), а, скорее, с надкритической неустойчивостью: от шероховатости трубы отрывается слабое возмущение, вихрь, который поддерживается вследствие типа вихря основным течением, поскольку оно так устроено, вихрь растет и вскоре сам становится основным течением. Лидия Гинзбург полагала, что сталинизм является именно такого типа катастрофой: «Даже ребенок, играя со спичками, может сжечь город, если город деревянный».

Верно ли это? Возможно ли было избежать тоталитаризма путем замены надстройки на демократическую, как думают представители троцкистских течений? Например, по нашим венам течет кровь со скоростью, превышающей критическую, однако турбулентности не возникает именно из-за отсутствия шероховатостей. Однако какого масштаба должны быть исторические шероховатости? Возможно ли учесть все их типы при последовательном измельчении масштаба поиска?

Наоборот, более крупный план позволяет обнаруживать закономерности и делать прогнозы, которые не видны при попытках учесть абсолютно все факторы. То есть, при большом числе событий появляется возможность отслеживать нечто среднее, подобно тому, как в термодинамике мы обречены на незнание траекторий всех частиц, но за счет их большого числа можем определить некие средние характеристики системы и найти связь между ними.

Очевидно, что более крупный план уже подразумевает обобщение. Круг замкнулся: чтобы вывести закономерность, нам нужно определить временной масштаб, но чтобы это сделать, необходимо ее знать. Для физики эта ситуация стандартна, если речь идет о выборе не масштаба, а ряда факторов: на каком-то шаге нужно прервать рассуждения, ограничить задачу, причем ограничение выглядит менее справедливо, нежели возражение ему. Так, Ньютон, в отличие от Джордано Бруно, прервал цепь рассуждений, представив пространство-время независимыми от материальных тел, но получил работающую теорию. Что касается выбора масштаба, то и в физике в этом плане сохраняются редукционистско-финалистские представления. В частности, принимается, что в моделях ранней Вселенной действуют те же законы, что и в современном мире. Допускается изменение мировых констант, но типы связей остаются неизменными, модель Фридмана проецируется на эпоху инфляции.

Есть еще одна форма редукционизма, которая красной нитью проходит как через всю физику, так и через всё общество. Если сверху падает Луна, ищем кнопочку с надписью «уничтожитель лун». В физике никто не знает, что такое заряд. Это такая кнопочка, которую нужно нажать, чтобы объяснить ограниченный ряд явлений (электродинамика не имеется в виду, но, например, гиперзаряд или цвет). Известно лишь, что масса - это качественно иная кнопочка по сравнению с зарядом, поскольку ее можно дробить, единичной массы не существует, и, следовательно, уравнения с массой не обезразмерить, в отличие от электродинамики, где можно измерять заряд в зарядах электрона, а скорость - в скоростях света. В тепловых явлениях отсутствует и кнопочка. Заряженный электрон может взаимодействовать как единичное с вакуумом. Можно вводить пробные заряд или массу. Но, как нельзя в дифференциальной форме записать закон сохранения тепловой энергии (1-е начало термодинамики) или связать посредством гамильтонова формализма с однородностью времени или симметриями пространства, так нельзя представить тепловой заряд. Теплорода не существует, никакие скрытые параметры или суммирование энергий не дадут качественное отличие термодинамической системы от механической, например, не обратимость процессов.

Согласно определениям, данным Р. фон Берталанфи (1973), система – комплекс взаимодействующих компонентов, или: совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и со средой. В стандартном определении система - множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство.

Немногое добавляет и определение Ф. И. Перегудова и Ф. П. Тарасенко: система - множество взаимосвязанных элементов, обособленное от среды и взаимодействующее с ней, как целое.

В данных определениях система остается не определенной, ибо под данные определения попадает, кроме некоторых элементарных частиц, буквально всё во Вселенной, начиная с барионов и кончая звездными сверхскоплениями. Следовательно, так называемые системный подход, системный анализ, основанные на данных определениях, являются бес смысленным словоблудием.

В определенной мере данный подход вызван к жизни развитием электроники, наделение электронных схем, в частности, роботов, человеческими качествами – своего рода религия, выносящая лучшие качества человека за пределы человека и помещающая эти качества на небеса. Электронные системы имеют значение для наблюдателя, но с точки зрения развития Вселенной не являются системами, их структуры не выделены. Как мы помним, Аристотель в духе телеологии и дождю приписывал цель увлажнить почву дл урожая.

Главным недостатком теории систем является попытка объединения разнородных сфер, которые описываются разными науками, в то время как понимание специалистами в области системного анализа, что есть система в физике, химии, биологии, тем более, в обществе, разделенном на классы, полностью отсутствует, не говоря уже о том, что сами эти науки еще далеко не объединены.

Казалось бы, синергетика описывает и физические, и химические, и биологические процессы, однако, как и теория вероятности, она описывает лишь одну сторону явлений. Синергетика выделяет самоорганизующиеся процессы, теория вероятности оперирует с множеством одинаковых повторяющихся событий. В то же время в понимании систем необходимо выделить их функциональную сторону – но не в утилитарно-субъективном смысле, не для наблюдателя. Субстанция – система №1, истлеваяющая система, круговорот воды в природе – процесс в сохраняющейся системе, №2, коацерват – развивающаяся от простого к сложному система, тип №3.

Дадим новое определение: под системой понимается такое множество объектов, которое имеет СУЩЕСТВЕННОЕ качество, отсутствующее в единичном вне данной системы (допустим, структуры в смысле Г. Биркгофа) в проявленном виде, которое определяет конкретный тип функционирования.

Ясно, что качество статистичности заложено в единичном, но проявляется лишь в системе. Однако это качество отлично от массово-зарядового качества. В системе электронов (или их качеств, например, спинов) проявляется не новое "электронное" качество, а лишь проявляется все та же статистичность. (В экспериментах начала 80-х доказано, что неравенство Белла не выполняется, следовательно, скрытые параметры не существуют, хотя споры вокруг неравенства и поиск скрытых параметров продолжаются до сих пор, хотя бы из-за парадокса Эйнштейна-Подольского-Розена, следовательно, не проявленные качества не могут быть скрытыми параметрами.)

И все же в физике до сих пор во многих случаях решала возможность повторить эксперимент, которая в истории присутствует в весьма спорном варианте, лишь как сравнение различных стран в сходных условиях или как повторение одних и тех же схем массовой суггестии, которое, кстати, зачастую приводит к противоположным результатам. (Что касается Вселенной как целого, которая тоже неповторима, уникальна, методом исследования является эстраполяция частного на целое, корректируемая астрономическими данными.) Но повторяемость еще ничего не значит. Аналитики «Коммерсант-Дейли» любят строить графики и оценивать коэффициенты корреляции R в рамках регрессионного анализа даже в тех случаях, когда речь идет об обнаружении с помощью коэффициента R некой связи между избирателями различных политических деятелей. Правомерно ли это?

Рассмотрим выборки: объемы аудиторий и средние размеры ушей студентов в аудиториях. Машина построит график зависимости и, если R близок к единице, можно предполагать наличие связи. Однако R может быть случайно близок к единице, при достаточно большом количестве экспериментов машина покажет R близким к нулю. Сама по себе колмогоровская версия теории вероятности предполагает существование устойчивой частоты при бесконечном количестве экспериментов. Но другой пример: в лаборатории снимают спектры ЯМР. Обнаружен сдвиг спектров. Видно, что чем больше в комнате мух, тем больше сдвиг. При большом числе экспериментов машина покажет, что между числом мух и величиной сдвигов существует физическая связь, коэффициент корреляции близок к единице. Хотя связи нет, есть связь числа мух с температурой в комнате и между повышением температуры и неполадками в приборе.

В смысле методологии науки интересно привести в пример эксперименты С. Э. Шноля, проводившиеся в течение тридцати лет. Вначале была обнаружена связь между колониями бактерий, разделенных непроницаемой перегородкой одной колонии прививали болезнь, у второй появлялись признаки той же болезни. Затем колонии разнесли - одна в Пущино, другая в Киеве. Затем эксперимент повторили с химическими системами. Затем с радиоактивными образцами. Если счетчики Гейгера включались одновременно, то отклонения от гауссова распределения электронов по энергиям в Пущино и в Киеве совпадали. Правда, не во все времена года. Попытки Эйдуса (Ин-т биофизики в Пущино) обнаружить связь с расположением звезд или какими-либо глобальными атмосферными и геологическими факторами окончились неудачей.

Существование именно гауссова и др. распределений, как объясняет сам Шноль, означает существование особой связи между объектами (некоторые исследователи полагают, что это нефизическая связь, а статистическая физика, следовательно, вовсе не физика). Из упомянутых экспериментов следует, что есть и иная связь, которая не описывается аппаратом теории вероятности.

Возможно, что Шноль путем многих экспериментов обнаруживал неоднородности пространства-времени в различных положениях Земли в Солнечной системе, т.к. теория вероятности отражает симметрию пространства, но речь о другом.

Подобная связь не является исключительной: например, причинно не связанные электроны в эксперименте Эйнштейна-Подольского-Розена оказываются зависимыми друг от друга. Наиболее общая формулировка дана Лениным в «Философских тетрадях»: «Каузальная связь, понимаемая нами обычно, есть лишь часть всемирной связи». (Обращение времени, гипотеза которого рассматривается некоторыми исследователями, на самом деле сохраняет тип причинно-следственной структуры мира). Отсутствие необходимой повторяемости, вытекающей из причинно-следственной структуры, делает невозможной формулировку понятия «эксперимент» не только в биологии, но даже в фармакологии. О том же говорил Тимофеев-Ресовский: «Природа не может быть автоматом с единой формулой, где человеку нечего делать», о том же Гете: «В жизни дело идет о жизни, а не о какой-то цели ее».

Таким образом, естественные науки указывают, что попытки формализовать исторический детерминизм в математической форме некорректны.

Лапласов детерминизм в обществе

Невозможность редукции биологии и истории (Акчурин, изыскивающий в математических моделях подходящий для описания биологических систем, Бонифатий Кедров, охватывающий квантовой механикой химию и др.) или попыток использовать методологию биологии в истории привели к возрождению сенсуалистских представлений. Вновь возникает своего рода интуитивный детерминизм в духе Бергсона, где явление понимается путем идеирования (Гуссерль), либо медитации, некоего процесса, неотъемлемого от учителя (махатмы). Исключительно сильное возражение рациональному познанию с позиций материалистической диалектики можно найти у К. А. Свасьяна [15]. Такие явления, как психика состояния человека, отчасти выраженное в искусстве, через которую и проявляется история, можно постичь, как полагал Бахтин, лишь в общении, следовательно, в познании субъективной реальности без учителя в принципе не обойтись.

Увы, прогнозы, в основании которых лежат идеалистические представления, как правило, не сбываются, яркий пример – пророчества Шпенглера. Не оправдывает себя и прогнозирование ведущих экономистов, Гэлбрейта или Фридриха Хайека. Разнообразные факты о способности предвидеть во время сна реалистичны, но они не относятся к истории. «Прогнозы» Нострадамуса, Блаватской или современных прорицателей типа Павла Глобы, придуманных журналистами прорицания Эдгара Кейси или Ванги на самом деле – фальсификаты СМИ – в сравнении с импрессионистским марксистским (феноменологическим, основанным на владении логикой коммунистических движений) пророчеством революционера Троцкого, предсказавшего в 1938 г. распад СССР.

Ряд экономических задач вполне возможно формулировать в старой статистической парадигме, например, как оптимизация работ приготовления и перевозки бетона при вероятностном описании процесса [10]. Сегодня модели такого типа, а также теория катастроф, успешно применяются в локальных задачах биржевых игр. Ранее доминировала английская школа статистических методов в экономике (Пирсон, Фишер; см. также [11]. Сегодня известны попытки компьютерного анализа

вариантов развития отрасли (Леонтьев, США) и территориального хозяйственного комплекса (А. Раскопин, Г. Кашеварова, Пермь). К сожалению, в их моделях присутствует лишь некий зоологический механизм саморазвития производства, без учета социальной динамики, причем А. Раскопин рассматривает свои модели не как обязательную формулу жизни градостроительного комплекса, а лишь как инструмент для определения ряда вариантов, и понимает, что эlimинирование социальной динамики является недостатком модели. Критика метода дана, например, в работах Б. Г. Плошко [12], С. М. Саргсяна, Г. Б. Юзбашяна [13], Б. Г. Миркина [14] и ряда других авторов.

Саргсян и Юзбашян отмечают: "До реализации межрегиональной оптимизации модели развития страны невозможно определить замыкающие затраты на каждый вид продукции для каждого региона. Поэтому (!) при рассмотрении процессов развития экономики региона в отдельности целесообразно оценивать изменение ввоза продукции по верхним предельным оценкам, а изменение вывоза по нижним..." ("Выделение и формирование вариантов динамического развития межотраслевого комплекса в народном хозяйстве", "Целочисленная постановка модели оптимального территориального планирования развития хозяйства региона, разделенного на районы"). То есть, имеем прежнюю картину: для формирования модели необходимо ограничение, но для ограничения нужно предполагать модель. Попробуйте построить модель динамики экономики страны без динамики внутрирегиональной, но внутрирайонной динамика понятна лишь при знании динамики целого. Возвращаемся к тому, что мы не знаем существенные факторы исторического развития.

С другой стороны, «интерпретация математического понятия выборки, пишет Миркин, как совокупности случайно выбранных объектов, не всегда очевидна и точна». Дело в том, что «случайный механизм должен моделироваться самим исследователем» (с.217). Миркин приводит пример неверного прогноза результатов президентских выборов в США перед войной: социологический опрос проводился по телефонной книге, таким образом событие не могло быть случайным. Тот факт, что событие не случайно, можно проверить лишь после эксперимента. Пусть выборка случайна, но проверка статистических гипотез о социально-экономических наблюдениях в канонических терминах уровней значимости доверия во многих случаях не имеет никакого смысла (пример с мухами, Б. И.)... все равно вопрос о зависимости признаков решается волевым путем».

Ключом к пониманию является не увеличение количества экспериментов, а культура, определенная как владение физической проекцией логики природы. Имеют смысл лишь необходимая связь, тенденция. Понимание этого, отсутствующее, на наш взгляд, у разработчиков эволюционных компьютерных моделей, позволяет приблизиться к более конкретной постановке задачи о детерминизме в истории.

Часть II

Статистический подход

Рассмотрим подробнее физический детерминизм в истории.

Социальная система, как и многие физические, иногда является статистической. Примеры использования теории вероятности в описании механизма генетической наследственности Менделя, работы телефонной станции можно найти хотя бы у П. Уитла [16]. По вероятностным же законам происходит заполнение психиатрических лечебниц, существует статистическая закономерность попадания граждан под автомобили (т. к. есть физическая связь и те, и другие перемещаются в одной плоскости плюс невнимательность, незнание правил дорожного движения и теми, и другими, пьянство и тех, и других. Это условия, которые вовсе не обязывают гражданина попасть под машину. Он туда попадает по другому закону. Авария есть пересечение бесконечных логических цепочек).

Факт применимости теории вероятности в других, помимо физики, науках, послужил поводом для утверждения, что термодинамика не является физикой вообще, как и уравнение теплопроводности. Оно имеет первую производную по времени, во всех же прочих фундаментальных уравнениях физики фигурирует вторая производная. Во всяком случае, существование уравнения теплопроводности указывает на тождество времени в различных формах движения материи и свидетельствует против утверждения нефизичности статистики (а также против особого биологического времени: статистическое время и физическое связаны системой уравнений, и не существует экспериментальных данных, где бы нарушалось тождество времен. Хотя сам второй закон термодинамики не имеет

производных по времени. Этот момент является преградой, в частности, при обобщении термодинамики и гравитации. Схемы формулировок второго закона термодинамики в терминах гамильтонова формализма пока не дали ощутимых результатов (см., напр., [17]).

Разумеется, для статистичности тоже необходима симметрия, симметрия пространства (например, чтобы распределение имело максимум на 50%, монета должна быть симметричной). Если мы попробуем избрать не два, а три и более возможных варианта (или плохо перемешаем, скажем, семена красных и желтых цветов перед высадкой на клумбу, тогда они вырастут пятнами, закономерности размеров которых не описывается теорией вероятности), мы получим дробные размерности в радикальских теориях. Любопытно, что p -адическому интегралу, описывающему броуновские процессы, соответствует группа симметрии $SU(2)$. Можно было бы попытаться по аналогии с механикой, связать закон сохранения в термодинамике с симметрией. Однако, что касается классических диссипативных систем, наличие пространственной симметрии, которое является всего лишь условием сохранения импульса, еще не дает возможности использования вариационного принципа.

Проблема сходна с возникающей при обобщении гравитации и квантовой теории поля (КТП), в частности, стандартной температурной техники в теории многих частиц (см. [18]). Не удается ее разрешить и в суперсимметричных моделях. Гравитационное поле нарушает пространственную симметрию: уже в специальной теории относительности (СТО) в 4-векторе перемещения дополнительная временная компонента. Классическая же теория вероятности подразумевает именно пространственную симметрию, например, симметрию подбрасываемой монетки. Следовательно, гравитационное поле нарушает аксиоматику теории вероятности, а вместе с ней и логику вероятностного детерминизма и модальную логику вообще. То есть, существуют затруднения при использовании статистических методов уже внутри физики.

Если мы все же предполагаем априори, что в истории существует ряд периодов, описываемых теорией вероятности (с какой-нибудь спиралевидной симметрией), событие в истории нужно определить как приготовление условий Z и воздействие $\langle A \rangle$ на объект H в условиях Z . Условия Z должно быть на порядок грубее $\langle A \rangle$ и H : экспериментатор должен не уметь подбрасывать монету так, чтобы она всегда падала, например, решкой, т.е. должен не знать всех причин, действующих на монету, лишь в этом случае проявится статистическая закономерность. Итак, грубо говоря, событие

$$E = Z + AH$$

Если мы знаем, что выпадет, т.е. умеем подбрасывать, то речь идет о другом событии. Если говорить о результате в событии (выпадении орла или решки), то необходимо дополнить результат X способом подбрасывания r , который распадается на условия Z и тип подбрасывания, который варьируется (машинкой или рукой), поэтому можно рассматривать только условия Z . Если Z такие, что $P(X) = 1$, значит, мы всегда имеем один и тот же результат и знание о Z полно. Чем больше знание о Z , и из ряда повторяющихся Z' , Z'' , Z''' ..., готовятся все более одинаковые Z , тем более $P(X)$ стремится к 1. Ясно, что разница в Z ограничена, если понимать под Z набор параметров состояния, которые еще нужно определить как параметры состояния социально-этнической системы. Если разница в Z сравнима с Z , то мы не можем даже приблизительно указать, возможен ли тот или иной результат, исходя из теории вероятности. Вообще мы должны быть готовы к тому, что вероятностью описывается лишь ограниченный ряд явлений. "И, наконец, так как ты не считаешь, что всякое тело / Запах и звук издает, то выходит тогда несомненно, / Что невозможно всему приписывать звук или запах." (Лукреций, "О природе вещей", 830). В этом случае понятие вероятности лишено смысла, но это не значит, что нет возможности описания события с помощью других характеристик (количественных или качественных) случайного. Например, можно определить: при "приблизительно" равных, но достаточно грубых ($Z(i,j) - Z(m,n) \ll Z$) и неизвестных экспериментатору Z в случаях типа монеты $P(X) = 1/2$. Причем полное знание Z невозможно, однако, меняя эксперимент, узнавая Z , мы отменяем стихийность, вводим монополию. Таким образом, возвращаясь к [6], в исследовании в любом случае, описывается ли эпоха вероятностным методом или нет, нужно

I. определить необходимые, существенные моменты Z (условий). Отметим пренебрежение условиями в сталинизме и троцкизме. Для первого диктатура пролетариата и социализм возможны на любой стадии развития капитализма; второй дополняет условия внешними: мировой революцией, но уровень производительных сил неважен, определяющим принимается пролетарское сознание. То есть, не

общественное бытие определяет общественное сознание, а социалистическая (диктаторская) надстройка руководит социальной материей.

С. Смит утверждает, что «у Маркса вообще не было теории... Целью его сорокалетней работы вовсе не было установление системы идей, могущих объяснить мир» [19]. Однако в противовес себе же пишет: «Последователи Маркса... как и материалисты XVIII века, представляли общественный мир как тип сложного механизма, части которого взаимодействуют согласно открытым законам. Революционной партии известен секрет этих законов...» Смит не понимает марксизма и отождествляет его с механицизмом, который является противоположностью и тождеством троцкистско-сталинистского волюнтаризма.

II. Необходимо выделить до занесения данных в таблицу предполагаемые необходимые связи (которые мы собираемся установить и исследовать). Если иметь в виду товарно-денежные отношения, то очевидно, что знание Z вовсе не отменяет старого разделения труда. Во-вторых, вождь не может знать Z , потому что Z формируется всей социально-этнической системой: отчуждение носит всеобщий характер. Чтобы полнее охватить Z , аппарат собственников-управленцев должен разрастаться. Далее, чтобы сохранить себя, как элиту, он должен остановить рост и выталкивать из себя эшелоны кандидатов в управляемцы. При этом, опосредуя хозяйственные функции и, в силу невозможности охватить Z , аппарат разрушается. Что и произошло в СССР.

Очевидно, что представление истории как борьбы классов, явившееся наиболее результативным обобщением, тем не менее, сводит общее к абстрактному особенному. Классовая борьба оказывается оторванной от эволюции, в самой же эволюции оказываются неопределенными прогресс как восхождение от простого к сложному и регресс. Несмотря на кажущийся (в силу экстенсивности) технический прогресс, труд по-прежнему частичен: професионализм как владение логикой оборачивается «профессиональным кретинизмом» в процессе распредмечивания. Причем не только в случае физического труда. Программист начинает думать, как машина, что лишает возможности адекватно оценивать социальную ситуацию. Только вследствие этого невозможно говорить об охвате всех исторических условий узкой социальной (партийной) группой. (Очевидно, что здесь речь идет о таком типе тождества явления и сущности, о котором Л. Толстой говорил: «В будущем литература не понадобится - жизнь будет интереснее, чем книги». Разумеется, что описание каждого атома в кристалле не входит в задачу традиционной науки, да это и невозможно. Однако представьте, что каждый из них - личность.). Нетрудно видеть, что «романтическое» понимание качественного перехода (троцкизм, анархизм, сталинизм) касается только изменения условий труда, изменения социальных форм, но не затрагивает качественного изменения содержания труда. В этом другая крайность в понимании исторического детерминизма.

Можно, конечно, думать, что характер труда преобразуется эволюционным путем, но на практике современные технологии не просто приводят к пополнению резервной армии труда, но производят на свет армию кнопочных рабочих с тем же обезличиванием и отчуждением частичного труда, а также вытесняют квалифицированную рабочую силу в сферу обслуживания с деградацией труда.

С другой стороны, современные социал-демократическое и либеральное течения делают акцент на изменении характера труда сверху, то есть, компетентной группой, которой следуют массы, в то время как субъектами истории являются классы. Следовательно, условия «эксперимента» остаются в стороне. (К субъекту истории вернемся ниже.) Игнорирование характера труда отмечаем даже у Ильенкова, который предлагал, не дожидаясь, пока «уровень развития капитализма определится тем, насколько наука стала производительной силой» (Маркс), улучшить систему воспитания, чтобы у рабочих, несмотря на конвейер, появились ценности высшего порядка («Философия и культура»).

На самом деле очевидно, что содержание и характер труда связаны друг с другом. Например, творческий труд есть не только получение чего-то нового с необходимостью определения нового. Он связан с вовлечением в управление тем, что представляет собой планирование целого, общего, в миниатюре, изолированное в плоскостях науки или искусства. Или: для преодоления не творческого характера труда необходимо перераспределение общественных средств.

Казалось бы, содержание труда восходит от абстрактного к конкретному, все более творческому. Снижается доля живого труда на единицу рабочей силы. Уменьшается количество необходимого

рабочего времени. Но люди не меняются. Наоборот растет количество жертв от войны к войне, от экологии к экологии. Усложнение хозяйственного механизма неизбежно ведет к усилению отчуждения рабочих от управления (к поляризации населения, но не к появлению среднего во всем класса), несмотря на рост количества рабочих с высшим образованием в 80-е годы.

Необходимо вспомнить, что противоречие между трудом и капиталом в вещной форме отходит на второй план после Октября 1917 г. Хотя тенденция роста заработной платы четко обозначилась еще в прошлом столетии, поэтому классики отказались от тезиса об абсолютном обнищании пролетариата. Оно снимается внутри капиталистического способа производства - после того, как верхи не смогли управлять абсолютно нищающими рабочими, которые ничего, кроме некачественного неконкурентоспособного товара не могли произвести. Противоречие было снято путем реформистского изменения условий труда. Причем не с подачи группы компетентных экономистов - на «мысль» об увеличении зарплаты рабочих и улучшении условий труда и воспроизводства рабочей силы натолкнул тот же Октябрь (т. е. чья-то практическая деятельность).

Противоречие преформируется, еще Бакунин писал, что буржуазии для сохранения своего положения достаточно привилегий образования.

Очевидно, что противоположность между ростом конкретного труда и ростом отчуждения от управления и изменения характера труда усиливается до противоречия. «Верхи не смогут», поскольку аппарат не в состоянии будет охватить все богатство хозяйственных связей, и вынуждены будут «поделиться», «низы не захотят», поскольку вещная форма эксплуатации в развитых странах скоро будет окончательно преодолена. Воспроизводство рабочей силы все больше требует иного характера труда, следовательно, преодоления отчуждения от управления для изменения характера труда. Что, в свою очередь, требует всеобщего высшего образования, средства на которое выбиваются силой: в Канаде профсоюзы борются за универсальное образование для рабочих, во Франции проходят мощные демонстрации против элитарных школ за перераспределение денег для более высокого уровня всеобщего среднего образования, в Ливане в декабре 1996-го митингующие также потребовали всеобщего среднего образования. Верхи могут «не мочь», но не могут желать делиться. То есть,

III. необходимо понимать, что в старой научной парадигме (а именно: в условия старого разделения труда на тех, кто думает, и тех, кто выполняет) невозможно охватить Z. Можно лишь, поднявшись над явно незнаемыми условиями - ведь все до единого исторические сведения добыты и изложены представителями отдельных социальных групп, но не всего общества в целом, которое, к тому же, не представляет целого в силу того же разделения труда, найти некие «термодинамические» закономерности в прошлом или сделать шаг от старого понимания исторической закономерности. То есть, нет возможности прогноза.

С другой стороны, преодолевая анархию общественной жизни, мы пытаемся установить некие закономерности, например, как лучше, выгоднее жить, если им следовать, то есть, отменить то случайное, которое именуется индивидуальным самостоятельным мышлением и действием. Вспомним, как Лабриола, Плеханов, Лукач и даже Ильенков понимали диалектику: как наиболее общие законы бытия и мышления, следовательно, выплескивая из ванны с водой и ребенка - для человека важны именно отклонения от абстрактного, усредненного общего, наоборот, всеобщее в конкретном отклонении, которое Ильенков считал несущественным (см., напр., «Диалектическая логика» или «Искусство и коммунистический идеал»). Хуже того:

IV. как мы поняли из критики статистического метода, невозможно установить закономерность до опыта. Она устанавливается волевым путем. Собственно статистическая (математическая) закономерность вовсе не обязана совпадать с исторической необходимой связью. Где же выход?

О так называемой активности

Либо мы знаем, как движется социальная система, по каким объективным, не зависящим от сознания законам, а потому не можем воздействовать на ситуацию (фатализм), либо мы что-то привносим в систему законов так, что получаем возможность воздействовать на движение системы.

Что же мы привносим? Не формализуемую математически активность надстройки, сознания, воли.

Необходимые условия революции не отменяются, базис неумолимо приводит надстройку в соответствие с собой, вместо мировой революции происходит легализация капитализма в СССР.

Ленин, возражая Каутскому, ограничивает: привнесение не со стороны правительства, «идущего навстречу пролетариату», а в правительство, подчиненное пролетариату. И вообще роль социал-демократии есть лишь помочь в организации пролетариата. Как подчеркивал Маркс: коммунисты могут лишь облегчить обществу муки родов, но не могут рожать за общество.

Очевидно, что качество субъектов истории объективно для революции - но не активность рабочего класса.

Если ставить акцент на первичности общественного бытия, то субъекты истории и отдельные индивиды ничего не могут изменить коренным образом. Если же роль активности» сводится к облегчению при родах общества, то родить могут и без активных. Если же появление в обществе активных – закономерность, в таком случае, всё закономерно. Следовательно – всё случайно.

Наполнение диалектического единства «закономерное – случайное» простейшей конкретикой немедленно приводит романтиков к логическому противоречию. Факты таковы, что старое понимание активности как схемы «партия, наиболее понимающая законы движения, дает программу массы проникаются и следуют за программой, партия приходит к власти и совершает экономические преобразования» не срабатывает. То есть, необходима переоценка не только роли партии, но и детерминизма в истории – как и в естественных науках. Пригожин утверждает, что механистическое понимание детерминизма перекочевало во все частные науки, а, следовательно, и в философию.

Общество шагу не может ступить без планирования, осуществляется план или нет – вопрос второй. Разумеется, Ильенков в частности прав: наиболее общие законы движения внешнего мира совпадают с законами мышления. Из того, что днем светло, а ночью темно, следует, что мир не может быть устроен как угодно. Мы стреляем в турка, и турок погибает, потому что в него попала пуля. Естественно, добиться такого блестящего результата было возможно только путем длительной общественной практики. Однако достаточно задать вопрос: каким образом глаз формирует изображение турка (а глаз творит массу ложных изображений перед тем, как вылепить адекватный (см., напр., [20]), а также в какую именно часть тела турка угодила пуля, и мы возвращаемся предыдущим рассуждениям. Ведь распределение пуль по цели имеет пуассоновский характер.

Уравнение общественного движения, включающее законы общества, должно отвечать на вопрос, что будет с системой, взятой при определенных условиях, через определенный промежуток времени. Если же ввести активность субъектов, в уравнении должно получаться будущее, которые бы мы хотели видеть. Тогда можно решить обратную задачу. Необходимо не просто определить начальные условия для желаемого будущего, но изменить реальные начальные условия так, чтобы получить нужную нам картину в будущем.

Здесь нам известен в лучшем случае метод изменения, который, к тому же, изменяется в зависимости от обстоятельств. К этому нужно добавить ожидание, когда условия «созреют» (сами или с помощью субъектов) до того момента во времени, когда остается только «родовспоможение».

Осталась ли задача корректной? Например, в обратной задаче рассеяния или теплопроводности, когда нужно определить начальные условия из конечного результата, решения получаются неустойчивыми, но их можно получить в принципе. В обществе ситуация иная.

С одной стороны, если история детерминирована в картезианском духе, нет никакого смысла прогнозировать (прорицать и т.п.). С другой стороны, если существует уравнение истории, и мы получили решение, что будет завтра, и если это завтра негативное, то с имеющейся информацией субъект способен избежать этого завтра. Таким образом, общественное математическое уравнение ложно. История становится не детерминированной. Но только в смысле математической формализации.

VI. Стохастический подход

A. Классификация.

- 1) Лапласов детерминизм: есть точка с начальными параметрами $P(V, r, m, f)$. Будущее выводится из настоящего однозначно.
- 2) Вероятностно-квантовый: из P однозначно выводятся области будущих значений (V, r).
- 3) Интуитивно-пророческий: из общения с нечто или неведомым способом однозначно определяется будущее.
- 4) Культурологический, цивилизационный (Тойнби), марков: из логики целостной культуры (Маркс включает культуру производства) определяется возможное будущее. Ранее предполагалось, что физики,

к примеру, не только "стихийные материалисты", но уж коль скоро владеют частью логики природы, которая не может быть формальной, тем самым и "стихийные диалектики" (Ильенков, "Философия и культура"). Предполагалось также, что диалектика сводит воедино частные логики (А. Григорьев, следуя Библеру и др., предпочитал «полилектику», см. [21]). Между тем ни одна из логик неразвита, особенно биологии и истории. Относительно марксова метода нужно заметить, что в прошлом столетии отношения субъекта истории (класса) и надстройки (напр., партии) определялось в силу неразвитости производства в духе Бернштейна-Каутского (подробнее см. [22]). Идея прошлого столетия о физической невозможности саморазвития рабочего класса, необходимости привнесения партийного (интеллигентского) сознания (имеется в виду сознания внешней социальной группы) из "сituативной" была возведена в ранг концептуальной".

Поэтому говорить о современной единой логике, а также культурологии в ее действительном значении бессмысленно. Доказательством этому служат армады политических прорицателей.

5) Кластерный подход в социологии.

6) Плюралистический подход. Ю. Ольсевич [23] предлагает искать логику обществоведения, в частности, экономики, вообще минуя конкретику соотнесения теории с реальностью. Исходя из того, что в совершенно одинаковых общественных условиях появляются противоположные доктрины, Ольсевич объявляет, что «плюрализм теорий это как раз тот локатор, который позволяет наблюдать внутреннее многомерное изменчивое пространство хозяйственной системы». То есть, плюрализм сам по себе является отражением реальности, хотя на самом деле он «ненаблюдаем», плюрализм принадлежит эlite. Остальному обществу мысли диктуют СМИ.

В своих предшественниках Ольсевич числит Кейнса, Вальтера Ойкена («Основы национальной экономики», 1940). Исследуется множество теорий, несоответствие теорий реальности ставится под сомнение (и действительно теория строится на основании эмпирики и отражает уровень общественного развития. Или его сторону). Например, деградация российской экономики до сырьевого придатка развитых стран, по мнению Ольсевича, должна привести к реанимации посылок физиократов.

Допустимо ли игнорировать связь общественной теории с тем, что существует реально – с классовым интересом? Смешать в единый оператор позиции, принадлежащие антагонистичным социальным слоям и рассматривать конкретную теорию как одно из его собственных значений, проекций, которые только и являются, в отличие от самого оператора, наблюдаемыми?

В данном случае механистическое понимание детерминизма привело к редуцированию общественной динамики к групповым свойствам ряда теорий, известных лишь в степени приближенности теоретиков к эlite. Но идея Ольсевича неинтересна уже тем, что смешиваются теории, во-первых, неудовлетворяющие практике, а во-вторых, заведомо построенные в рамках старого понимания детерминизма, тогда как практика настойчиво советует нам прийти к новому.

Гораздо прозрачнее, с других позиций и о том же рассуждает анархист и неопозитивист Пол Фейерабенд (см. [24]). Посылкой его возражения «методологическому принуждению» является возражение научному чиновничеству: при выборе теорий берут верх лишь внетеоретические мотивы, просто сторонники одной теории любыми средствами побеждают сторонников другой. Кто именно побеждает? Кто близок к эlite. Т.е. речь идет о возражении либерализму и его тождеству - сталинизму: «Идеализм считает, что практика... есть лишь сырой материал, форму которому придает разум. Практика способна создать в себе элементы разума, но лишь случайным и бессистемным образом» (с. 470). Во-вторых, разум приписывается узкой группе лиц: «... нам исподволь внушается, что такие теории (т.е. теории, нужные для решения общественных проблем, Б.И.) должны быть разработаны специалистами, т.е. интеллектуалами; интеллектуалы определяют структуру общества, интеллектуалы объясняют, что возможно и что невозможно, интеллектуалы говорят каждому, что ему делать» (с.471).

При этом «проблемы решаются не специалистами... а заинтересованными лицами», тогда как желаемая демократия «представляет собой собрание зрелых людей, а не сорище глупцов, руководимое небольшой группой умников». Поэтому Фейерабенд, обильно цитируя Ленина, утверждает, что «теоретический анархизм более гуманен и прогрессивен, чем его альтернативы, опирающиеся на закон и порядок» (с.142).

Фейерабенд, в отличие от Ольсевича, берет за факт не проявления классовых интересов, а саму зависимость общественной теории от социального интереса, рассматривая ее как явление, но делает шаг «за факт», объявляя его отражением действительного развития всей науки, не только общественной.

Познание в целом по Фейерабенду носит случайный характер, развитие науки - хаотично. Причем он, как и Ольсевич, использует примеры правильных «неправильных» гипотез, но уже из естественных наук. На самом деле плюралистичность или анархизм являются отражением совсем иного. Дело в том, что в ходе диалектического развития общество не всегда находится в точках революции, т.е. в моменты обострения противоречия, целостности (тотальности, по выражению Бердяева). Рабочий класс России в 1917-м представлял нечто единое, тогда как сегодня он беспредельно раздроблен - ибо длится анархический период, период накопления многообразия.

Таким образом Фейерабенд, несмотря на точные наблюдения, совершают ошибку, отрицая детерминизм в истории.

7) Синергетический, стохастический подходы, подход теории катастроф.

Например, Г. Быстрай, Д. Пивоваров [25], напоминая о том, что социологи не в состоянии предсказать и даже объяснить резкие изменения общественного мнения или поведение какой-либо социальной группы, проводят аналогии в поведении статистического ансамбля, описываемого с помощью теории катастроф, берущей начало из общей теории систем А. А. Богданова и Л. фон Берталанфи. Общественные явления, считают авторы, как и синергетические, носят существенно нелинейный характер, в то время как большинство социологических моделей построено на основе идей линейности и выпуклости. Авторы полагают, что «в методологии социологических исследований теория катастроф и принцип стохастичности должны занять подобающее, если не ведущее место» (с.159). Разумеется, нельзя ставить голую задачу: есть метод, так не перенести ли его в область не родных ему проблем? Но синергетика и возникала как совмещение не родных друг другу задач в физике (бильярды, маятники с трением), химии (реакции Белоусова-Жаботинского) и биологии. Квантовую механику можно рассматривать как метод теории групп в описании поведения частиц, а ОТО - как переписывание механики Ньютона в псевдоримановой метрике. Кто же мешает продолжить ряд?

Б. Малинецкий Г. Г. в работе «Нелинейная динамика и "историческая механика"» [26], обобщая исследования на данную тему, отмечает, что экстраполировать историческую траекторию нельзя, поскольку «равновесие нарушено необратимо». Вряд ли последнее можно считать посылкой к размышлению: 1) в истории существуют и ламинарные процессы, 2) если дело только в открытости системы, то можно ввести источники, 3) если уж траектория существует, то нужно говорить не об экстраполяции, а о нахождении закономерностей. Лейтмотив работы Малинецкого очевиден. Он пишет: «С помощью этих концепций (исторического материализма, методов Сартра, Ясперса, Поппера; Б.И.) не удается перекинуть мост к конкретным задачам, возникающим перед государством и межгосударственными объединениями при стратегическом планировании... После встречи в Рио-де-Жанейро, показавшей, что концепция устойчивого развития, разделенная основными историческими субъектами, отсутствует, необходимость такого планирования трудно поставить под сомнение». Т.е. предлагаются услуги какой-либо политической группе. На самом деле концепция отсутствовала не только на 1-м «Global Forum» в Рио-де-Жанейро в 1992 г., но и на 2-м в Манчестере в 1994-м, и на 3-м в Стамбуле в 1996-м... Например, в Манчестере присутствовало свыше 1500 человек, из которых около лишь 600 делегаты. Но Малинецкий странно определил основных исторических субъектов. До сих пор под субъектами мыслились социальные слои или партии, но не их отдельные представители.

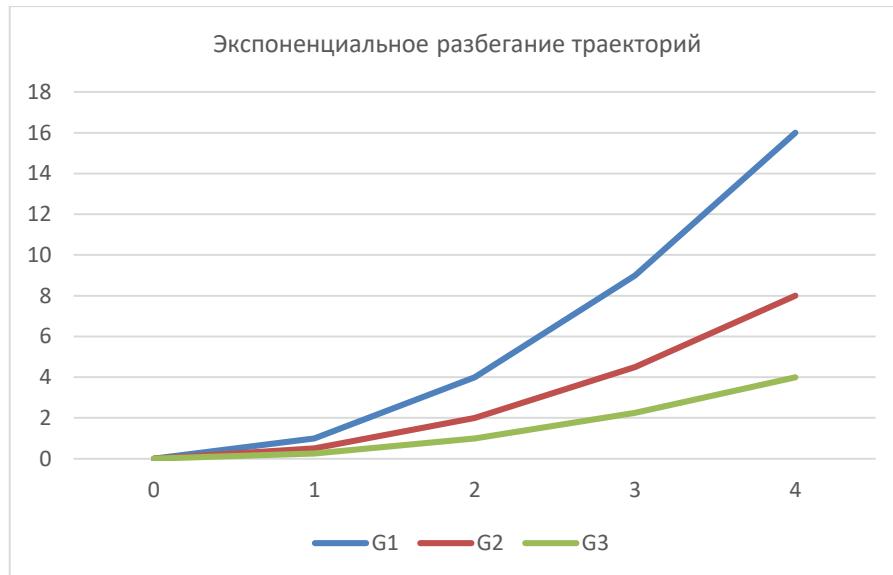
В качестве аргумента в пользу необходимости разработки единой формулы для государственных (точнее, партийных) программ Малинецкий приводит работу А. Андреева и М. Левандовского [27], где проведен «анализ динамического ряда, характеризующего стачечную активность... с целью построения математической модели этого процесса и выявления наличия в этой динамике особого периода хаотизации." Работа, как пишут сами авторы, является "первым шагом в создании адекватных математических моделей внутренних механизмов развития социальных конфликтов»,

Исследовалась статистика стачек во Владимирской губернии с 1895 по 1905 гг. Вводились следующие ограничения: 1) информация передается при личном общении без участия профессиональных агитаторов (но есть рабочие, становящиеся агитаторами), 2) предполагается постоянство числа рабочих занятых на производстве 4) в данной местности; считается, что Владимирская область не находилась в исследуемый период в состоянии качественно ускоренного развития. Результат, полученный стохастическими методами, тривиален: авторы заметили сезонную активность рабочих. В. Пономарев,

исследуя забастовки 1988-90 гг. в СССР, заметил то же самое, не прибегая к математическим моделям), что «позволяет дополнить недостающие исторические факты».

Означает ли повторение результата Пономаревым подтверждение адекватности метода? Ведь вывод о локализованности результата внутри Владимирской губернии напрашивался сам собой. Нет возражений применению стохастических методов для анализа истории. Но если изменился климат, или рабочие, узнав о методе Андреева-Левандовского, решили поменять тактику?

Стохастичность, в отличие от бифуркации перехода с одного предельного цикла (аттрактора, точки равновесия у маятника или круга, или странного аттрактора в трехмерном случае) и от катастрофы, резкого изменения при известном медленном изменении параметра, означает принципиальную непредсказуемость поведения частицы. Малые случайные отклонения начальных условий ведут к экспоненциальному разбеганию траекторий. Из области G_0 выходят пучки траекторий G_1, G_2, G_3, G_0 – начало координат. В каждый из пучков частица из-за случайных отклонений попадает с вероятностью P_1, P_2 и P_3 соответственно.

Малинецкий вводит джокеры области внутри G_1, G_2, G_3 с лапласовым детерминизмом. В G_0 "доминирующую роль играют волевые решения, которые ведут к путям с вероятностями P_1, P_2, P_3 ."

Схема чем-то схожа с изложенной в «Майн кампф». «Общество - усилитель, - пишет Малинецкий, - отдельных поступков, мыслей». Достаточно предложенной программы, и, если ты у власти, то можешь изменить ход истории. Общество усилит. Точнее, усилят СМИ, общество, как автомат, повторит. Малинецкий приводит в подтверждение книгу Ч. Сноу «Две культуры», где автор пишет: «... одной из сложных проблем является отбор и выдвижение талантливых, энергичных людей для руководства обществом у вершины социальной иерархии».

Цитируется также работа троцкиста Д. Норта [28]. Норт провел сравнительный анализ экономического развития Испании и Англии, которые, как полагает Норт, начиная с XV века имели сходные экономические показатели, и пришел к выводу, что решающим образом на судьбу стран повлияли организационные структуры, «отразившие в момент появления традиции общества... расстановку политических сил и психологическое состояние элиты» (у Ленина: « тот, кто объясняет политические действия чертами характера политика жулик»).

Для того, чтобы действия политика были понятны избирателю, возможно применение модели спиновых стекол. Она позволяет учесть влияние СМИ на общественное мнение, его поляризацию и консолидацию, а также предусмотреть массовое отрезвление, когда воздействие СМИ прекращается (Малинецкий цитирует [29]). Словом, общество понимается как картезианская система, которая, подобно лошади Козьмы Проткова, если ее щелкнуть в нос, махнет хвостом.

На самом деле очевидно, что воздействие СМИ возможно только тогда, когда работник отчужден от средств производства и условий труда. В этом случае посредник между ними (капитал) волен подменить реальные отношения между людьми фетишами средств массовой информации.

В целом смысл подобных теорий очевиден: группа компетентных определяет, как будет жить каждый. То есть, повторена без искажений позиция Ортеги-и-Гассета [30], Кейнса, современных социал-

демократов, наконец, КПРФ. Очевидно, что нужно отбраковать применение «новой термодинамики» к динамике социума как ненаучное, конъюнктурное.

Можно отыскать и прямое несоответствие: для того, чтобы попасть в наиболее приемлемую область $G(i)$, бесполезно писать программы малое отклонение обязано быть случайным, неизвестным.

Основным же возражением применению стохастики к истории, фактически стохастическому плану, является факт крушения плана в СССР, начиная с первого и кончая последним.

Что касается работы Андреева-Левандовского, на позитивный пример которых ссылается Малинецкий, есть подозрение, что авторы вместо нахождения из экстраполяции новых исторических фактов выбросили из рассмотрения массу уже имеющихся: они основывались на более полном анализе В. Бавыкина, Л. Бородкина и Ю. Кирьянова стачечного движения в России в 1895-1913 гг.

Кроме того, критика чисто математических моделей приведена выше и ранее дана Миркиным, Саргсяном и Саркисяном. Факторы, определяющие динамику стачек, и связь между ними остались за кадром. Смысл работы отсутствует, как и смысл работы машины по выявлению связи между количеством мух в комнате и сдвигом спектров ЯМР. Недостатки модели (занятые цифры) авторы объясняют недостатками источника и необходимостью рассматривать еще более мелкие территориальные единицы (последнее наоборот, см. выше ссылку на Саргсяна и Юзбашяна, невозможно без знания динамики в целом. Т. е. объяснение - явная отговорка).

Но Левандовский и Андреев возражают сциентизму, выступают против оторванной от людей абстрактной истории. «Созидание, - цитируют авторы Уайтхеда, - есть актуализация потенциальности, и процесс актуализации есть событие человеческого опыта...» Казалось бы, до марксова тезиса о Фейербахе один шаг (если добавить к тезису изменение истории не философами, а массами, следуя марксовой же формуле: социализм есть живое творчество масс, и понимая под творчеством не только политическую активность). К сожалению, и у них присутствует либеральная установка. Анализ живой истории авторы сводят к попперовской логике ситуации: «Для историка действия, историей которых он занимается, не зрелица, данные наблюдению, но живой опыт, который он должен пережить в собственном уме; они... могут быть познаны им только потому, что они одновременно и субъективны, т. е. являются действиями его собственного сознания».

Разумеется, авторы хотели бы формализовать историческую причинность, но считают, что 1) невозможно делать предсказания в «критической точке», поскольку в этот период осуществляется выбор между различными путями развития; 2) этот выбор субъективен, зависит от одного человека или субъекта истории и может быть проанализирован лишь в рамках конкретной логики ситуации; 3) можно формулировать лишь тенденции, заключающие в себе множество путей.

Неудовлетворительность перенесения идеологии статистики или синергетики на общество объясняется известным фактом качественного отличия законов общества и естественнонаучных законов. Идеологии перенесения действуют в духе редукционизма, хотя биология не редуцируется к химии, а химия – к физике.

Допустим, математическая модель должна быть дополнена конкретикой ситуации. Таково понимание и многих марксистов: общая схема уже открыта, осталось наполнить ее конкретикой момента. Однако как именно происходит выбор и является ли результат воплощением воли субъекта, не поясняется.

Кроме того, в силу распада производительных сил наиболее продуктивная марксистская схема осталась не преодолена, а ведь она базируется на старом понимании диалектики, сводящей воедино логики наук столетней давности. Это проявляется и в понимании преодоления отчуждения путем сведения необходимого труда к исчезающей малой величине («Капитал», III том), к уравниловке в форме перемены труда (формальному равенству), а не преобразованием самого общественно-необходимого труда.

Маркс, в отличие от Поппера (или Фридриха Шлегеля), вряд ли мог свести живой опыт к «переживанию ума» или «действиям сознания» вместо общественной практики. Или полагать неизменной общую схему. Допустим, мы дополняем схему ситуацией. Если результат от добавки меняется радикально, значит, схема отсутствует. Если незначительно, значит, попперовская добавка не устраниет фатальности. Между тем не то, чтобы в добавке, но в случайном отклонении от общего и содержится существенное, это не обуженные в закон малые флуктуации над равновесием. Суть в индивидуальности, в отклонении от общего. Тезис о Фейербахе, в котором содержится определение

сущности человека, через внешнее, как пересечение общественных линий, противоречив, что отражает, скорее, не противоречие в схеме, отмеченное А. Б. Григорьевым, а общественное противоречие (хайдеггеровское «отехничивание души» или марксово обезличивание абстрактным трудом как доминирующим, см. [31]).

Маркс вынужден констатировать, что в силу обезличивающего общественно необходимого труда партию класса составляют представители других социальных слоев (см. [22]). Однако закрепление ситуативной мысли на уровне концептуальной логики ведет к той же схеме Бернштейна-Каутского: группа компетентных дает программу и образует правительство, «идущее навстречу пролетариату». Эта практика сегодня изжита, хотя армии «активных» до сих пор не осознали, что в диалектической паре «класс – партия» класс первичен, партия – вторична.

О связи между изменением социальных условий с характером труда

В упомянутой работе «Стачечное движение России в 1895-1913 гг. Бавыкин, Бородкин и Кирьянов попытались установить жесткую связь между структурой, связями и развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата». Хотя сама постановка вопроса об уровне экономического развития позитивна - против троцкистско-сталинистско-анархистского романтизма с отрицанием необходимых условий революции. Левандовский и Андреев уходят от этой конкретики, желая отличить свою точку зрения от работы Бавыкина и др. [27].

Однако в целом математическая формализация истории, выделение существенных факторов наталкиваются на следующие трудности:

- 1) Неполнота знания событий, из которых исследователи к тому же исключают условия.
- 1а) Отсутствие приемлемых временных координат, неважно, желаем ли мы лапласового детерминизма, квантового или еще какого-либо.
- 1б) Зачаточность понимания детерминизма уже в естественных науках. Мир не устроен таким образом, чтобы, владея начальными условиями, определить будущее. Это неверная постановка вопроса, как нельзя спрашивать, в какую из двух щелей полетит частица, если желаем иметь на экране картину интерференции; частица не так устроена, чтобы считать ее бесструктурной или со структурой, тождественной макроскопическому телу.

Выявление же статистических или стохастических закономерностей невозможно, потому что

- 2) историко-экономические параметры не являются имманентными свойствами объектов (напр., стоимость товаров), как масса является свойством частицы. В отличие от Тайнби или Гумилева, Маркс анализировал целостный процесс, связывая политэкономические факторы с историческими, хотя был далек от экономического фатализма.

- 3) Напр., в квантовом эксперименте способ изменения прибора и субъекта (под воздействием частицы) неизменны. В процессе опредмечивания-распредмечивания субъект истории становится тождественным объекту (не в попперовском смысле) и изменяет себя: классы возникают и уничтожаются.

- 4) В отличие от электронов, которые в системе обязаны быть тождественными друг другу, несмотря на то, что индивидуальное сознание зависит даже от средств массовой информации, не говоря уже о примате производственных отношений, с начала возникновения социума существует особый параметр: уникальность «я». Рост творческого начала в труде (восхождение труда от абстрактного к конкретному) означает все большую уникальность продукта общественно необходимого труда. Но не существует количественных параметров для измерения уникальности проявления «я». Означает ли это, что освобождение труда и есть переход в царство свободы воли, то есть, исчезновение вообще какого-либо социального детерминизма?

- 5) Следствием п.п. 2), 3) и 4) является то отличие от естественнонаучных законов, что эти законы объективны, не зависят от наблюдателя (хотя изменяются с течением времени). В истории субъекты меняют общественные законы. Не зависящая от субъекта закономерность существует лишь в периоды между радикальными изменениями общественных отношений и производительных сил.

Казалось бы, даже история Петра I убеждает в обратном: ничего существенного бы не изменилось, если бы он не пришел к власти. Он лишь продолжил традиционную экспансионистскую политику России, причем начинал с поражений в военных кампаниях точно так же, как и его соперник Василий Голицын, который, к тому же, собирался отменить крепостное право и наделить крестьян землей (см. хотя бы [32]). В истории случайность вопреки насмешкам Маркса и Рассела поспешает за гегелевской идеей и

развертывается будто фатальная необходимость. Неужели действительно жизнь человека предопределена, как в физиологическом примере, приведенном Хакеном: если синхронно махать пальцами разных рук, расположив их параллельно, то независимо от воли при увеличении частоты происходит скачок, пальцы вместо параллельного движения будут совершать движение друг к другу. Неужели прав святой Августин, возражая скептикам, утверждавшим возможность только вероятностного знания (сейчас мы можем сказать – не лапласового детерминизма) - неважно, что методология, которую избрал Августин для постижения истины, есть Святое писание либо божественное озарение («Против академиков»). Дело в принципе: действительно ли мир устроен по Толстому: «червь капусту гложе, а раньше ее погибае» и «не нашим умом, а божиим судом»? Нужно ли судить Аннушку, за то, что она разлила масло? Если не поставить ограничительный второй «башмак», может произойти железнодорожная катастрофа. И когда она случается, кажется, все мелочи начинают играть угрожающе фатально закономерную роль. Все причины накручиваются вокруг одного момента в постороннее противоречие, которое представляется как главное. Получается, что чем целостнее исследование, тем жестче «примат общего над частным» и тем меньше места случайности. В пределе бесконечная мудрость - София - всегда даст точный прогноз, а вероятность, согласно Локку, всего лишь «видимость соответствия на основании не вполне достоверных выводов».

Казалось бы, при незнании закономерностей всё случайно, а, следовательно, жестко закономерно, фатально. Но возможно ли выведение исторических категорий, когда они еще не вызрели в обществе? Скажем, Аристотель был не в состоянии вывести категорию стоимости при неразвитых товарно-денежных отношениях (см. Ильенков, «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса»). Но эта закономерность не может быть такой, чтобы проявляться независимо от сознания.

Возможно, наиболее резко возразил существованию закономерности в истории Федор Достоевский. Сначала - возражение стоящему над человеком закону, даже если он исходит от бога, по принципу нравственности. Алексей Карамазов отрицает существование бога (и его закона!), если закон унижает человека (обезличивает, отехничивает и пр.) («Братья Карамазовы»). Существование законотворца нелогично: «Пусть зажжено сознание волею высшей силы... и пусть ему вдруг предписано этой высшей силой уничтожиться, потому что там так... это надо... Неужто нельзя меня просто съесть, не требуя от меня похвал тому, что меня съело? Неужели и в самом деле кто-нибудь обидится тем, что я не хочу подождать двух недель? Не верю я этому; и гораздо уж вернее предположить, что тут понадобилась моя ничтожная жизнь, жизнь атома, для пополнения какой-нибудь всеобщей гармонии в целом, для какого-нибудь плюса и минуса... как ежедневно надобится в жертву жизнь множества существ, без смерти которых остальной мир не может стоять... но... если уже раз мне дали сознать, что «я есть», то какое мне дело до того, что мир устроен с ошибками и что иначе он не может стоять?» («Идиот»).

Человек по сути - не «табличка» и не «фортепианные клавиши», ему нужно не чьего-то хотения (или судьбы), а самостоятельного хотения. Иногда каприза или разрушения, а вовсе не выгоды и пользы. Причем теоретически рассуждать об этой проблеме можно до бесконечности («Записки из подполья»). То есть, следующим шагом должен быть переход к мыслящему ициальному электрону, к изменению закона в практической социальной деятельности. То есть, закономерность можно обнаружить только в собственной социальной практике, в первую очередь, политической, что соответствует марковской схеме (не имеется в виду дурная практика).

Далее у Достоевского следует возражение уже обезличенному, естественному закону: «... - Безобразие и хаос везде, сударыня, найдешь, - проговорил, значительно, впрочем, озадаченный, племянник Лебедева. - Да не такие! Не такие, батюшки, как теперь у вас, не такие! - с злорадством, как бы в истерике, подхватила Лизавета Прокофьевна. - Да оставите ли вы меня, закричала она на уговаривавших ее, нет, коли вы уж даже сами, Евгений Павлыч, заявили сейчас, что даже сам защитник на суде объявлял, что нет ничего естественнее как по бедности шесть человек укокошить, так уж и впрямь последние времена пришли. Этого я еще и не слыхивала. Теперь мне все объяснилось!» («Идиот»). О возражении фатализму здесь нет речи: Достоевский будто нарочно вне времени сталкивает объективные и субъективные причины, системные и случайные, когда противоречие между ними в обществе еще не вызрело.

Разумеется, речь не идет о том, чтобы представлять свободное парение во вселенной, где исполняются любые желания, где мысли творят мир. Нужно представить вселенную людей с наличием абстрактного

труда с вытекающими закономерностями. Другое дело, что абстрактный труд как определяющий на уровне всеобщего должен уступить место конкретному, творческому.

Осталось объединить практику с последовательными теоретическими приближениями, последовать совету Декарта: чтобы познать, нужно «пройти»? Или, по Фейербенду, «соединить разум с практикой»? Створить прогнозируемое силой, коли нет силы предсказать до опыта? Верно, но только не в разделенных социальных слоях по Бернштейну-Каутскому, а в одном и том же субъекте истории.

Существует запрет на похищение огня у богов в одиночку. Дело не в коллективном творчестве (коллективного разума не существует) и не в технических трудностях типа продолжительности жизни, а о невозможности познания узкой зависимой социальной группой вообще.

Во-вторых, даже бог (царь, генеральный секретарь или иной собственник) «не предвидит будущее, если мы наделены волей, либо он несправедлив, если мы лишены свободы воли». (Лоренцо Валла, «О свободе воли»). Запрет можно сформулировать и в следующей анти-гёделевской форме: невозможно, находясь вне отношений системы, познать систему. Перевернем марксов тезис о Фейербахе: нельзя не только изменить мир вне общественной практики, но и понять и прогнозировать его (Августин говорил о воле, но отдельной воли недостаточно для раскрытия сущности человека).

Вторым моментом неучастия, отчуждения, является отделение человеком себя от своей деятельности; очевидно, что предстоит возврат к животной бытийственности, «естественному», отождествлению себя со своей деятельностью на новом уровне, превращение человека в некоего мысляще-действующего сверхчеловека.) Когда вызреет противоречие между необходимостью воспроизведения рабочей силы в процессе творческого производства и его невозможностью, тогда задачу о выявлении закономерности, в частности, в истории можно считать сформулированной.

Парадокс, но механика такова, что прогнозировать исход войны может только воюющий.

Р. С. Статья написана в 1997 г., в урезанном виде вышла в ж-ле «КЛИО» (СПб, 1998, №1(4), С. 16-24), была дана критика перенесения философии синергетики на общество; через несколько лет с идеей перенесения выступил Иммануил Валлерстайн. В полном виде статья публикуется впервые.

Литература:

1. Пригожин И. Вопросы философии. №6, 1991.
2. Там же.
3. Э. Мандель. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. М., «Экономическая демократия», 1992.
4. С. Г. Кара-Мурза. Новая теория революции. Сайт «Интернет против телевизора».
5. Наталья Мелентьева, Общая теория восстания Греда Бергфлета. www/anarh.ru
6. А. Сарасов, О безмолвствующем народе. Россия XXI. №5-6, 1996.
7. Ихлов Б. Л. Взбунтуйте город. Взгляд. №40, 1996.
8. Вопросы философии, №2, 1997.
9. Бакунин М. А. Философия, социология, политика. М., Правда, 1989.
10. Саргсян С. М., Саркисян С. М., в сб. Математическое моделирование в экономике. Ереван, 1979.
11. Математическое моделирование в экономике, сб. научн. трудов ГК СССР по наробразу, Экономико-статистический ин-т, 1992.
12. Плошко Б. Г. О научных направлениях в современной теории статистики. М., Статистика, 1971.
13. Саргсян С. М., Юзбашян Г. Б., в сб. Математическое моделирование в экономике. Ереван, 1979.
14. Миркин Б. Г., в сб. Математическое моделирование в социологии. Новосибирск, Наука, 1977.
15. Свасьян К. А. Феноменологическое познание. Ереван, АН СССР, 1987.
16. Уитл П. Вероятность. М., Наука, 1982.
17. Арнольд В. И. Математические методы классической механики. М., Наука, 1989.
18. Ихлов Б. Л. Хиггсовский вакуум в калибровочной теории гравитации. Автореф. канд. дисс., М., МГУ, 1988.
19. Smith S., Marx's Conception of Science. International Socialist Forum, August 1997, V.1, №1.
20. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. М., Мысль, 1974.
21. Григорьев А. Диалектические противоречия эволюционного процесса. Автореф. дисс., МГУ, 1989.
22. Ихлов Б. Л. Класс и партия. Взгляд. №40, 1996 или в ВИБР, Киев, №1-2, 1996.
23. Ольсевич Ю. К релятивистской экономической теории. Вопросы экономики. №6, 1997.

24. 23. 18. П. Фейерабенд, Избранные труды по методологии науки, М., Прогресс, 1986.
25. Быстрай Г., Пивоваров Д. Неравновесные системы: целостность, эффективность, надежность. Свердловск, УрГУ, 1989.
26. Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика и "историческая механика". Общественные науки и современность. №2, 1997.
27. Андреев А., Левандовский М., в сб. "Мат. моделирование исторических процессов", М., 1996.
28. Норт Д. Что препятствует экономическому росту. Химия и жизнь. №3, 4, 1994.
29. Доценко А. В. Спиновые стекла - новая термодинамика. Природа. №12, 1994.
30. Ортега-и-Гассет. Восстание масс.
31. Ихлов Б. Л. Послесловие. Взгляд. №38, 1996.
32. Валишевский К. Петр Великий. М., ИКПА, 1990.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ КАК НОВАЯ ФОРМА РЕЛИГИИ

После распада СССР возник новый, исторический позитивизм, уже не отрицающий закономерности истории. Разница в том, что позитивисты были профессиональными учеными, ныне марксизму противостоят дилетанты.

В 2004 г. вышла в свет книга Алексея Исаева «Антисуворов». В ней подробно опровергаются основные положения «открытия» Суворова-Резуна о том, что Сталин собирался нападать первым, а Гитлер лишь начал превентивную войну (как США – в Ираке или Израиль в Египте). Указывается, в частности, что наступательные планы ведения войны имели практически все страны, включая Польшу и Финляндию. Показано, что подавляющее превосходство Красной Армии, которую рисует Резун – миф. В деталях разобрано, почему именно отступала Красная Армия (незаконченная мобилизация, не позволившая ни обороны, ни контрнаступления) – хотя, увы, отрицательная роль Сталина и его окружения оказались вне рамок анализа.

Вместе с тем возникает ряд вопросов, ответ на которые приводит к нетривиальным выводам.

Например, если бы даже Резун на долю секунды был прав. Он игнорирует известные действия Сталина, приведшие к большим потерям РККА, позволяет себе фантазировать о качествах руководства, на деле же – оскорбляет ветеранов ВОВ.

Точно так же, когда фантазируют о большевиках, на деле отторгают рабочих от протестов. Например, литературно-кинематографический Резун – Бортко с его фильмом «Собачье сердце», после просмотра которого квалифицированные рабочие высказали: «Рабочему классу сказали: «Был собакой, собакой и оставайся».» На самом деле текст фильма абсолютно не соответствует булгаковскому, а соответствует определенному набору идеологических штампов, да и оценка персонажей не соответствует булгаковской. Скажем, Преображенского Булгаков характеризует следующим образом: «Человек, у которого дурно пахнет изо рта». Небесталанный фильм, но и экзерсисы Резуна небесталанны.

Гарик Сукачев ясно высказался в одной телепередаче, которую заказали Евгению Киселеву: «Может быть, Резун прав. Но он все равно сволочь!» Действительно, как говорил Чистяков, «правда, кричащая не на месте – дура». суть не в том, что в СССР преподавали историю войны как краткий курс ВКПб. Резун поступает так же, как мечтал герой из «Преступление и наказание», Лебезятников: «Эх, если бы были живы мои родители, как бы я их огrel протестом! А Белинского бы как закатал!»

Точно в таком же плане позиционировал себя и Виктор Астафьев.

Вторым представителем конспиролого-фантазийного, своего рода позитивистского подхода к истории является беллетрист Бушков. Историческим изыскам Бушкова нельзя доверять полностью, что стоит его оценка книг Л. Гумилева и его идеи пассионарности (см. «Этногенез и биосфера земли», Л., ЛГУ, 1989), аналогичной идеям теплорода или флогистона. Феноменологию Гумилева Бушков критикует, но сам же проповедует феноменологию проклятий как движущей силы истории: по его методу получается, что победит войско тех, кто успел раньше проклясть противника. Методология Бушкова здесь тождественна логике пассажа из сборника «Физики шутят»: «Огурцы вредны для здоровья. 99% всех, кто умер раньше 40 лет, ели огурцы».

У Бушкова есть замечательная зарисовка о храмах, которые разрушали задолго до большевиков (а на самом деле, плюс к тому, незадолго до большевиков и не большевиками, за огромные латифундии при миллионах безземельных крестьян, при исключительных поборах со стороны церкви: «Родился, женился, умер - заплати!»). Однако наиболее точна его оценка Виктора Астафьева, который метил в руководство, а попадал в ветеранов. Между прочим, у многих сохранилась в памяти переписка Астафьева и Эйдельмана, где Натан Яковлевич уничтожающе раскритиковал Астафьева за антисемитизм. Предавать гласности личную переписку дело не слишком нравственное, несмотря на это диссиденты с удовольствием ее распространяли. И они же простили Астафьева за его оценку Великой Отечественной войны, в том числе в плане принижения значения победы.

В том числе простил и пермский «Мемориал» в лице ряда его лидеров, историка педагогической академии Виктора Шмырова и его жены Татьяны Курсиной. Курсина даже ездила в деревню, где жил Астафьев, на его похороны. Сегодня пермское телевидение на все лады распространяется о пермском периоде в судьбе Астафьева.

Прощенный Астафьев не одинок, диссиденты закрывают глаза не только на его антисемитизм, но и на антисемитизм Николая II. Наиболее точно сформулировал причину подобной терпимости к юдофобии сотрудник ЦРУ Климов: «Для борьбы с большевизмом можно заключить союз даже с дьяволом». Что сам Климов и сделал в своей книге «Князь мира сего».

Неизвестно, чтобы кто-либо всерьез полемизировал с Климовым или иным представителем армады современных «историков». Хотя это нетрудно. Что касается Резуна, критической литературы не так много, но она есть, см., напр., брошюру историка ПГУ Дементьева ««Ледокол», В. Суворов (Резун) или Что можно сделать с историей», методический материал к спецкурсу, Пермь, 1997, или главу «В обеспечении» в моей книги «Восстание элит», Пермь, 1995 (имеется в виду, что Резун не желал быть прислугой в обеспечении, а лидером, чемпионом, преодолевшим и т.п., но оказался опять же в обеспечении).

Однако. Как можно было бы на месте Резуна выстроить линию обороны?

1) Да, разумеется, есть ошибки и не только в деталях. Но это точка зрения, разве запрещено человеку ее иметь? Или все должны быть одинаково пострижены? По каждому вопросу должен быть плюрализм мнений, это и есть истина. Т.е. набор мнений. (Между прочим, так и обучаются ныне студентов, что правды не добиться, но если ты приводишь разные мнения разных историков по данному вопросу, значит, ты в курсе и разбираешься. См., напр., Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов, «История России», учебник для вузов, М., 1997). Правда, Лев Ландау сильно сомневался на этот счет и уверял, что одно правильное мнение лучше сотни неправильных. Но даже сетчатка человеческого глаза никогда не создает точно образ предмета, она создает множество ложных образов, «перепроверяет» их и только после этого формируется адекватный образ (см., напр., Б. Ф. Поршнев, «О начале человеческой истории»). Можно даже не имеет в виду «плюрализм мнений», а заявить беспрогрышно и непробиваемо, что в истории масса вопросов, которые весьма сложны, проблемны и до сих пор не решены. Вспомним, сколько лет мирно сосуществовали теории массивного и безмассового нейтрино или до десятка теорий гравитации и общих теорий относительности (и сосуществуют до сих пор).

И неважно, что Резун не специалист. Один водитель такси заново изобрел дифференциальное счисление, скончался, когда узнал, что оно изобретено 300 лет (ныне уже 350) назад. Но случаются и... то ли комичные, то ли трагичные вещи - некий изобретатель явился со своим творением к профессору МГУ Д. Д. Иваненко, но секретарь Н. Ефимова отослала его к Гинзбургу, ибо изобретение оказалось не по теме кафедры. Чем спасла профессора. Изобретатель столкнулся с референтом Гинзбурга, тот с ходу начал критиковать. Тогда изобретатель достал из портфеля пилу и отпилил тому голову. Это было!

И примеров тому - масса, как и примеров зажима открытый.

2) Возможно, что "Ледокол", "Аквариум", "День М" и пр. "ненаучны", в них отсутствует базовое знание. Но, например, Майкл Фарадей был значительно менее образован, чем, скажем, Alessandro Volta, однако открытый совершил значительно больше. Т.е. где-то нужны методисты, а где-то - не обремененные чрезмерно тяжким грузом знаний, для прорыва, для высказывания безумных идей. Возможно - необязательно, но возможно, в будущем окажется, что их безграмотность позволила сделать им шаг вперед, который грамотным запрещала их грамотность. Как говорил Наполеон: «Сначала надо ввязаться в драку...»

Если Г. Носовского, А. Фоменко (см. «Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима», М., МГУ, 1995) можно критиковать за цепляние за факты, неумение видеть за фактом (за слабый ум, не умеющий пройти за факт, по выражению Гоббса) или за заведомо не имеющие отношения истории лингвистические изыски, бесспорно то, что они, наконец-то, поставили ряд вопросов, пусть в эпатажной форме, но тех вопросов, которые официальная наука не решалась поставить. В частности:

- а) уж если в советское и постсоветское время во всем мире неоднократно фальсифицировали и переписывали историю в угоду политической конъюнктуре, то очевидно, что с момента появления письменности это происходило регулярно и как угодно, чему весьма способствовали и безграмотность монахов, описывающих события, и неразвитость систем проверки, и малочисленность СМИ.
- б) Из чего вытекает версия повторов, когда история одной страны или одного человека «наносилась» на историю другой страны (нескольких потомков или предков).
- в) Версию повторов подтверждает явно неверная хронология, привязанная, в частности, к неточным датам солнечных затмений (вряд ли Фоменко, сотрудник МГУ, счел за труд дойти за 10 мин. до ГАИШа и порасспросить специалистов, поэтому сомнительно, чтобы он в этом плане ошибся).
- г) Сверх всего, только постановка вопросов (еще без стройной теории) позволила обнаружить захоронения близ Москвы, реальное место Куликова поля. Следовательно, уж если книги Фоменко - Носовского достойны обсуждения, почему "Ледокол" и пр. недостойны? Ведь книга "Антисуворов", которую нужно не только в вузах учить, но и в школах, появилась благодаря Суворову. Просто А. Исаев стоит на консервативной точке зрения, а "Ледокол" - прорыв... В любом случае "Ледокол" разбудил интерес массового читателя к истории ВОВ! Ведь и Пикуль как-то, отвечая на критику, высказался: "Я бы не писал своих книг, если бы люди знали историю..."

3) Действительно, что ж особенного в "Ледоколе" и т.д.? Разве не нужно было понять точку зрения тех немцев, что шли воевать на территории СССР? Разве не нужно было охранить мир от надвигающегося ужасного большевизма с его концлагерями, а точнее, с экспроприацией олигархов, с перераспределением собственности? От социализма с коммунизмом?

4) Тираж методички Дементьева - 200 экз. Тираж "Антисуворова" дополнительный - 2000 экз. Тираж "Ледокола" превышает эту цифру на два порядка. Что будет делать массовый читатель? Неужели после "Антисуворова" он пойдет в архив, чтобы проверить хотя бы "Ледокол"? Или снова примет на веру? Тогда не лишено логики написать в том же духе: "Книга Исаева безграмотна, она противоречит массе неожиданно найденных и рассекреченных документов (фото документов прилагается), на каждый постулат Исаева есть десять опровергающих с бесконечным количеством ссылок на видных людей, ссылки Исаева неверны, они фальсифицированы, исправлены и дополнены партийными историографами..." И т.д., и т.п.

Каждое 9 мая в Перми после парада колонны демонстрантов от всех заводов идут на Егошихинское кладбище, где похоронены солдаты, погибшие в ВОВ (и даже в войну 1912 г.). У каждого завода - свой выделенный участок кладбища, где работники поминают павших. В Перми проживает пенсионерка, которая уже который год ходит в одиночку по городу с портретом Сталина на дощечке с шестом. "Антисуворов" опубликован в 2004 г. А 9 мая 2005 года одна из рядовых работниц «Мотовилихинских заводов», поглядев на портрет, обратилась к пенсионерке: "Так ведь это Сталин начал войну. Историю читать надо!" Вот так.

5) Допустим, что у Красной Армии не были укомплектованы части ни для обороны, ни для наступления, и командиры оказались в растерянности – поскольку не было достаточной плотности войск. Исаев замечает, что лучше бы не осуждать руководство того времени, а поблагодарить. Однако факт, что туманные приказы не позволили вовремя среагировать на нападение, даже самолеты с аэродромов не убрали. Зато адмирал Кузнецов нарушил указания, в результате его фронт наступал, когда другие беспорядочно бежали.

6) Наконец, еще один интересный момент. В "Антисуворове" указывается, что у Сталина не было идейных причин начать войну, поскольку он взялся за строительство социализма в отдельно взятой стране. Однако Ленин называл идею социализма в отдельно взятой стране мелкобуржуазным идеалом (как отмечает Скворцов-Степанов). Ленин полагал, что Россия, как слабое звено в цепи империализма, будет инициатором революций в развитых странах, а там развитые помогут России развить ее

производительные силы. И Лев Троцкий жаждал перманентной революции... И Мао полагал, что пусть в очистительной войне погибнет миллиард (или не помню, сколько), зато оставшиеся заживут счастливо при социализме.

Возможно, что после падения Веймарской республики (а особо после того, как рабочий класс России превратился из революционного в нечто хаотичное, как утверждал Троцкий в "Истории русской революции") надежды развеялись, реальность оказалась сложнее, поэтому сначала Ленин "ввел" НЭП, а затем Сталин предпринял построение социализма в отдельно взятой стране.

Но ведь тогда, с одной стороны, государство российское, вместо того, чтобы отмирать, начало вдруг усиливаться, а в этих условиях о бесклассовом обществе мечтать не приходится, поскольку государство есть орудие подавления одного класса другим и предохранитель, "чтобы враждующие классы не пожрали друг друга" (Энгельс, "Происхождение семьи, частной собственности и государства"). Тогда ни о каком социализме и речи нет, прав был Роуз (вместе с Р. А. Медведевым), когда задолго до перестройки писал о привилегиях, дачах, об отсутствии определяющих моментов Советской власти: скромной оплаты госчиновников, их ротации и контроля за ними "снизу" ("снизу" означает со стороны рядовых рабочих).

Гитлер врал, пугая западных собственников социализмом. Врал и Черчилль в Фултонской речи, говоря о необходимости железного занавеса, ограждающего цивилизацию от социализма.

С другой стороны, это ведь неразвернутое, посему голословное утверждение о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. И, коль скоро Сталин не мог не знать такие работы Ленина, как "Государство и революция" или "Пролетарская революция и ренегат Каутский", т.е. не мог не понимать, что государство вовсе не отомрет в ближайшем будущем, да и рабочий класс останется рабочим классом (ведь ему было еще расти и расти по численности из аграрного состояния), так почему не предположить, что врал не Черчилль, а Сталин? На словах - построение социализма в отдельно взятой стране, слова о невозможности экспорта революции, на деле - ожидание мировой революции и войны как катализатора? Чтобы достичь отмирания государства?

(Показательно, что наша демократическая общественность на свой манер повторяет тезис Мао: свыше 30 млн. лишних смертей только в России, но либералы твердят «потерпите, пусть миллионы погибнут, зато остальные будут жить в светлом капиталистическом будущем».)

Попробуем еще раз поразмышлять, какой экономический уклад, какой общественный строй существовал в СССР. Обратимся к мнению тех, кто провозглашал социалистическую революцию.

Например, Владимир Ленин заявлял, что не знает определения социализма, разве что как «борьбы против всяческого угнетения». Что же более всего угнетает? Обязательный тяжелый, отупляющий заводской казарменный труд. О какой же борьбе против такого угнетения могла идти речь в СССР?? О каком освобождении труда? Напротив, сам Ленин писал о русском рабочем как «плохо орабоченном», не в смысле продолжительности рабочего дня, а в смысле организации труда, качестве продукта труда, в смысле использования системы Тейлора. В брошюре «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов» Ленин все же дает определение: «Социализм – это госсобственность на основные средства производства *при политической власти рабочего класса*». Вряд ли кому придет в голову, что в СССР рабочие имели власть в своих руках – она была в руках государственного чиновника. Следовательно, никакого социализма в СССР не было.

Что касается госсобственности на средства производства, то Фридрих Энгельс в книге «Антидюринг» отмечал, что госсобственность вовсе не отменяет отношений частной собственности. Напротив, они доводятся до крайности. В этом случае в роли совокупного капиталиста выступает само государство. Маркс же в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» говорил о всеобщей частной собственности, частной собственности в ее всеобщей форме, т.е. государственной. Или общемировой – так называемом ультраимпериализме. Термин «ультраимпериализм» впервые ввел Карл Каутский, говоря о мировой тенденции развития капитализма. Видим, что Ленин, говоря об империализме, как последней стадии капитализма, ошибался, процесс глобализации начался лишь после распада СССР. Ранее попытку глобализации предпринял Гитлер, после 1991 года – Вашингтон. Такая черта капитализма, как экспансия, стремление к экстенсивному развитию, возникает в разных формах, например, в форме пантюркизма, «Исламинтерна» и др.

Однако капиталист должен обладать собственностью. Какая же собственность могла быть у Сталина, например? По множеству свидетельств, жил он скромно, тем более по сравнению с каким-либо рядовым западным капиталистом. Дело в том, что собственность – это не отношение человека к вещи. Это отношения между людьми по поводу вещей (Маркс, «Письмо к Анненкову»). Еще в древнеримском праве отношения собственности классифицировались следующим образом: 1. пользование (напр., аренда), 2. непосредственное владение, 3. управление, распоряжение. Следовательно, Stalin, как управленец – собственник, поскольку управляет средствами производства – капиталист. Таким образом, по всем основным определениям политэкономов, которые исповедовали социалистическую теорию, в СССР был государственный капитализм. Можно долго приводить доказательства и отсутствия социализма, и наличия капитализма в СССР, проще всего обратиться к рабочим, у которых никогда не было в руках власти. В таком случае, о чем пишет Суворов? Суворов повторяет за сталинистами.

На самом деле книги Суворова предназначены вовсе не для того, чтобы серьезно говорить об истории. Очернить Красную Армию, принизить значение победы в глазах обывателя - лишь побочная задача. Нет у Суворова и задачи доказать, что Stalin собирался начать войну первым. Больше того, у него вовсе нет задачи быть исторически корректным, ему не нужно это, даже наоборот. Функция книг Резуна иная, это функция пропаганды, подтолкнуть к мысли, что истина где-то посередине между надоевшим официозом и "Днем М". В чем же эта середина состоит? В стандартной позиции США и Великобритании. Теперь оправданы и позднее открытие второго фронта, и торговля с Германией в период ВОВ, и всё предвоенное поведение и США, и Великобритании, и Франции.

Что произошло, таким образом? Функция книг Резуна состояла в очищении, расширении политического пространства. После этого сильные мира сего сообщают цивилизованному сообществу, что они не такие уж бесчеловечные, а более квалифицированные, нежели Резун, идеологи начнут рассуждать с одной и с другой стороны, приводя ряд мнений, высказываний, точек зрения, в том плане, что вопрос сложный, но в целом позиция союзников справедлива. Это стандарт. Сначала ультраправые или ультралевые своими нелепыми лозунгами, или действиями, или проектами людоедских законов расчистят политическое пространство для государства или какого-либо сильного мира сего (затем, собственно, их и содержат), а затем на свободное место придут власти и сообщат, что население прижмут, но не до такой степени. Я немного писал об этом в "Восстании элит" и, честно говоря, был удивлен, что освещения этой стороны вопроса в книге А. Исаева (которому помогал А. Колпакиди) нет.

Высказывание А. Исаева об отсутствии методологии у Резуна сомнительно. У него есть методология, причем весьма эффективная. Суть ее несколько в ином. Сам Исаев доходчиво поясняет, что невозможно обсуждать просто характеристики танков или их количество и на этом основании судить о боеспособности дивизии, к примеру. Причем данный подход широко распространен среди чиновников разного уровня. Например, предлагается немедленно реформировать науку, когда производство разрушено и НИОКР вывозятся за рубеж. Предлагается бороться с потреблением наркотиков, когда школа разрушена, т.к. производству квалифицированные рабочие не нужны (напр., прокурор Валентин Степанкович, чтобы пройти в Госдуму не стал входить в блоки или партии, которые себя дискредитировали, создал фонд «Пульс» для борьбы с наркоманией в социальном аспекте. Объяснять участникам фонда бесперспективность такой борьбы со следствием было бессмысленно. Предлагают привинтить рабочих, как винтики, по-другому, по китайскому СЦЕНАРИЮ, или по шведскому, или... И т.п. Поэтому стоит, на мой взгляд, изучать феномен Резуна в системе.

Дело в том, что традиционная религия, как одна из форм идеализма, становится все более устаревшей, архаичной. Причем процесс протекает в обоих направлениях. С одной стороны, маргинализация населения приводит к снижению уровня абстракции вплоть до анимизма, фетишизма. С другой - насаждение бога по всем СМИ не имеет успеха. Во-первых, возникает обратная реакция, не потому, что ранее людям надоело, что над ними начальник, думает за них, помыкает ими, вот они сбежали и нового начальства по имени Бог им не хочется. Наоборот, первое требование рабочих сегодня - чтобы хоть что-

то работало! (На Урале это традиция, если в Петрограде требовали 8-часового рабочего дня против 19-часового, то на Урале тоже требовали 8-часового дня, но против 4-часового...)

Евангелие, как новый устав гарнизонной службы, никому не нужен. Больше того, возникает обратная реакция - чем больше заставляют не грешить, тем больше хочется. В-третьих, для множества образованных людей очевидна ущербность религии, и не только из-за явной ангажированности церкви и несоответствия ее служителей тому же кодексу строителя коммунизма, которое они сами провозглашают. Достаточно послушать нелепые объяснения отца Кирилла по поводу изгнания торгующих из храма, наживы как зла и банка РПЦ, одного из самых богатых в РФ.

Итог: в 2006 году по данным ВЦИОМ всего лишь 9% населения считали религию важным делом. Таким образом, религия плохо выполняет функции орудия подавления протестов. Что и обнаружилось в ходе выступлений пенсионеров. Следовательно, необходимо либо реформировать религию, либо вывести ее на новый уровень, соответствующий современному уровню науки, либо создать что-то новое.

Что касается реформации, то публичные покаяния католической в старых грехах ни к чему не привели, Ватикан как был политически ангажированным, так и остался, избрание папой поляка Кароля Войтылы говорит само за себя.

Попытки придать религии облик, соответствующий уровню научных знаний предпринимали и Фома Аквинский, и Маймонид, и Аристотель, и множество современных философов. Но в последние 50-60 лет развитие науки происходит столь стремительно, что думать о ежегодном реформировании религии в этом плане не приходится. Поэтому усилилась обратная тенденция – не согласия, а разделения науки и религии, в связи с чем такие выдающиеся физики, как Р. Фейнман, Брагинский и др. заявили, что наука не в силах объяснить ряд феноменов. Но это разделение непродуктивно, видимые успехи наук действуют сильнее, чем объяснение всего непонятного ссылкой на святой дух.

Остается путь третий, очевидный, как новая, более высокая форма идеализма - это тот же позитивизм, но связанный с более высоким уровнем развития науки. Причем на этом пути некоторые adeptы все еще пытаются вывести бога из науки, доказать его существование научным путем, правда, уже другого, официального, чуть ли не материалистического бога - это до определенного момента Стивен Хокинг, в России - А. А. Гриб. Даже атеист В. Л. Гинзбург не смог противостоять натиску, когда его заставили ответить на вопрос, верит ли он в бога, Гинзбург защитился высказыванием, что он ярый противник воинствующего атеизма. Примером хождения по данному пути является и клиновский "Князь мира сего", эта гремучая смесь верований, мифов, идеологических штампов, реальных событий и явлений, либо скрывавшихся, либо хорошо известных, но не объясненных традиционной наукой, а также традиционной науки, либо либо неизвестной, либо мало известной и даже известной хорошо. Можно подробно писать о Клинове ТОЧНО ТАК ЖЕ, как Исаев пишет о Резуне.

Телевидение приподнесло очередной сюжет в духе новой формы идеализма. Коль скоро тема НЛО приилась, да и простые рассуждения навевают мысли о подлоге (кто будет прилетать, ранее не связавшись, да и Земля - на окраине Галактики), нужно влить свежую струю. В программе «Отражение» на РенТВ сообщили о «тарелках», взмывающих из океана. Океан, действительно, менее изучен, чем атмосфера. Тут же нарисовали всевозможные свечения (между прочим, давно известные и объясненные наукой). Таинственные подлодки с непостижимыми характеристиками. А также квакеров. Которые своими звуками пытаются под водой что-то сообщить. Представьте, что более высокоразвитая цивилизация пытается общаться землянами на собственном языке, как с дрессированными животными. В телепередаче привлекли множество подставных лиц: ГРУ ГШ ВМФ, адмиралов, командующих. Любопытно, название «квакеры» совпало с названием христианской протестантской секты, возникшей в 17 в. в Англии и распространившейся в Северной Америке.

Предполагаемый результат: 1) понимание населением своего низкого уровня, 2) ожидание, что скоро появятся ПОСРЕДНИКИ между иной сверхразумной цивилизацией и рядовыми гражданами, новые Мухаммед, Моисей, Христос и пр.

В момент вторжения в Ирак уже было ясно, что власти начнут нагнетать тему инопланетян.

Почему и Резун подпадает под определение? Ведь он передергивает все факты. Но в том-то и дело, что он использует ФАКТЫ, а не абстрактные окромарксистские рассуждения в духе церковных канонов. Писания Бушкова, Колпакиди, Калашникова, Пыхалова, Буровского, речи Фурсова, передачи Игоря

Прокопенко, всевозможные естественнонаучные лжеучения, наконец, хаббардизм основаны на больших массивах достоверных, не достоверных и фальсифицированных исторических и естественнонаучных данных. Поэтому множество научных сотрудников из самых разных наук поверило Резуну. Вот уж, действительно, узкий специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя.

Наряду с либеральной мифологией об СССР и сталинизме возникает зеркальная ей «позитивистская» мифология сталинистов, ее дополняют монархические, анархические версии истории, те же корни сегодня имеет антисемитизм, верование в химтрейлы, в тайное мировое правительство, в компьютерную диагностику, в таблетки от всех болезней, в структурированную воду, в глубинное государство, в торсионные поля и т.д.

Существует и обратный, антиинтеллектуальный процесс, когда на смену религии идут новые формы масскультуры в ее наиболее варварском, североамериканском виде. Если Маркузе, Адорно, Мунье, Хабермас и пр. отслужили срок, им на смену идут с одной стороны климовы-резуны, с другой – масскультура с фейерверками и прочие хищные вещи века.

Многообразие массивов фактов порождает исторический релятивизм, характерный как раз для позитивизма.

ИСТОРИОСОФИЯ И НОВЫЙ ПОСТПОЗИТИВИЗМ

Три категории работников умственного труда — писцы, эксперты и литераторы — развиваются одновременно, а то и с одинаковой скоростью...

Раймон Арон, «Опциум интеллектуалов»

Введение

Поскольку законопослушные, добропорядочные и благонамеренные индивидуумы обязательно должны быть чем-нибудь заняты, рано или поздно это должно было случиться. К теологам присоединились те, кто описывает, как работают историки.

Действительно, скажем ретроспективно: уж коли есть философия науки, философия физики, философия права, философия реакций агломерации и философия подкидного дурака, отчего бы не быть и философии истории.

«Ага!» - сказал индивидуум, и к историософам присоединилась армада кинокритиков, музыковедов, искусствоведов, литературоведов и прочих, прочих. Словом, интелигенция размножается, мысль движется вперед и рано или поздно найдет себе укромный уголок, откуда уже ни у кого никогда не будет совершенно никакой возможности ее выковырять.

Казалось бы, еще вчера предметом жарких споров была модная тема тоталитарного режима. Еще вчера забыты архаичные диктатура пролетариата и, уж, разумеется, диктатура буржуазии. Но индивидуум хочет отличаться от серой массы протестующих. Нет, говорит он. Тоталитарный режим – это лишь эманация трансцендентальной апперцепции, в бытийственной же инсталляции эвдемонизма - не тоталитарный, но авторитарный режим! И тут индивидууму и почет, и уважение, и котлета.

Добуржуазный период

Словосочетание «философия истории» ввел в XVIII веке Вольтер. Однако наивный писатель полагал, что историк сам должен не просто описывать политические и военные события, сводя исторический процесс к изложению фактов или к политике, в понимании Вольтера - к деятельности царей и генералов, а философски осмысливать, толковать жизнь общества и в уединении рефлектировать над его бытием.

Представления о цикличности истории, круговороте, содержатся в религиозных мифах, в поздней античности – у Полибия (власть царя переходит в тиранию, которую заменяет аристократия, аристократию вытесняет олигархия, которая уступает место демократии, ведущей к охлократии, наконец, уставшие народы вновь ставят над собой царей). Падение империй отражено в мифах в форме эсхатологии.

Мысль об истории как развития, от звериной стаи к человеческой, находим у Дикеарха, Демокрита, Лукреция Кара.

Согласно Платону (IV в. до н.э.) история человечества – это история наделенных тимосом людей, честолюбцев, рисковавших своей жизнью, в кровавой схватке с теми, кто слаб духом, тимосом не наделен и потому готов стать рабом. Подобно Делягину, Платон основным принципом идеального государства полагал справедливость, е понимая, что каждая общественная страта наполняет это абстрактное понятие собственным содержанием.

Сократ критиковал Анаксагора за попытки объяснить все в мире механическим и причинами, взаимодействием воды, воздуха и пр., и утверждал, что причиной миропорядка является разум.

Аристотель (IV в. до н.э.) в «Политике» указывает, что государство возникло не сразу, но из семьи и из селений как энтелехия. Однако на этом историческое развитие у Аристотеля заканчивается: «... государство существует естественно», государство – «среда счастливой жизни». При этом Аристотель критикует идеальное государство Платона, в котором благо целого не есть благо его частей, различает «правильные и неправильные» типы государств, однако, если Платон видит в частной собственности источник общественного зла, Аристотель является ее апологетом.

Геродот (484-425 гг. до н. э.) представлял историю как набор фактов, поучительных историй, над субъектами истории властвует рок.

Предначертанное судьбой да исполнится, как бы человек этому не противился, говорит Эсхил в трагедии «Эдип». Господь всемогущ, всеведущ, он предопределяет движение всей материи во Вселенной. Господь создал человека таким, какой он есть. Следовательно, весьма логично рассуждает Хайям, именно господь виновен во всех человеческих грехах.

В отличие от Геродота и его религиозных коллег, Фукидид (ок. 460 - ок. 400 до н. э.) рассматривал историю как продукт выбора и поступков не богов, а людей, в которых искал все причины и следствия. Описывая историю, он исследовал причины Пелопоннесской войны между двумя греческими полисами, то есть, он одновременно и философ истории. Точнее – просто историк.

Тем не менее: археология была еще не развита, до крушения рабовладельческого строя оставались века, поэтому об истории как о науке и речи быть не могло.

В 1377 году арабский историк Ибн Хальдун представил историю как цепь политico-демографических циклов.

В XVII веке Кондорсе выдвигает идею о прогрессе человечества как о линейном движении к определённой цели.

Механицисты, Декарт, Ламетри, Гоббс, Дидро, Гельвеций, Гольбах, а также Спиноза дали толчок к пониманию истории как трансформизма, движения без различия высшего и низшего, простого и сложного.

Восторгавшийся Шекспиром богослов И. Г. Гердер попытался создать науку, которая бы не просто описывала бы всю историю человечества, но выступала как философия истории («Идеи к философии истории человечества», 1784 г.).

Но лишь эпоха первых буржуазных революций положила начало научному постижению истории. В XVIII веке вновь возникает идея об историческом движении как о прогрессе, эту идею подкрепляет Великая Французская революция. В России А. И. Герцен отвергает фатализм и телеологическую трактовку истории.

Позитивизм

Пришедший на смену феодальным отношениям капитализм развивает производительные силы, но приводит и к обнищанию масс, что не может не вызвать негативные тенденции в философии истории. В 1844 году основоположник позитивизма и социологии как науки Огюст Конт в труде «Дух позитивной философии» изобразил общество как растущий организм, проходящий в своём развитии три стадии: детства, юношества и зрелости. Не понимая разницы между законами общества и законами физики или химии, Конт мечтал создать науку об обществе, которая была бы такой же точной, как естественные науки.

Г. Спенсер, Милль, Шпенглер, в России – В. Лесевич и Н. Михайловский следовали Конту. По Конту основной фактор развития общества – человеческий разум, три ступени развития общества – это три ступени в развитии разума: теологическая, метафизическая и позитивная. Теологическая ступень еще не имеет объяснений происходящих в мире явлений и использует фантастические образы, религия господствует над разумом. Метафизическая ступень отражает развитие философии – человек объясняет мир через абстрактные конструкции. Позитивная ступень отражает переход разума человека к научному, то есть, по Конту, лишенному философских абстракций типу познания природы.

В. О. Ключевский в «Методологии и терминологии русской истории» к элементам методологии относит пять исторических сил: природу страны, физическую природу человека, личность, общество и «историческое преемство». Каждая из этих сил по его утверждению вносит в общество свой запас элементов, которые являются свойствами и потребностями физической или духовной природы человека, их стремлениями и целями, отношениями между собой. Главным действующим лицом его истории была не абстрактная «личность» и не «индивид», а общество, еще точнее – «массы». К факторам истории Ключевский относит факторы политические, социальные и экономические. Стержень истории – отношения между обществом и государством. Ключевский отбрасывает анализ «правительственных механизмов», но сосредотачивается на социальном составе управления, исследует историю господствующих классов.

Специфику России Ключевский объясняет огромной территорией: «Область колонизации в России расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней».

Ключевский возражает как славянофильской концепции истории с якобы единством народа с государства, как народнической концепции, согласно которой развитие капитализма не является русским путем, так и марксистской теории борьбы классов.

Ключевский следует позитivistскому представлению о взаимодействии элементов и социальных сил.

Эпоха революций, крушения старых элит вызвала настроения упадка, Шпенглер прорицал закат Европы, Макс Вебер считал бессмысленными попытки поиска исторических закономерностей. Позитивист Бертран Рассел утверждал: «История – ещё не наука. Её можно заставить казаться наукой лишь с помощью фальсификаций и умолчаний».

Однако позитивизм многолик, иные позитивисты следовали гипотезе Кондорсе о прогрессе. Но, разумеется, в этом движении главную роль они отводили науке, ученым, интеллигенции.

Период перед Второй мировой войной также вызвал крайний кризис в умонастроениях, приведший буквально к психопатологиям. Так, немецкий специалист по древней истории Эдуард Мейер утверждал, что в течение многолетних исследований ему не удалось открыть ни одного исторического закона и он не слышал, чтобы это удалось другим. Немец Карл Ясперс писал в духе агностицизма: «История имеет глубокий смысл. Но он недоступен человеческому пониманию».

Отказ от осмыслиения истории вызвал к жизни культурно-исторический релятивизм, представленный В. Дильтеем, П. Сорокиным, А. Тойнби, О. Шпенглером. Классовому подходу противопоставляется аксиологический, общественно экономической формации – культура.

Центральным основанием культурно-исторического релятивизма «считается идея аксиологического плюрализма... Вильгельм Дильтей, немецкий историк культуры и философ-идеалист... отказывается от последовательного историцизма, не знающего никаких внеисторических ценностей. Теория о множественности ценностных систем, согласно Дильтею, базируется на «относительности» без

исключений исторических явлений. Выдвигаемая им идея аксиологического плюрализма противоречит программе ценностной теории, так как абстрагируется от культурно-исторического контекста. Представители релятивизма были против увековечивания одной, «подлинной» системы ценностей, выработанной на основе исторического накопления взглядов. Дильтей проводил сравнительные исследования в области метафизических и религиозных доктрин, присущие гуманитарным наукам, и продемонстрировал релятивизм всех исторических взглядов. Согласно его учениям, ценности и нормы не претендуют более на общезначимость в условиях, когда историко-контекстуальный анализ заменил их религиозное и метафизическое обоснование» [1].

Сорокин

Философ пытается вытеснить исторический материализм историософией как философией, изучающей общество в целом. Он назначает многообразие ценностных систем и делит его на три основные, идеационную, чувственную и идеалистическую. Первая - чужда полезности, инструментальности, высшие ценности - бог, душа, истина, благо, красота.

Чувственная система – гедонистские ценности, удовольствие, наслаждение, эвдомонизм (счастье всей жизни), утилитаризм. Идеалистическая система есть синтез первых двух. Западная культура – стремится освободиться от религии, она погибнет, но Сорокин, в отличие от Шпенглера, считает это естественным, обе первые системы не вечны. Ядром возрожденной системы станет религия.

Система Сорокина максимально оторвана от реальности, хотя бы потому, что все культуры являются идеационными и чувственными одновременно, при этом наиболее идеалистические культуры наиболее культурно отсталые. Кроме этого, ценности одного народа и одного времени могут не иметь ценности для другого народа и времени, релятивизм, апеллируя к очевидному факту разницы между ценностями разных эпох и разных народов, игнорирует 1) становление ценностей в общественном закономерном бытии 2) противоположность ценностей буржуа и рабочего класса.

Шпенглер

Шпенглер в своем подходе развивает концепции книги «Россия и Европа» своего учителя – Н. Я. Данилевского. Исторический материализм заменен культурологией, различные культуры абсолютно разнородны, уникальны и не взаимосвязаны: «...человечество – пустое слово. ...Вместо монолитной картины линейнообразной всемирной истории..., я вижу феномен множества мощных культур... Так каждая из них налагает на свой материал – человечество - свою собственную формулу, и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования...». Процесс истории - это картина «вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания культур». За деревьями Шпенглер отказывается видеть лес.

Шпенглер выделяет 8 типов культур: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западноевропейскую («фаустовскую») и культуру майя. Под культурой понимаются язык, искусство, право, религия, философия, но не культура производства. У каждой культуры не просто другие ценности, но и истины. Культуру якобы разрушает цивилизация, понимаемая как принципы рациональности, рассудочности, расчета и выгоды, поэтому рассудочная Европа погибает.

Общечеловеческой культуры не существует, как и общечеловеческой морали для всех народов. Но Шпенглер отрицает очевидную взаимосвязь культур, хотя точно указывает на довлеющий эгоизм элит в каждом народе.

Ценности по Шпенглеру не могут быть навязаны извне, но данные принцип абстрактен, актуальным он станет лишь в эпоху глобализации.

Так или иначе, Шпенглер отрицает формационный подход и развитие общества как восхождение от низшего к высшему, культуры возникают «с возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле», и столь же бесцельно уходят со сцены истории, не оставляя ничего после себя. Социализм же не есть гуманная система, а есть система власти... «благоденствие» в экспансивном смысле... Все остальное самообман».

Тойнби

В середине 30-х Тойнби начал свой 12-томный труд, где описал историю 21 цивилизации и путем сравнения заключил, что цивилизация рождается как ответ конкретного общества на вызов со стороны

природы или других обществ. Вызовы - это перенаселение, война и т.п., ответы — социальная реорганизация, технологический прорыв и пр.

Под цивилизацией Тойнби понимает замкнутое общество, характеризующееся при помощи двух основных критериев: религии и формы её организации и территориального признака, степени удалённости от того места, где данное общество первоначально возникло. Теория явно ориентирована на США, даже не на Испанию, Португалию и Великобританию, замкнутости обществ не существует, религия играет лишь вторичную роль после экономического фактора. Способ производства, культуры производства Тойнби принципиально не рассматривает. В труде «Постижение истории» Тойнби пишет, что цивилизации «расцветали по причине успешной реакции обществ на вызовы под руководством мудрых меньшинств, состоящих из лидеров элиты». То есть, Тойнби придерживается философии кастовости. Помимо всего, СССР, где шла борьба с религией, выпадает из списка цивилизаций, хотя иные современные исследователи стремятся представить СССР именно как цивилизацию по Тойнби. В конце концов, Тойнби насчитал 36 цивилизаций. Характер обществ настолько разнообразен и уникален, что Тойнби отвергает концепцию единства истории в пользу ценностного и культурного плюрализма, то есть, имморализма – задолго до Фейерабенда.

Валлерстайн

В 1974 году в работе «Современная мир-система» Валлерстайн, апеллируя к идеям Ф. Броделя, открыл, что становление мирового рынка связано с неравномерностью экономического развития. То есть, изобрел велосипед, поскольку закон неравномерного развития государств вывел Ленин.

Бродель же всего лишь повторял древнюю мысль о взаимосвязи обществ, о наличии центра (но не центров) со «сверхгородом»; в XIV веке им была Венеция, затем Фландрия и Англия, затем, разумеется, Нью-Йорк. Бродель делил общества на второстепенные, но развитые, и окраинную периферию, которые связаны между собой торговыми коммуникациями в едином макроэкономическом пространстве.

У Валлерстайна «мирсистема» - территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам.

Мир-системный анализ, или мир-системная теория, будто бы исследует социальную эволюцию систем обществ, а не отдельных социумов, в отличие от предшествующих социологических подходов, в рамках которых теории социальной эволюции якобы рассматривали развитие отдельных обществ, а не их систем.

В 70-е годы мир-системный анализ разрабатывался А. Г. Франком, С. Амином, Дж. Арриги и Т. дус Сантусом.

Так называемый анализ представляет собой следующий набор: минисистемы - это первобытные общества, основанные на отношениях натурального взаимообмена; мир-системы – сложные аграрные общества; мир-экономики - системы обществ, объединённых тесными экономическими связями, выступающими в качестве определённых эволюционирующих единиц, но не объединённых в единое политическое образование. С XVI в. феодальная Европа трансформируется в капиталистическую мир-экономику. Весь современный мир представляет собой одну единственную мир-систему - капиталистическую мировую экономику. Капиталистическая мир-система состоит из ядра (наиболее высокоразвитые страны Запада), полупериферии (в XX веке — социалистические страны) и периферии (Третий мир). История ядра — история борьбы за гегемонию.

Мир-империи характеризуются взиманием налогов (дани) с провинций и захваченных колоний.

Согласно Валлерстайну, все докапиталистические мир-экономики рано или поздно превращались в мир-империи через их политическое объединение под властью одного государства. Единственное исключение из этого правила — это средневековая европейская мир-экономика, которая превратились не в мир-империю, а в современную капиталистическую мир-систему.

То есть. Мир-система, оказывается, не только аграрная, но и капиталистическая. Во-вторых, законы, по которым мини-системы становятся мир-системами, а мир-системы преобразуются в мир-экономики, анализ не определяет. Мир-империи, такие, как, например, Золотая Орда, Римская империя, Португалия, Испания, Великобритания или США, в схеме анализа – вообще вне какой-либо эволюции. Анализ не включает в себя антиколониальные войны, СССР, который опережал США в исследовании космоса, в военном, в культурном отношении, анализ необоснованно относит к полупериферии, и оказывается бессильным объяснить превращение периферийного Китая в «ядро». Данный анализ не

объясняет ни распад СССР, ни экономический взлет «периферийной» Японии, ни войну евро и доллара, ни кризис в США.

Дело в том, что мир-системный анализ не является ни теорией, ни анализом, это лишь набор обозначений. Данная конструкция введена исключительно для противостояния марксизму, информационному подходу, истории человечества как истории борьбы классов, то есть, историческому материализму и политэкономии, ее цель – скрыть антагонизм рабочего класса и буржуазии. Марксизм также рассматривает как системы государств, так и метрополии или тенденцию мирового капитала к централизации, что и порождает глобализацию, но ему не требуется для этого каких-либо дополнительных обозначений.

Мир-системный анализ – это всего лишь системное искажение истории. Так, в своей книге «Мирсистемный анализ: введение» Валлерстайн пишет: если «традиционные антисистемные движения ставят во главу угла вопросы государственной власти и экономического устройства», то «риторика 1968 г. ... обошла вниманием обе эти темы, сделав основной упор на проблемах расовой и сексуальной дискриминации». Что, разумеется, не соответствует действительности.

«Ленинизм есть мобилизующий ответ на ситуацию отсталости и стыда за свою отстающую страну», - вполне серьезно пишет Валлерстайн в статье «Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра». Он отбрасывает факт исторической закономерности революций, сводит ленинизм к призывам Ленина перенести из развитых стран всё самое передовое и, выбросив из ленинизма исторический материализм, объявляет, что «подобная конструкция не годится для стран, находящихся на вершинах мировой geopolитической и властной иерархии».

Аналогично действовал и Карл Поппер: вместо критики по существу он обозначил СССР как «закрытое общество», в этом и состояла вся «теория» Поппера.

Не зная марксизма, Валлерстайн объявляет, что в марксизме - якобы «линейный характер социальных процессов».

Во-первых, он обходит стороной ленинский закон неравномерного развития стран. Во-вторых, Валлерстайн игнорирует марксистское положение о регрессе, как об обязательном моменте развития. Но главное то, что он под «линейностью» он отвергает понимание исторического развития как восхождения от простого к сложному, от низшего к высшему.

Наряду с мир-системным анализом и в дополнение к «теориям» указанным выше, задачу создания белого шума вокруг марксизма выполняет теория модернизации, появившаяся в 1991 году демографически-структурная теория Джека Голдстоуна, опирающаяся на неомальтизианскую теорию, а также лженаука geopolitika, сформулированная фашистом Хаусхофером. Несмотря на то, что положения geopolitika не соответствуют истории, само название «геополитика» широко используется в России в академической среде.

В изложении Ю. И. Семёнова эстафетно-стадиальный подход - модифицированный марксистско-информационный подход, однако так или иначе это теория эстафетной передачи факела (светоча) от одних народов к другим, от одного региона к другому и от одной социальной системы к другой. В данном подходе абсолютизируется одна из сторон истории – культурный и научно-технический обмен, при этом игнорируется полное исчезновение или тотальное уничтожение некоторых культур, несмотря на «единство» человечества. Связность человеческих сообществ рассматривается как нечто неизменное по качеству.

Неопозитивизм, постмодернизм отрицают возможность объективной интерпретации истории, наличие в истории закономерностей и существования в ней научной методологии. Поппер отождествлял эти закономерности с фатализмом и провозглашал полную свободу человека в творении истории – что явно не соответствует самой истории.

Вполне адекватный британский историк Эдвард Халлед Кэрр утверждал, что на Западе «больше не говорят» об «исторических законах», что само слово «причина» вышло из моды.

Другой стороной идеалистического понимания истории была попытка в XIX-XX вв. свести исторические законы к биологическим. Социодарвинизм опирался на представления Конта и на конструкции Томаса Мальтуса 1798 года, по его мнению, фактором, определяющим развитие человечества, является, из-за неумеренного размножения обязательно случится нехватка

продовольствия для всего человечества. Поэтому люди будут вести борьбу за существование так же, как животные, произойдет естественный отбор и выживет сильнейший, как сформулировал Герберт Спенсер: «Это ни более, ни менее как христианское выражение того мирового закона природы, при действии которого только жизнь и могла подняться на ее настоящую высоту, - закона, на основании которого тот, кто не обладает достаточной энергией, чтобы найти себе средства к жизни, обречен на смерть» [2].

Из социодарвинизма родились и расистские социологические исторические теории, с развитием генетики неполноценность низших классов пытались объяснить структурой ДНК.

Разумеется, борьба за ресурсы имеет место, но уравнение Мальтуса, дающее экспоненциальный рост численности населения, неполно, поэтому неверно, более точное уравнение Ферхюльста дает не бесконечный рост, а выход численности населения на плато.

Без сомнения, биологическая сторона человека играет важную роль в социальных процессах.

С другой стороны, Ленин подчеркивал разницу между развитыми и отсталыми нациями, открывший спиральную форму ДНК Крик указал на разницу между геномами белой и черной расы. Однако из факта разницы можно сделать два противоположных вывода. Ленин предлагал преференции отсталым нациям, в некоторых советских спортшколах большее внимание уделялось менее способным, Гитлер же отправлял алкоголиков или инвалидов в пекль.

Такие «теории», как объяснение в духе Мальтуса демографической катастрофы в современной России дифференциальным уравнением народонаселения (С. Капица), объяснение истории мира противостоянием кланов Ротшильда и Рокфеллера, а также планами тайного мирового правительства, или клиодинамика (А. Коротаев, А. Малков, Д. Халтурина и др.) с математическими расчетами, сколько калорий потребил Цезарь на завтрак, не стоят рассмотрения.

История как развитие

Вплоть до XIX века историю представляли в духе Геродота, как результат линейного развития по плану, определённому Творцом. Гегель же представил дело так, что воля Творца следует определенной логике, по этой логике происходит диалектическое развертывание духа, этим развертыванием и является история человечества.

С. М. Соловьев пишет: «...время проходило не столько в изучении фактов, сколько в думаний над ними, ибо у нас господствовало философское направление: Гегель вскружил всем головы». Гегель не рефлексировал над историей, он наметил в ней закономерности. То есть, те объективные связи в природе общества, которые не зависят от сознания индивидов: «Во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они (сами, Б. И.) достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают» [3].

«Иные пытаются, обрисовывает Гегель понимание исторической закономерности, «возможность объяснить случайностями, неловкостями, а, главным образом, легкомыслием и злыми страстями людей изменения, перевороты и разрушения...» [4].

Гегель и современные ему немецкие философы представили историю как субстанцию: «... по определению субстанция есть нечто самодостаточное, т.е. не нуждающееся для своего существования ни в чем ином, ничем не обусловленное и ни с чем не взаимодействующее, само себя определяющее, а также самотождественное, неизменное» [5].

История человечества по Гегелю является диалектическим развитием, однако, когда речь заходит о власти, Гегель забывает о диалектике, государство для него незыблемо, как Кёльнский собор.

Материалисты убрали из гегелевской модели лишнее: «Первой основной задачей материализма, поднявшегося над уровнем примитивных натуралистических концепций, является выявление собственных законов истории. Ясно, что материализм обязывает искать их не в сознании общества (или индивида), но теперь уже и не в природе. В обществе надо было выявить и найти сферу отношений, которая формируется людьми, но не зависит от их воли и сознания, специфические качества которой не

только не определяются сознанием, но сами определяют его, ибо только на базе объективной реальности возможно существование объективных и в то же время специфических. Выявление такой реальности есть логическая предпосылка познания объективных законов истории» [6].

Как формулировал Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм»: «Из того, что вы живете и хозяйствуете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего общественного сознания, не охватываемая им полностью никогда» [7].

История человечества для Гегеля есть развертывание духа во времени. Тем не менее, основа, сущность истории по Гегелю – сознательная деятельность воспроизводящих себя в труде индивидов. Конечно с оговоркой, что индивид есть проявление духа народа, а дух народа – проявление мирового духа, и главную роль в общественных изменениях играет класс героев-воинов, победителей, тимотических людей, которых обслуживает класс «побежденных», класс занятых физическим трудом.

Но даже идеалист Гегель резко критикует романтическое обожествление героев, вождей, государственных личностей (Ленин в адрес «романтиков» выражается следующим образом: холуй, холоп, хам).

В числе закономерностей истории Гегель вписывает борьбу внутри общества и между обществами. Дух преодолевает самого себя, постоянно ведя борьбу против самого себя. Гегель вскрывает в истории диалектические законы: отрицание отрицания, поступательное движение. Таким образом, Гегель кладет в основу истории развитие, прогресс общества.

Нужно отметить момент, который следует из диалектики Гегеля, но самим Гегелем упущеный – развитие не есть только поступательное движение вверх по спирали, но и регресс как момент прогресса, которому соответствуют, например, Темные века или цивилизация после 1991 года.

Гегелевскую концепцию мировой истории А. Чешковский назвал историософией, введя термин в научный оборот в своей докторской диссертации «Пролегомена к историософии» (Берлин, 1838).

Всемирную историю Гегель представляет не как смену общественно-исторических формаций, а как смену народных духов.

Таким образом, Гегель удваивает сущности, удваивает мир, дополняя его зеркальным миром духов. Диалектика у Гегеля обрывается на оценке прусской монархии, которую Гегель считает завершением развития духа, наивысшей точкой.

Весьма куцее понимание историософии Гегеля представлено, напр., в статье Гобозова [8].

Маркс и Энгельс отбрасывают двойной несуществующий мир, заменяя историю героических государственных личностей историей борьбы классов, разграниченных не наличием тимоса, а вследствие общественного разделения труда.

Перед мировой войной

«В конце XIX - начале XX в., - отмечает Русакова, - гегелевский классический тип философии истории стал предметом критики со стороны неокантианства, позитивизма, «философии жизни». Значительную роль в критике гегелевской историософии сыграла так называемая критическая философия истории, идейными лидерами которой были Г. Зиммель, Г. Риккерт, В. Дильтея. Критическая философия истории отстаивала новый тип философии истории, свободной от онтологизма и априорных метафизических абстракций, от претензий на постижение объективных смыслов исторического бытия» [9].

«Современная философия истории, пишет Арон, - начинается с отказа от гегельянства. Идеал уже не в том, чтобы с ходу определить смысл становления человечества, и философ больше не считает себя хранителем секретов пророчества. Подобно тому как «Критика чистого разума» не позволяла духу приблизиться к истине интеллигibleного мира, критическая философия истории отказывается от того, чтобы познать конечный смысл эволюции. Анализ исторического познания относится к истории так, как кантовская критика относится к догматической метафизике» [10].

Отказ от гегельянства происходит задолго до «современной» философии. «Наши теории 40-х годов, – писал государственник К. Д. Кавелин, – исходили из общих начал, взятых извне, из идеалистической немецкой философии или из фактов западноевропейской политической и общественной жизни, поэтому они были оторваны от почвы, были слишком априористичны для русской жизни». Вследствие этого в трудах государственников более позднего времени наметился отказ от «предвзятых общих идей», что в русле данного направления фактически означало переход к неокантианской критике гегелевской философии, позитивизму.

Однако Арон совершаєт подтасовку: критическая философия истории восстает не против Гегеля, но против исторического материализма.

Раймон Арон, основоположник критической философии истории и будто бы критик ее позитивистской интерпретации, пишет о «философии исторического релятивизма, которая получила свое развитие в начале века, особенно после войны, и последовала за периодом, посвященным анализу науки... Эволюционизм стал историзмом в тот день, когда две ценности, на которых базировалась вера XIX в. – положительная наука и демократия, т.е. в сущности рационализм, – потеряли свой престиж и авторитет. Иррационализм привел к пессимизму: история не имеет цели, поскольку человек не имеет предназначения и, будучи всегда похожим на самого себя, напрасно создает недолговечные произведения. В свою очередь эта аргументация выражает положение или ситуацию. Немецкий профессор с претензиями на аристократизм (биологический или духовный) испытывает отвращение к нашим массовым цивилизациям, к индустрIALIZМУ, ко всем формам социализма... релятивизм всегда связывается с определенной метафизикой. В учении Трёльча становление есть прогрессивное раскрытие сквозь время недоступного Бога. Согласно Шелеру, релятивность, к тому же преодоленная вечно действительной иерархией ценностей, выражает необходимое сотрудничество индивидуальных или сверхиндивидуальных личностей; мир сущностей фрагментарно показывается каждой личности, откуда – необходимость временного рассеивания образов жизни и мысли, чтобы исчерпать интеллигibleный мир. Манхейм представляет себе как некий абсолют историческую тотальность, одновременно являющуюся реальной и многозначительной, как чистый рок, не имеющий ни провиденциального, ни демократического характера. Для французских социологов общества представляют собой принцип и первопричину изменений, а также моральные императивы, поскольку они путаются с социальными императивами, остаются действительными вопреки или из-за своего разнообразия. Релятивизм не признает ни аккумуляции истин, ни прогресса, он признает всего-навсего диалектику без цели. Философию становления (а не эволюции) он сводит к анархии ценностей, даже если не уничтожает самостоятельность человеческих творений...» [11]

Кроме междометия о рациональности демократии – казалось бы, верная, уничтожающая критика. Но далее либерал, убежденный антикоммунист Арон фактически присоединяется к релятивизму: «Проблема была поставлена двумя рядами работ, двумя группами фактов. Исследования первобытного мышления показали, в какой степени манера мыслить, способы объяснения подвержены изменениям. С другой стороны, социология или история культур показали плюралистичность представлений о мире, концептуальных возможностей, самих формальных категорий. В этом смысле сегодня каждый признает особенность китайского мышления, индийского мышления».

Вслед за Ароном то же повторит Пол Фейерабенд.

«... профессиональному интеллектуалу трудно не принять демократию *de jure*, хотя делая это, он может еще сильнее провозглашать аристократизм *de facto*: его мысль доступна только меньшинству», – пишет Арон в 1955 году в книге «Опиум интеллектуалов». История как борьба классов отброшена, демиург истории – интеллигент, мысль стара настолько, что успела заплесневеть.

Неопозитивизм

Позитивизм возник как реакция на не столько кризис в науке, сколько на кризис капитализма. Дюгем, Гельгольц, Герц, Мах, Оствальд, Пирсон, Пуанкаре, Ферворн – выдающиеся ученые, однако. «*Ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в единственном слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По

той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*», - пишет Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Разорванное сознание – характерно для разорванного иерархией общества. Религиозный физик способен делать научные открытия в русле диалектико-материалистической культуры, не прибегая к версии бога. Но как только он сталкивается в физике с чем-то необъяснимым, диалектико-материалистический метод отбрасывается.

В письме от 10.12.1692 редактору Тринити коллежу Кембриджу Ричарду Бантли Ньютон рассуждает о моделях Вселенной, о том, как могли бы образоваться Солнце и другие звезды. «Но каким бы образом вещество могло бы разделиться на две части, и та, что годится на это, слилась в светящееся тело, тогда как другая осталась темной или превратилась в темную, когда первая оставалась неизменной – это уже, на мой взгляд, нельзя объяснить одними только естественными причинами, и я должен приписать это мысли и деянию исполненного волей Творца» [12].

В противоположность данному типу мышления диалектико-материалистический метод обращает на дальнейшее изучение природы, вопрос, поставленный Ньютоном, разрешается после создания ядерной физики, специальной теории относительности и квантовой механики.

Ленин указывает, что в силу общественной иерархии ученые ангажированы правящим классом. Ленин лишь упускает из виду, что социальной базой позитивизма является не только общественная иерархия, но социальный разрыв, общественное разделение труда, порождающее противоречие между абстрактным и конкретным содержанием труда, в упрощенной формулировке - противоречие между умственным и физическим трудом.

Причем ликвидация классов означает ликвидацию не только буржуазии, но и рабочего класса, то есть, исчезновение обезличивающего труда, во-вторых - преобразование труда более свободной, чем рабочий класс, интеллигенции.

Философия возникает каждый раз, когда та или иная наука внутри себя отрицает самоё себя, делая шаг к новому знанию. Философия возникает вне данной науки каждый раз, когда новая наука возникает на стыке наук.

Значит ли это, что в философии вообще нет самостоятельного содержания, отличного от совокупности наук, не исчезнет ли философия, когда будет преодолен разрыв между науками?

Ленин предупреждает, что специализация труда, следовательно, и научная специализация, никогда не исчезнет, наоборот, будет углубляться. Поэтому философия в данном смысле не исчезнет.

Разумеется, философия не исчезнет и в виду сложности процесса познания, и в виду необходимости ее переосмыслиния для новых открытий.

В то же время философия, основанная на совокупности наук, пользуется собственным категориальным аппаратом, то есть, находится на операциональном уровне и имеет прогностическую ценность. Однако экзальтация этой ценности, как это мы видели в СССР, а ныне на многочисленных примерах буржуазной философии, превращает философию в схоластику, в переливание из пустого в порожнее, в примитивную агитацию.

Позитивизм - идущее от стоиков и Канта философское учение, определяющее единственным источником истинного, действительного знания эмпирические и теоретические естественнонаучные исследования и отрицающее познавательную ценность философии.

Немецкий позитивизм отличался от контовского, его поименовали вторым позитивизмом или эмпириокритицизмом, его представители – Макс Авенариус, в России – большевик А. Богданов (эмпириомонист), в США – прагматик Ч. Пирс.

Позитивизм был подвергнут уничтожающей критике в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

В конце 20-х годов возникает неопозитивизм (М. Шлик, О. Нейрат, Б. Рассел, Д. Мур, Л. Витгенштейн и др.), после войны его представители эмигрировали, неопозитивизм прекратил существовать как философское течение.

В социальном плане позитивизм стал защитной реакцией и на эпоху революций, и на удар, нанесенный церкви наукой, как часть сциентизма, представляющего научное знание наивысшей культурной ценностью и основополагающим фактором взаимодействия человека с миром. То есть, общественная иерархия продуцировала экзальтацию естественнонаучного мировоззрения, что привело обратно к идеализму.

Гносеологическими корнями позитивизма стали новейшие открытия в физике, приведшие к слому прежних механистических представлений о природе.

Энгельс отмечал, что с каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму (см. [13]).

До 1991 года в советской философии утверждалось, что ученые в капиталистических странах способны делать великие открытия потому, что являются стихийными материалистами. Материализм же предполагает диалектику. Ильинков отметил, что ученые – в то же время стихийные диалектики, поскольку логика науки отражает часть природы, потому она есть часть диалектики. Тем самым ученые, сочетая стихийные материализм и стихийную диалектику, согласно советской официальной философии, превращаются в марксистов.

Огюст Конт так и утверждал: наука – сама по себе философия.

Разумеется, в своих исследованиях ученые действуют как диалектические материалисты. Но это не означает, что в социальном плане они обязаны быть марксистами. Таким образом, перед ними проблема, как увязать свой социальный идеализм с методологией мышления, которую генерируют их собственные научные исследования.

Можно сказать, что позитивизм большинства советских ученых стал реакцией на расширительную трактовку функций философии со времен правления Сталина, который объявил генетику лжен наукой, несовместимой с диалектическим материализмом.

С другой стороны, такие области физики, как квантовая механика или общая теория относительности подвергаются такой интерпретации, чтобы удовлетворить идеалистическим установкам, что, казалось бы, ведет к дуализму, однако в поздних вариациях попросту отрицает объективность науки, трактуя ее положения в духе солипсизма.

Таким образом, наука (или ее проблемы) превращается, по заветам Фомы Аквинского, лишь в подспорье в доказывании существования бога.

После Второй мировой войны возникает неопозитивизм (постпозитивизм), его представляют Томас Кун, Имре Лакатос, Майкл Полани, Карл Поппер, Стивен Тулмин, Пол Фейерабенд. Например. Поппер – ярый противник СССР, Фейерабенд – переносит марксизм в анархизм, социальная ангажированность данного течения очевидна.

Ленин

Фаллибализм и Пьер Дюгем

Чтобы отчетливее увидеть, что есть неопозитивизм, необходимо вспомнить ленинскую работу «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин указывает, что в основе эмпириокритицизма лежит софизм, подмена содержания понятий.

Человек познает природу с помощью органов чувств, – рассуждают эмпириокритики, следовательно, мы знаем только свои чувства и не можем прорваться за пределы своих чувств непосредственно к природе.

Ленин указывает, что в первой части суждения под словом «чувств» понимается связь между человеком и природой, во второй части это содержание отбрасывается и заменяется на значение «перегородка между миром и человеком».

Однако если можно было бы опровергнуть идеализм путем вербальных доказательств, он давно был бы опровергнут навсегда. Но идеализм возникает всяких раз с каждым новым открытием в науке, с каждой новой социальной революцией.

Неопозитивисты отнести воззрения Ленина к фаллибилизму, причем совершенно напрасно. Фаллибилизм (подверженный ошибкам, погрешимый) - направление постпозитивизма, согласно которому любое научное знание принципиально не является окончательным, а есть лишь промежуточная интерпретация истины, подразумевающая последующую замену на лучшую интерпретацию. Принцип фаллибилизма пересекается с принципом толерантности Поппера. Понятие «фаллибилизм» было разработано Ч. С. Пирсом, который утверждал, что в любой данный момент времени наше знание о реальности носит частичный и предположительный характер, есть точка в континууме недостоверности и неопределенности: «Абсолютная непогрешимость может быть присуща лишь папе римскому и экономическим советникам, но я совершенно уверен, что она не присуща таблице умножения». На самом деле термин «фаллибилизм» - исключительно служебный, он призван подменить собой материалистическое понимание диалектики относительной и абсолютной истин. К. Поппер, И. Лакатос и П. Фейерабенд считали Ленина одним из предтеч фаллибилизма из-за его якобы интерпретации идей П. Дюгема.

Во-первых, у Дюгема нет никаких идей, а есть недомыслие. Во-вторых, Ленин в данной книге вовсе не интерпретирует «идеи» Дюгема, он от них (за исключением тривиальностей) камня на камне не оставляет: «Такие сочинения, как «Теория физики» П. Дюгема или «Понятия и теории современной физики» Сталло, которые особенно рекомендует Мах, показывают чрезвычайно наглядно, что всего больше значения придают эти «физические» идеалисты именно доказательству относительности наших знаний, колеблясь, в сущности, между идеализмом и диалектическим материализмом. Оба автора... воюют всего энергичнее с атомистически-механическим пониманием природы. Они доказывают ограниченность такого понимания, невозможность признать его пределом наших знаний, закостенелость многих понятий у писателей, держащихся этого понимания. И такой недостаток *старого* материализма несомненен; непонимание относительности всех научных теорий, незнание диалектики, преувеличение механической точки зрения, — за это упрекал прежних материалистов Энгельс. Но Энгельс сумел (в отличие от Сталло) выбросить гегелевский идеализм и *понять* гениально истинное зерно гегелевской диалектики. Энгельс отказался от старого, метафизического материализма в пользу *диалектического* материализма, а не в пользу релятивизма, скатывающегося в субъективизм.

«Механическая теория, — говорит, напр., Сталло, — вместе со всеми метафизическими теориями гипостазирует частные, идеальные и, может быть, чисто условные группы атрибутов или отдельные атрибуты и трактует их, как разные виды объективной реальности» (р. 150). Это верно, если вы не отрекаетесь от признания объективной реальности и воюете с метафизикой, как антидиалектикой... То же самое Дюгем. С громадной затратой труда... доказывает он, что «всякий закон физики есть временный и относительный, потому что он приблизителен» (280). И ломится же человек в открытую дверь! - думает марксист... Но в том-то и беда Дюгема, Сталло, Маха, Пуанкаре, что двери, открытой диалектическим материализмом, они не видят. Не умея дать правильной формулировки релятивизма, они катятся от него к идеализму. «Закон физики, собственно говоря, не истинен и не ложен, а приблизителен», - пишет Дюгем (р. 274). В этом «а» есть уже начало фальши, начало стирания грани между теорией науки, приблизительно *отражающей объект*, т.е. приближающейся к объективной истине, и теорией произвольной, фантастической, чисто условной, например, теорией религии или теорией шахматной игры. Эта фальшь доходит у Дюгема до объявления вопроса о том, соответствует ли чувственным явлениям «материальная реальность», *метафизикой* (р. 10): долой вопрос о реальности; наши понятия и гипотезы — простые символы (*signes*, р. 26), «произвольные» (27) построения и т.п. Отсюда один шаг до идеализма, до «физики верующего», каковую г. Петр Дюгем в духе кантианства и проповедует (у Рея, р. 162; ср. р. 160). А добряк Адлер (Фриц) — тоже махист, желающий быть марксистом! — не нашел ничего умнее, как «поправлять» Дюгема следующим образом: он-де устраняет «реальности, скрытые за явлениями, только как объекты теории, а не как *объекты действительности*». [282] Это уже знакомая нам критика кантианства с точки зрения Юма и Беркли. Но ни о каком сознательном кантианстве у П. Дюгема не может быть и речи. Он просто *шатается*, как и Мах, не зная, на что опереть ему свой релятивизм. В целом ряде мест он вплотную подходит к диалектическому материализму. Мы знаем звук, «как он существует по отношению к нам, а не таким, каков он сам по себе, в тела, порождающих звук. Эту реальность, из которой наши ощущения

открывают только внешнее и поверхностное, дают нам возможность познать теории акустики. Они говорят нам, что там, где наши восприятия схватывают только ту кажимость, которую мы называем звуком, реально существует движение периодическое, миниатюрное, очень быстрое» и т.д. (р. 7). Не тела суть символы ощущений, а ощущения - символы (вернее, образы) тел. «Развитие физики вызывает постоянную борьбу между природой, которая не устает давать материал, и разумом, который не устает познавать» (р. 32) - природа бесконечна, как бесконечна и мельчайшая частица ее (и электрон в том числе), но разум так же бесконечно превращает «вещи в себе» в «вещи для нас».»

Для Ленина истина – не суждение, а противоречивый процесс, в котором содержание знания не зависит от субъекта. Познание же есть восхождение относительных истин к абсолютной. Абсолютная истина не существует, но в то же время существует через относительные истины.

«... Человеческое мышление, - пишет Ленин, - по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» [14]. «Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, - пишет он далее, - состоит в следующем: идя по пути марковской теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» [там же, стр. 146].

Таким образом, Лакатос, Поппер, Фейерабенд просто неграмотны.

Кризис в физике в начале XX века

В конце XIX — начале XX века в естествознании началась революция: были открыты рентгеновские лучи (1895), явление радиоактивности (1896), электрон (1897), при изучении свойств которого обнаружили изменчивость его массы в зависимости от скорости, радий (1898), независимость скорости света от скорости движения источника света (опыт Майкельсона — Морли), радио (Герц, Попов и др.), излучение черного тела и т. д. В шаге от этих открытий были планетарная модель атома Резерфорда, теория относительности, квантовая механика.

«Классическая физика исходила из метафизического отождествления материи как философской категории с определенными представлениями о ее строении. Когда же эти представления коренным образом изменились, философы-идеалисты, а также отдельные физики, стали говорить об «исчезновении» материи, доказывать «несостоятельность» материализма... закон сохранения и превращения энергии был использован В. Оствальдом для обоснования «энергетизма», для доказательства «исчезновения» материи и превращения ее в энергию», - отмечается в собрании сочинений Ленина в предисловии к книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Под влияние эмпириокритицизма попали некоторые видные ученые, А. Пуанкаре, А. Эйнштейн испытывали на себе влияние эмпириокритицизма. Один из лидеров германской социал-демократии К. Каутский, австрийский социал-демократ Ф. Адлер, в России эсеры В. В. Лесевич и В. М. Чернов и др., меньшевик Н. Валентинов (позднее ставший антикоммунистом), П. С. Юшкевич, большевики А. Богданов, В. Базаров, А. В. Луначарский считали возможным «дополнить» марксизм махистской гносеологией. Луначарский предлагал объединить научный социализм с религией («богостроительство»), считая, что в религиозной форме социализм будет «ближе и понятнее» русскому народу.

В 1908 году была опубликована совместная книга Базарова, Бермана, Богданова, Гельфанды, Луначарского, Суворова, Юшкевича «Очерки по философии марксизма». Плеханов подверг книгу критике, Ленин назвал ее «Очерками против философии марксизма».

Хотя еще в 1899 году Лебедев доказал существование светового давления, а в 1900 г. Планк выдвинул идею кванта света. То есть, материя переходит из одной формы в другую, нет никаких «энергетических частиц» или энергии в чистом виде, без материального носителя.

Гораздо менее тривиально выглядит попытка подменить материю геометрией, когда в модельной задаче решения уравнений Эйнштейна полагают массу (тензор энергии импульса) равной нулю. Уравнения дают в виде решения пустое пространство Минковского. С другой стороны, в модели Хиггса частицы изначально не обладают массой покоя (инертной), она приобретается лишь при взаимодействии с полем Хиггса.

Не масса исчезает, а наше грубое представление о ней, не детерминизм исчезает, а наше механистическое представление о нем.

Не уравнения Эйнштейна сообщают о возможности существования формы без материи, а наличие решения без материи указывает на ограниченность уравнений Эйнштейна.

«Кризис физики, - писал Ленин, - состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом» [там же, стр. 272-273].

Ленин подвергает критике и агностическую теорию символов, или иероглифов, согласно которой ощущения являются лишь условными знаками, а не изображениями реальных вещей.

Что же пишет о книге Ленина Поппер? Он восторгается книгой потому, что она написана «просто». Это всё, что смог уяснить из книги великий философ XX века.

Возникает закономерный вопрос об интеллектуальном уровне Поппера, Фейерабенда, Лакатоса.

Ильенков пишет: «С некоторых пор они стали всерьез верить в то, что все написанное на эту тему Марксом и Энгельсом представляет собою «семантически-неточное» выражение их собственной философии. Все высказывания Маркса и Энгельса «устарели»-де, потому что они выражены на устаревшем языке, в лексиконе той философской традиции, в атмосфере которой формировалось в молодости их мышление. Все это-де просто-напросто словесный сор в их наследии - «словесные побрякушки» гегелевско-фейербахианского пустословия, и не больше. Так они пишут и про «материю» и про «противоречие». От всего этого словесного сора нужно поэтому «подлинную» философию Маркса и Энгельса очистить, а ее «рациональное зерно» изложить на языке современной науки - в терминологии Маха, Оствальда, Пирсона, Пуанкаре и других корифеев современного естествознания. Ленин издевается над пристрастием позитивистов к изобретению «новых словечек» - всех этих «контрекций» и «принципиальных координаций», «трансцензусов» и «эмпириосимволов», «ноталов», «секуралов» и «фиденциалов». Тогда эта манера только еще входила (вернее, вводилась) в моду, но Ленин посчитал необходимым специально с нею разделаться. Он показал, что единственный ее смысл в том, чтобы придать тривиальным идеалистическим пошлостям вид глубокомыслия и «научности». Над этим не грех бы задуматься тем нынешним авторам, которые настойчиво стараются «обогатить» лексикон диалектико-материалистической теории познания и логики плодами философского словоблудия Карнапа и Айера, Шлика и Поппера, — «концептами» и «денотатами», «экстенсионалами» и «экспланандумами», «эпистемологическими постулатами» и прочими «парадигмами», — да еще и мечтают в свете (а лучше сказать, в темноте) подобных «прецизно-верифицированных концептов» уточнить теоретические определения понятий материалистической диалектики, ее категорий, сделать их «более эффективными и эвристичными». Хороша была бы диалектика, изложенная с помощью этой нелепой смеси англизированной латыни с верхнебаварским и нижегородским!..» Они «производят уже не научные знания, а лишь псевдонаучные абстракции, которые и выдаются за философские обобщения».

Ошибки Ленина

Ленин, как было сказано выше, легко расправляется с логической посылкой позитивизма, заимствованной у Юма: если мы воспринимаем мир с помощью наших чувств, то мы не можем утверждать, что мир существует, т.к. мы не можем вырваться за пределы наших чувств.

Ленин отмечает софизм, подмену содержания понятия.

Ильенков предельно просто поясняет, на какие ошибки позитивистов указывает Ленин:

«Философия» же в ее махистско-богдановском варианте... нацеливает мышление человека на сочинение «пределенных абстракций», в «нейтральном» лоне коих гаснут все различия, все

противоположности, все противоречия. И в материи, и в сознании, и в отношении между материей и сознанием. И это - прямое следствие идеализма ее гносеологических аксиом. Ведь и «элементы мира», и тектологические «структуры организации», и «логические каркасы», и «абстрактные объекты», «системы вообще», и «бог», и «абсолютный дух» - все это лишь разные псевдонимы, скрывающие одно и то же - идеалистически-мистифицированное сознание человека. Главное звено всей стратегии похода махистов против философии марксизма составляла попытка рассечь живое единство материалистической диалектики как теории развития и как теории познания и логики, сначала обособить «онтологию» от «гносеологии», а затем и противопоставить их друг другу, умертив тем самым существо диалектики как философской науки. Расчет здесь был прост: при таком рассечении материалистическое миропонимание легче всего было отождествить с какой-либо конкретной и исторически ограниченной естественнонаучной «картиной мира», с «физическими», и приписать на этой основе всему материализму пороки и просчеты этой «онтологии». С другой стороны, ту же операцию можно было бы проделать и с материалистической «гносеологией», отождествив ее с какой-либо новейшей естественнонаучной концепцией «психического». Отождествление философии с обобщенной сводкой научных данных как раз и позволяло изобразить дело так, будто естествознание само по себе рождает идеализм. Уничтожить своеобразие философии, ее подхода к явлениям, ее системы понятий — это и значило приписать идеализм самому естествознанию» («Материализм воинствующий – значит диалектический»).

Но повторим: если бы можно было расправиться с идеализмом логически, его давно бы не существовало. Как говорил Энгельс: «Чтобы победить идею частной собственности, достаточно идеи коммунизма. Чтобы победить саму частную собственность, необходимо коммунистическое действие». То же самое Ленин говорил о религии: любая логика, противопоставленная теологии, окажется бессильной в отсутствии революционного движения.

В то же время в книге Ленина есть откровенно слабые моменты.

Богданова критиковали все советские философы, Ильенков даже договорился до того, что экономике страны влиянием богдановской «теории равновесия» был нанесен вред. Как могла нанести вред тектология, разработанная Богдановым, неизвестно. Богданов лишь пытался распространить принцип Ле Шателье на общество, в какой-то мере он прав, когда мы видим, как резкое усиление процесса глобализации после распада СССР вызывает противодействие стран разрушению государственных границ путем усиления протекционистских мер и т.д.

В своем ответе Ленину в книге «Вера и наука» Богданов путает, он приписывает Ленину понимание абсолютной истины в духе Гегеля – Шеллинга – Бердяева, хотя Ленин имел в виду соответствие относительной истины природе, только в этом смысле относительная, приближенная истина – абсолютна. Так что Богданов явно неверно отождествляет философию Ленина с религией.

Но Богданов точно улавливает непонимание Ленина не идеализма, а религии, незнание ее истории. Богданов объясняет, что есть религия: это отражение в общественном сознании общественной иерархии.

Что же ошибочно в книге Ленина?

Например, Юм не отрицал существование реального мира. Он просто не хотел видеть достаточных этому доказательств. На самом деле вопрос об органах чувств, поставленный Юмом и Беркли, не так прост.

Ленин говорит об объективной реальности, но оставляет в стороне реальность субъективную. Отпечаток монеты на воске – лишь ее образ, он идеален, поскольку не имеет ни веса, ни запаха, но его оформленный носитель не менее материален, чем сама монета. В сознании взаимодействуют не мифические информационные сгустки, но именно материальные носители образов, путем нервных импульсов.

Речь идет о невозможности выйти за круг этих материальных взаимодействий. Поскольку человек – это открытая система, вопрос о соответствии логики этих взаимодействий логике внешнего мира решен в рамках марксизма. Но у человека есть то, что не принадлежит внешнему миру, даже если во внешний мир включить то, что исходит от человеческого организма. Например, человеческое «я». Логика взаимодействий этих «внутренних» «оттисков» описывается литературой, в целом культурой. Нетрудно

научиться отличать сон от яви, но в целом вопрос о соответствии «оттисков» внешнему миру становится далеко не тривиальным. Например, когда речь идет о подверженности манипуляции массового сознания вследствие маргинализации населения, о состояниях белой горячки, наркотическом, гипнотическом, зомбированном или о состоянии измененного сознания, а также о нарушениях памяти, в частности, о ложных воспоминаниях.

Новый постпозитивизм

Казалось бы, высоко оцененные труды Марксом и Энгельсом труды Николая Кареева, примитив Данилевского, Бердяева, левого либерала Вениамина Хвостова, Николая Кареева, прислуживавшего Гитлеру Ильина, построения противников марксизма Ключевского, Льва Карсавина или Константина Леонтьева навсегда вытеснены схоластикой эрзац-марксизма сталинского и послесталинского СССР. Однако в виду неотвратимости метаболизма и воспроизведения живой материи их дело продолжили новые интенсивно делящиеся колонии микроорганизмов.

Советских историософов можно типизировать на три штамма: не перестроившиеся, перестроившиеся и поздние (после 1991 года).

К первому штамму можно отнести историка В. С. Лельчука, его книга 1961 года «Там, где начинается коммунизм: КПСС - организатор и руководитель всенародного движения за коммунистический труд» точно характеризует его образовательный уровень. Можно было бы добавить военного историка В. Д. Поликарпова, уровень его выше, но он горячо приветствовал перестройку.

К перестроившимся относится Петр Гречко – ему принадлежат идеи о практико-теоретической континуальности социальной реальности, о неизбежности обращения критериальной задачи практики в форму и ход доказательства объективных истин познания, о естественной взаимосвязи практики как социальной нормы с природой или базовыми потребностями человека, об архетипной роли равенства в историческом бытии справедливости, об эксплуатации как социальной утилизации естественного неравенства людей, о мета-паттернах исторического процесса и концептуальных моделях науки истории, о плюрализме как новой социальной парадигме, идущей на смену коллективизму и индивидуализму, об основаниях и будущих возможностях кросс-культурных взаимодействий, о пирамиде правильно понятых интересов как функциональном аналоге гражданского общества, о гуманистических и социально-оптимистических импликациях постмодернистского дискурса...

За наукообразием у Гречко нетрудно различить стандартную примитивную буржуазную идеологию. В противовес пятичленной схеме смены формаций И. М. Дьяконов бездоказательно отвергает рабовладение и феодализм, произвольно дополняет стадии развития общества до восьми, введя, ко всему, еще и посткапиталистическую стадию.

Александр Ивин, сторонник аксиологического подхода в истории. Акоп Назаретян, тяготеющий к Тойнби и Валлерстайну. Александр Панарин, из либерального диссidentа советских времён перестроившийся в русского религиозного националиста. Эльгиз Поздняков, считает лженауку Хаусхофера geopolитику наукой. Анатолий Ракитов, советник Ельцина, это точная характеристика его «научных» достижений. Евгений Рашковский, написавший книгу «Православные праздники».

Вадим Яковлев, поборник плюрализма. Николай Розов, стажировался в Центре Фернана Броделя под руководством Валлерстайна.

Поздние: Леонид Гринин, А. Коротаев, А. И. Филюшкин и пр., труды которых не стоят рассмотрения.

Дискурс прошлого постпозитивизма был продолжен в переложении на российскую действительность, он в жесткой форме противопоставлен марксизму-ленинизму и базируется на конструировании исторических мифов. Рупором исторических упражнений Валлерстайна, Аттали, Фукуямы, Хантингтона и пр. является плагиатор Фурсов, будто бы с противоположных позиций выступают Игорь Пыхалов, Александр Колпакиди и Елена Прудникова, с третьей позиции трактует историю Эдвард Радзинский, с четвертой – Александр Пыжиков, до них извращением истории занимались Александр Бушков и два перебежчика, Григорий Климов, сотрудник ЦРУ, и Владимир Резун (Суворов).

Основные направления новой мифологии – либеральная и сталинистская. К первой относятся мифы об уничтожении поляков сотрудниками НКВД в Катынском лесу (собственно, это старый миф Геббельса),

немецкие деньги для Ленина и т.п., в основном, ее истоки – стары мифы западной пропаганды, писания Авторханова, Бажанова, Антонова-Овсеенко, Солоневича, Конквеста и т.п. Ко второй относятся мифы о руководстве Сталиным Октябрьской революции, Красной Армии в Гражданскую, «десять сталинских ударов», в Отечественную, дереабилитация жертв сталинских репрессий и пр. К ним добавляется целый ворох учений: учение Сулакшина, учение о лунном заговоре, учение о мировой запрограммированности и тайном мировом правительстве, как правило, сионистском, и т.п.

Ранее историки извращали отдельные факты, цифры, как, например, французские историки занижали численность французских войск в битвах при Бородино или на Березине и увеличивали численность русских войск, немецкие историки делали то же самое в отношении Ржевской операции, битвы под Прохоровкой и т.д.

Современные историософы оперируют огромными массивами данных, подменяя уже не цифры, а причины исторических явлений.

Такие закономерности исторического процесса как бунты, восстания, революции выдаются за происки спецслужб, с другой стороны, организация спецслужбами переворотов, оплаченных массовых действий – выдаются за революции, народные протесты.

История - наука с объективными, не зависящими от сознания индивидуума, законами. Эти законы реализуются, как отмечал Энгельс через волю людей, но объективны.

Очевидна разница между общественными и естественнонаучными законами, в истории нет фатализма классической механики, но, как выяснилось в 80-е, его нет и в классической механике, не говоря уже о квантовой механике. Есть и существенное отличие вариативности естественнонаучных и общественных законов. Последние меняются от эпохи к эпохе, их смена – явно волевой акт масс, роль лидеров сводится к следованию логике этой замены, но внутри эпохи общественные законы довлеют над волей людей.

Разница между идеализмом и материализмом в том, что идеализм в изменении закономерностей экзальтирует деятельность царей, военачальников, президентов, генеральных секретарей, исторический материализм ставит во главу угла борьбу классов, то есть, «усредненное» классовое (т.е. единое) сознание, которое, в свою очередь, определяется классовым (усредненным) бытием.

Прежний исторический позитивизм (релятивизм) объявляет законы истории зависящими от субъекта. Новый постпозитивизм частично сохраняет релятивизм, объявляя историю историей элит, в чем он тождественен сталинизму. В то же время он выстраивает и якобы закономерности истории, не зависимые от сознания людей, но эти закономерности, захватывая частные факты, ничего общего с реальностью не имеют.

«Философия истории, - пишет Ленин, - дает очень и очень мало – это понятно, ибо именно здесь, именно в этой области, в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед. Здесь Гегель наиболее устарел...» [15].

Зато много дала самим историософам!

Современная философия истории – не история и не философия, это орудие в инструментарии буржуазной пропаганды.

Заключение

К основным направлениям в философии истории можно отнести следующие: цивилизационный (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Ш. Айзенштадт, Б. С. Ерасов, Д. М. Бондаренко, И. В. Следзевский, С. А. Нефёдов, Г. В. Алексушин и др.); мир-системный (А. Г. Франк, И. Валлерстайн, С. Амин, Дж. Арриги, Т. дус Сантус, К. Чейз-Данн, Дж. Абу-Лугод, М. А. Чешков, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин и др.); школа «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич и др.); эстафетно-стадиальный или эстафетно-формационный (Ж. Боден, Л. Леруа, А. р. Ж Тюрго, Г. Б. де Мабли, И. Г. Гердер, Кант, Фихте и др.).

Данные направления были рассмотрены выше.

Вы заметили, сколько фамилий? А всё благодаря соитию, репликации ДНК и, наконец, родовспоможению.

Научный подход, формационный: движущей силой общественного развития выступает та же классовая борьба (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Лабриола и др.).

Научный подход в истории – у Тьери, Гизо, М. А. Барга («Эпохи и идеи»), Б. Поршнева («О начале человеческой истории»).

Формационный подход с критикой сталинистских представлений был исследован в [16].

Можно было бы добавить этнодинамику Леви Стросса и Л. Гумилева (кроме теории пассионарности, не подтверждающейся историей), однако этнодинамика существенна лишь на ранних стадиях развития обществ.

В истории действуют не бильярдные шары, исторический материализм не устранился от такого фактора истории, как сознание людей, их индивидуальность: «... люди сами делают свою историю, но делают ее не по произволу, а в соответствии с объективными условиями и социальными законами» [17]. Энгельс подчеркивает, что исторические законы реализуются через волю индивидов. Но исторический материализм указывает, что и сознание, и воля людей не являются самостоятельными, они определяются производственными отношениями, которые, в свою очередь, не зависят от их воли. Маркс подчеркивает, что личность есть конкретная совокупность общественных отношений. Индивиды могут действовать не в соответствии с историческим законом, но их «усредненное» действие будет равно нулю.

С другой стороны, общественные законы, в отличие от естественнонаучных, меняются от эпохи к эпохе, законы феодального способа производства меняются на законы капитализма, эта смена происходит путем революций, то есть, общественные законы меняют сами люди. При этом с каждой революцией индивид становится свободнее в своих действиях, а его действия становятся значимее для общества. Немецкий философ Гемпель предлагал рассматривать исторические законы как «законы, имеющих вероятностно-статистическую форму», которые вытекают из регулярности повторения одних и тех же причинно-следственных связей [18].

С ним солидарен Ковалченко: историческая необходимость может реализовываться как вероятностный процесс, как неизбежность и как случайность [19].

То есть, закон истории подобен статистическим законам Гаусса или Больцмана в физике.

Однако история может внезапно отклониться от вероятностного пути, в этом ее законы ближе к законам теории особенностей Уитни и к теории катастроф. Но и эти законы слишком общи, грубы для многообразной истории, стохастические, синергетические закономерности не приложимы к истории, они могут описывать лишь частные моменты.

Любое историческое событие уникально, и его причины и следствия размыты. С другой стороны, законы не выводятся из повторяемости событий в повторяемых ситуациях, но повторяемость – необходимая сторона этого выведения. Повторяемость для большинства исторических событий весьма вариативна.

Любая наука оперирует абстракциями, устраняющими уникальность феноменов, но для истории уникальность имеет существенный характер. То есть, формализация истории, как это представляется, например, аналитический марксизм, невозможна в принципе.

«Невозможно объяснить индивидуальное событие в смысле учета всех характеристик с помощью универсалистских гипотез, хотя объяснение того, что произошло в определенном месте и в определенный момент времени, может постепенно становиться все более точным и полным»- отмечал Гемпель [20].

В формулировке М. А. Барга социологические законы соотносятся с парой «возможно – невозможно», исторические законы - триплетом «вероятно - маловероятно - невероятно» [21].

Соответственно, в истории действуют *тенденции*, законы же имеют крайне размытый характер и касаются лишь смены формаций в рамках диалектического развития от простого к сложному.

Тем не менее, исторический материализм и марксистская политэкономия оказались единственными теориями, имеющими прогностическую ценность. До 1991 года марксисты предсказали 11 польских экономических кризисов, политическую ситуацию в Сомали и Эфиопии в 70-е, победу Дэн Сяопина над

Хуа Го Фэном, легализацию элиты КПСС как буржуазной, победу Ельцина над ВС РСФСР, войну в Чечне, распад СССР, провокацию Грузии с нападением на Цхинвали, майдан-2014 и т.д.

Суммируем.

В различных мифологиях и религиях история понимается фаталистически. В построениях неопозитивистов – релятивистски. У Канта и Гегеля случайность – внешнее, при расширении рамок системы неизбежен фатализм, тогда как случайность – закономерна, имманентна субстанции. Понимание имманентности случайности для исторического процесса еще не вошло в основание истории как науки.

Литература

1. Ростовская Т. К., Калиев Т. Б. Современные изучения ценностно-смысловой сферы. Социологические науки, 2019. С. 33-40.
2. Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2006. С. 31-32.
3. Гегель Г. Соч., М.–Л.: 1929-1959. Т. 8. С. 27.
4. Гегель Г. Соч., М.–Л.: 1929-1959. Т. 8, С. 52.
5. Гегель Г. Лекции по философии истории : пер. с нем. СПб. : Наука, 1993. Кн. 1. С. 9.
6. Келле В. Ж., Ковальzon М. Я. Теория и история : проблемы теории исторического процесса. М.: Политиздат, 1981. С. 63-64.
7. Ленин. ПСС. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. С. 345.
8. Гобозов И. А. Гегель и философия истории. Философия и общество. Вып. №4(85). 2017.
9. Русакова О. Ф. Историософия: толкование предмета и типология. Антиномии. 2002.
10. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб.: 2000. С.11
<https://cyberleninka.ru/article/n/istoriosofiya-tolkovaniya-predmeta-i-tipologiya>
11. Арон Р. Введение философию истории.
12. Джинс Дж. Астрономия и космогония.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. Т. II. 1955. С. 353-354.
14. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. ПСС, 5 изд. Т. 18. С. 137.
15. Ленин. ПСС, 4 изд., Т. 29. С. 289.
16. Ихлов Б. Л. Почему КПСС и КПРФ буржуазные партии. Пермь: 2012.
17. Келле В. Ж., Ковальzon М. Я. Теория и история: проблемы теории исторического процесса. М.: Политиздат, 1981. С. 130.
18. Гемпель К. Мотивы и «кохватывающие законы» в историческом объяснении. Философия и методология истории: сб. ст. / под ред. И. С. Кома. М.: Прогресс. 1977. С. 73.
19. Цит. по: Лаптева А. П. Теория и методология истории. С. 166-168.
20. Гемпель К. Функция общих законов в истории. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 18.
21. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1981.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ РАСПАДА СССР

Предисловие

История данной работы по меньшей мере странная. В ней автор использовал им же вскрытый факт деконцентрации (термин автора) труда в СССР, фиктивного обобществления производства. Журнал «Альтернативы» опубликовал статью Ихлова, где указывается на этот факт. Минуло десять лет, и профессор МГУ А. Бузгалин в очередном номере того же журнала «Альтернативы» в 2001 году присвоил себе авторство открытия и, соответственно, термина, что заставило Ихлова публично выступить со статьей «Глобализация по-российски».

Данная же статья впервые была частично опубликована в материалах межвузовской конференции «Национальный вопрос: история и современность» (Пермь, ПГУ, 1996). Однако вузовская научная общественность не заметила данной работы.

В 2001 году автор выступил с данной статьей на международной конференции движения «Альтернативы» в Москве, организованной группой Бузгалина. Но даже после этого данная статья

осталась неизвестна широкому читателю.

То, что ученые, стоящие на позициях КПСС или КПРФ, «не замечают» статью, понятно: она перечеркивает все работы, которые написаны на данную тему и С. Г. Кара-Мурзой, С. В. Чешко, М. Г. Сусловым и прочими, которые полагают, что главными причинами были либо внешние, либо внешние вместе деятельностью Хрущева.

Данную работу не видят и аналитики либерально-демократического толка.

Еще более удивительно, что статью Ихлова не принимают в той среде, которая считает себя марксистско-ленинской, даже в кругах, близких самарскому философу-марксисту Э. В. Никишиной. Хотя указанное выше принципиальное положение (в современной форме) сформулировала именно Никишина (Ихлов в статье ссылается на нее). Более того, это положение формулировал еще Ленин, утверждая, что даже 1000 Марков в правительстве не смогут управлять экономикой страны. Даже после того, как автор включил данную статью в свою книгу «Уроки революции», научная общественность постаралась не заметить ни статью в книге, ни (за редчайшим исключением) саму книгу.

По сей день в интернете нет ни единой ссылки на статью в текстах, а различные исследователи продолжают объяснять распад СССР либо активностью ЦРУ и его агентом Матиасом Рустом, либо субъективными настроениями населения союзных республик, либо предательством генерального секретаря КПСС, либо «Декларацией о суверенитете», подписанной тремя людьми в Беловежье.

Сергей Отделенный, кандидат философских наук, Пермь

Частично материал изложен в [1].

Перечислим точки зрения на распад СССР.

1) Либеральные демократы полагают, что истоки национальной вражды и распада СССР - в тоталитаризме, в монополизации экономики, в идеологическом давлении. Распространено мнение, что основой национальной вражды является советская бедность. Версия сомнительна, поскольку национальные, национально-религиозные и расовые конфликты происходили и происходят также в развитых странах.

Продолжение конфликтов после распада СССР-КПСС в официальной публицистике рассматривается как остаточное явление того же тоталитаризма.

Либеральная точка зрения апеллирует к мифу, что СССР стоял на краю пропасти, «сидел на нефтяной игле», а цены на нефть рухнули, внешний долг достиг 80 млрд. долл., при запасах золота в 20 млрд., таким образом, другого выхода, как развалить СССР и обрушить экономику, не было.

Указывают на бедность, нищету, безработицу, войну в Афганистане, на дряхлость руководства, на культурное влияние извне, на отсутствие свободы слова, свободных выборов, на экстенсивность экономики; якобы в СССР экономика была поставлена на службу военным.

Однако в СССР в 1986 году было всего 1,7 млн безработных на 140 млн активного населения, 1,2%, о голода и речи не было, если рабочие получали в 3-4 раза меньше на руки, чем на Западе, они имели дотации от завода, бесплатные медицину, образование, владели загородными домами и земельными участками и т.д. Снижение цен на нефть оказалось мифом. Продажа нефти и нефтепродуктов составляла лишь 6% от бюджета СССР.

Войны во Вьетнаме или в Ираке не привели к распаду США, руководство в лице Байдена столько же дряхлое, культурное влияние СССР было не меньшим, военный бюджет США ныне составляет свыше 770 млрд. долл. (РФ – 42 млрд.), госдолг США превысил 20 трлн. долл., свободы слова и свободных выборов нет ни в США, ни любой другой стране мира, во всех странах мира действия властей противоположны их декларациям. Экономика США, ФРГ или Франции не менее экстенсивна - в виду вывоза капитала.

Особо выделяют незаинтересованность в труде, апатию, якобы подавляющее большинство населения никак не было заинтересовано в результатах своего труда.

Однако в любой стране мира есть повременная работа, причем она доминирует в сравнении со сдельной.

Бывший глава Центробанка Геращенко утверждает, что «у больного был всего лишь легкий насморк».

2) Практически все коммунистические партии в РФ придерживаются той позиции, что распад СССР был обусловлен влиянием ведущих капиталистических держав (заговором сионистов), причем в большей степени идеологическим. Есть мнение, что в ликвидации Союза виновны два человека - Горбачев и Ельцин. Очевидно, что эта точка зрения традиционна и вызвана преувеличением роли личности в истории.

Идеологи КПСС указывают также на внешние и внутренние причины распада СССР. Внешние причины - это западные спецслужбы.

Внутренние - это агенты влияния, «ревизионисты-антисталинисты», которые «раскачивали лодку», обуржуазивание КПСС (в основном, при Хрущеве) и обуржуазившийся рабочий класс, предавший идеалы социализма ради западных товаров, теневая экономика (цеховики, фарцовщики-спекулянты и прочие, накопившие капитал). Кроме того, «в чулках» и на сберкнижках у рядовых граждан к 1991 году находилось свыше 5 млрд. р., которые сыграли свою роль в ваучеризации и акционировании.

Однако в развитых странах вместо «руки ЦРУ» - гораздо более мощные агенты влияния, компартии. Без сомнения, влияние западных спецслужб играло большую роль. Но, как заметили сами представители этих спецслужб, чтобы провокация имела успех, нужна почва, предпосылка, лежащая в базисе. Тем более это касается такого самостоятельного государства, как СССР.

Разумеется, невозможно игнорировать внешнее влияние и наличие «пятой колонны» в СССР. Однако влияние советских спецслужб в «лагере капитализма» было не меньшим.

Сыграла роль и теневая экономика. Но при распаде промышленности главную роль играла молодая элита КПСС. Так, один член пермского обкома КПСС за 50 тыс. р. приватизировал 4 крупных магазина на центральной улице города, Комсомольском проспекте, при цене каждого магазина в 1 млн р. Сыновья руководителей авиапрома, фирма «Микродин», неизвестным образом приобрели 32% акций «Пермских моторов». В целом акции попадали в руки руководства заводов, генеральным директорам - 5% по указу Ельцина, начальникам цехов давали льготы на приобретение акций. Затем рабочим задержали зарплату и скупили акции за бесценок.

3) Многие левые группы считают главной причиной «крушения империи» классовую борьбу, причем именно рабочего класса, против угнетения со стороны элиты КПСС.

Анархисты и троцкисты основной упор делают на недемократичность Сталина и говорят, что в СССР было при Ленине рабочее государство, но оно переродилось, Сталин своей национальной политикой создал базу для распада, как и предсказывал Троцкий.

Однако Аргентина, США – тоже многонациональны государства, в Аргентине доминируют испанцы. В США – угнетены негры и индейцы.

В 1987 г. дотаций из бюджета СССР на одного грузина, армянина приходилось порядка 700 р., на жителя Прибалтийских республик - 1000-1200 р., на жителя РСФСР - 89 р. 67 коп. Примерно столько же на украинца, белоруса, таджики, киргиза, туркмена, казаха. При этом антирусская активность была в, основном, в Грузии и Прибалтике (правда, демонстрации 60-х-70-х под лозунгом «вон русских» скоро сошли на нет). В то же время в руководстве КПСС доминировала в процентном соотношении РСФСР. Безусловно, сталинская политика коренизации (в т.ч. украинализации) послужила одной из мощных расталкивающих пружин, как и сталинский план автономизации, проведенный Сталиным в жизнь после смерти противника этого плана Ленина, план подразумевал усиление подчинения республик центру, в частности, обязательное присутствие русских на самом верху республиканских управлеченческих аппаратов. К моменту распада СССР русских презирали и даже ненавидели удмурты, коми, тувинцы. Однако центробежная тенденция, которую выделил Троцкий, сработала лишь после того, как внутри каждой из республик и между республиками распалась отраслевые цепочки - в виду либерализации цен, вторжения доллара и резкого снижения курса рубля. Все три момента были спланированы еще до Ельцина и Гайдара. Но не в Политбюро (после того, как Горбачев стал президентом, оно утратило свою вторую роль), а в документе правительства (получившего эту вторую роль), подписанного Петраковым в апреле 1990 года.

Во время войны крайне напряженными были отношения с Чечней, восставшие чеченцы пытались воссоединиться с вермахтом. Крымские татары воевали на стороне Гитлера. Согласно установке Госкомобороны в РККА не призывались мужчины из тюркских республик, то есть, отношения с центром этих республик тоже были напряженными.

После смерти Сталина Хрущев вернул выселенных чеченцев и татар на родину и продолжил политику «разделяй и властвуй», заселил чеченцами Ставрополье. «Автономизация» продолжала действовать: при каждом 1-м секретаре Респкома КПСС его замом обязательно должен был быть русский.

К моменту распада СССР русских презирали и даже ненавидели удмурты, коми, тувинцы.

Разумеется, сыграли свою роль и провокация иностранных спецслужб с телецентром в Вильнюсе, и организация грузинским КГБ конфликта с применением саперных лопаток, и участие МОССАД в московских событиях в октябре 1993 года.

Влияние таких факторов, как доминирование русской национальности в руководящих органах КПСС и в КПСС в целом (см. БСЭ, статья «КПСС»), нагнетание антирусских настроений в Грузии или Прибалтике, и т.п. - было вторичным. Так, конфликты на национальной почве не выливались в широкие народные движения, национальные Народные Фронты, РУХ, Саюдис и др. были слишком слабы и почти исчезли сразу же после распада СССР.

Многотысячные митинги, агенты влияния, неформальные группы и пр. почти не повлияли на ход событий. Это была pena воде, информационная поддержка, массовка. Митинги скоро сошли на нет, а неформалов не поддержали своими действиями ни трудовые коллективы, ни население в целом.

Точно так же трудно назвать раздел собственности по республикам результатом борьбы рабочего класса: национальная тема слабо затрагивала рабочие объединения, а национальные Рабочие Союзы исчезли еще быстрее, чем Фронты. Хотя рабочее движение некоторое время шло бок о бок с демократическим, до развитого классового конфликта внутри какой-либо республики движение, пока шел распад СССР, не вырастало.

4) Инженеры, научные работники полагают, что ключевую роль сыграло искусственное замораживание технологий, согласованное высшим руководством США, Европы и СССР.

Замораживание технологий, действительно, имело место: первые в мире ЭВМ (сперва аналоговые) были созданы в СССР. Однако вряд ли можно поверить, что Сталин договаривался с Рузвельтом и Даладье, что в СССР будут угнетать генетику, а Хрущев - с Кеннеди и Де Голлем об угнетении кибернетики. К тому же к 1985 году в одном из институтов МГУ открыли метод создания больших интегральных схем, БИС, методом напыления с помощью лазера, что позволяло преодолеть 15-летнее отставание от Японии. Но перестройка воспрепятствовала внедрению.

Специфика СССР, выражаясь в величине площади, разумеется, накладывает отпечаток на управление, но она не может быть существенной причиной. В Северной Америке попытка ряда штатов отделиться привела к Гражданской войне. Стремление Тибета отделиться вызвало военные действия. Центробежные силы действуют и в ЕС, союз покинула Великобритания, еще до введения евровалюты из объединения выходила Греция. От Великобритании пыталась отделиться Шотландия, Каталония проголосовала за отделение от Испании.

Имели место и субъективные причины. Если бы не действия верхушки ГКЧП - СССР, возможно, повторил бы путь Китая.

ГКЧП возник задолго до 19.8.1991, причем на заседаниях команды Ельцина люди отпрашивались: «Сейчас заседает ГКЧП, хочу послушать!» И наоборот, люди из ГКЧП присутствовали на заседаниях команды Ельцина.

Даже в 1993 году была возможность предотвратить развал экономики, если бы Ельцин не распустил Верховный Совет РФ.

4 июля в Москве состоялось совместное Совещание, организованное правительством и ВС РФ, на котором глава ВС Хасбулатов объявил: «Все должны подчиняться законам. Законы пишем мы. Значит, подчиняться нужно нам».

Среди документов Совещания было Соглашение о сотрудничестве, подписанное за спиной Ельцина Травкиным, Гайдаром, Явлинским, Геращенко и др., т.е. представителями обеих противостоящих друг другу сторон, что не могло понравиться Ельцину.

В 1993 г., Ельцин уволил Захарова с места главы Пенсионного фонда (ПФР), казначеем его стал Березовский, на базе ПФР возникла ассоциация из 6 банков «Солидарность» (Мамут, Ходорковский, Абрамович и пр.) Черномырдин взял в ПФР 21 млрд. р., вернул только 6 млрд. р. Главой Госкомимущества стал комсомольский лидер Чубайс, молодая партийно-промышленная элита захватила нефть, газ.

Однако все субъективные причины обусловлены тем объективным, что из себя представлял управленческий аппарат СССР.

Таким образом, все перечисленные причины действуют во многих странах мира, не вызывая распада.

Конкуренция

Тем не менее, внешнее воздействие на СССР было существенно.

Очевидно, что непосредственное влияние, имеющее массовый характер, а отнюдь не через спецслужбы, самиздат или радио «Свобода», развитые страны могли оказывать лишь на гуманитарную и научно-техническую интеллигенцию, имевшую гораздо больший доступ к легальной информации о Западе, нежели рабочий класс. Чем же страшна информация?

«Капиталистическое производство, - пишет Е. Преображенский, - не страшно натуральному хозяйству, когда последнее не имеет никаких с ним точек соприкосновения... Натуральное хозяйство просто не принимает боя, поскольку оно не втянуто в денежный товарообмен... И только тогда, когда этот более слабый противник развитием товарообмена вытаскивается на капиталистическую арену, его кладут на обе лопатки в процессе свободной конкурентной борьбы. ... Для победы капиталистического способа производства над натуральным или мелкобуржуазным было вполне достаточно тех экономических преимуществ, которые каждое капиталистическое предприятие имело перед более примитивными формами хозяйства. Насилие играло главным образом вспомогательную роль... Исход боя решал потребитель, который, покупая более дешевый (или более качественный, Б.И.) продукт, тем самым голосовал за капиталистический способ производства (или за более развитое производство, Б.И.) и поддерживал его против ремесла (или против менее развитого производства), делаясь покупателем (или оценщиком, Б.И.) капиталистической продукции» [2].

То есть, вполне правомочен аналогичный вывод и о столкновении развитого капиталистического хозяйства с менее развитым. О том, что производство с СССР было менее развито, нежели в США, Европе или в Японии, говорит не только уровень ВВП на душу населения [3], но и слабая развитость компьютерных технологий как основы современного производства, и качество продукции широкого потребления, и качество транспортных средств. Скажем, экспорт авиатехники в США в 1985 г. превосходил аналогичный экспорт СССР более, чем в 20 раз (см., напр., [4]).

Речь идет, во-вторых, о сравнении условий труда и оплаты - как известно, в развитых странах обратное отношение доходов столоначальников и инженеров, нежели в странах СЭВ (см., напр., [5]).

В-третьих, о прямом обмене научно-технической информацией. Достаточно лишь упомянуть, что некогда научное направление создания высокотемпературных сверхпроводников в СССР с высокой трибуной было подвергнуто критике, в то же самое время Рональд Рейган в свой первый президентский срок заявил: «Высокотемпературные сверхпроводники - это те гвозди, которыми мы забьем гроб социализму».

Итак, очевидно, что точки соприкосновения промышленности западного уровня с так называемым «обществом закрытого типа» больше частью лежали в сфере интеллектуального труда. Таким образом, сомнительными являются дискуссии, развернутые в свое время компартиями, о «предательстве интеллигенцией идей социализма».

Таким образом, стоило ввести в «Законе о госпредприятиях» большую самостоятельность заводов, а затем отменить введенную Лениным госмонополию на внешнюю торговлю, как более развитые страны начали вытеснять из рынка местных производителей.

Три основные причины

В действительности каждая республика распалась еще до Беловежского соглашения. Последнее явились лишь юридическим закреплением фактического распада. Например, «поляризованные» внешним долларовым полем текстильщики г. Иваново рвут технологическую цепочку, сбывают текстиль за рубеж и оставляют ткачей г. Глазова без сырья. Реализован краткосрочный интерес - прибыль; норма прибыли (удешевление, модернизация средств производства), а также долгосрочные интересы остались в тени.

Проявляется не общность, но ОДИНАКОВОСТЬ реакции на «поле» со стороны управленцев, интеллигентии, рабочих. Почему это происходит? Для того, чтобы «поле» подействовало, должен существовать «заряд». А именно.

Конструирование государством-собственником экономической системы включало в себя централизацию финансового капитала и управления. Т.е. государство «экспроприировало» все планирующие функции. Следовательно, вместе с ними сосредоточило в себе все долгосрочные интересы, изъяв их из сознания рядовых работников. Исключение работников искусства, работников творческого (доминирующего конкретного) труда, которые являются одновременно и исполнителями, и плановиками собственного труда во время процесса труда, не является значимым, т.к. они втянуты в доминирующее отчуждение от общего управления.

В то же время концентрация труда носила лишь экстенсивный, количественный характер при внутреннем дроблении производства («атомизации пролетариата»). Поскольку мгновенно распались не только технологические цепочки, но при отсутствии замкнутых циклов развалились на отдельные цеха и заводы-гиганты, внутри же цехов различные формы оплаты вызывали противоборство сельщиков с повременщиками, а капиталистическая уравниловка, т.е. оплата по овеществленному труду, создавала напряженность между членами трудового коллектива внутри бригад.

То есть, обобществление носило фиктивный характер. В качестве примера можно привести осуществление синтеза некоего химического соединения в Перми, для которого поставлялись компоненты из десятка городов СССР вплоть до Хабаровска при наличии тех же самых компонент в самой Перми. Или поставка для пермского «велосипедного» оборонного завода (АО «Велта») марок стали из 35 городов СССР, включая далекие Ереван, Красноярск и пр., при незагруженности металлургических комбинатов в Пермской области (Лысьвенского, Чусовского, Нытвенского), при наличии металлургические производств в самой Перми на заводах им. Ленина и им. Свердлова. К этому необходимо добавить встречные перевозки, поставки леса из Прибалтики в Сибирь, цемента в Горнозаводск, где расположен цементный завод и пр.

То есть, грубо говоря, прибалтийские гайки «обобществлялись» с хабаровскими болтами, экстенсивное укрупнение производства сопровождалось деконцентрацией труда [6].

Таким образом, процесс приватизации ПЕРВИЧЕН по отношению к процессу распада СССР.

Для чего управлению аппарату необходимо именно такое устройство экономической системы? Очевидно, что перевод главного управлена в центр из провинции затрудняет забастовки. Во-вторых, объединение рабочих по профессиональным интересам, по "интересам" технологической цепочки также затруднено из-за разбросанности производства.

Значит, если управлениец теряет на повышении издержек производства, он выигрывает за счет отсутствия выступлений рабочих и, следовательно, отсутствия перераспределения прибыли в зарплату рабочих.

Тот же самый метод устройства производства наблюдается и в развитых капиталистических странах [7]. Итак, непомерные издержки производства при фиктивном обобществлении и есть одна из основных

политэкономических пружин распада СССР.

Второй объективной причиной является рост производительных сил.

Как уже сказано, планирующие функции, функции управления сконцентрированы в столице. То есть, управленический аппарат опосредует все внутрихозяйственные связи. Как указано Никишиной в 1988 году [8] и в 1992-м Фукуяморой [9], развитие производства ведет к росту числа хозяйственных связей, следовательно, и к росту управленического аппарата. В конце концов, управленический аппарат сталкивается с дилеммой - либо еще увеличить свой численный состав и лишиться привилегированного положения (у Ленина - сделать бюрократами ВСЕХ), либо сохранить статус-кво. Т.е. такую ситуацию, когда аппарат уже не в состоянии охватить все богатство экономических хозяйственных связей. А значит, и не в состоянии управлять.

Поэтому в условиях подавленности экономического «творчества масс», попыток формирования плана «снизу» управленический аппарат разрушается независимо от желания слоя управленицев, прекращает свои функции, передоверяет их классу капиталистов, где отношения собственности низведены с управления до владения (отсюда рантье и вывоз капитала за рубеж), но, по больше части, сам формирует этот класс.

Возникает ряд управленических аппаратов меньшего масштаба в соответствии с масштабами экономических структур, которые способен контролировать каждый конкретный аппарат.

Поскольку единый интерес во вновь образованном классе не вызрел, буржуазия предстает классом-в-себе, но не классом-для-себя, поскольку каждая экономическая структура заявляет лишь ближайший интерес, а не долгосрочный (ранее «экспроприированный» столицей). Следовательно, государство, как орудие реализации единого интереса данным структурам не нужно. Поэтому государственная собственность распадается. Поскольку даже 1000 Марков не смогли бы управлять всей экономикой.

Те же тенденции действуют и в США, распад которых прогнозировал еще в 40-е Гарриман. В процессе третьего витка глобализации (если рассматривать в качестве первого 1-ю мировую войну, в качестве второго - 2-ю мировую войну, а СССР как относительно мирную глобализацию экономики на ограниченном пространстве). Центробежные тенденции обнаруживает сегодня не только Техас, но и 17 штатов, голосовавших за Трампа.

Как было показано, никакого отношения к обобществлению производства централизация управления и концентрация финансового капитала не имеет. Таким образом, глобализация не может являться базой для объединения рабочих и, как озаглавил свою статью Савас, «Переходом к социализму» [10]. Аплодировать глобализации нечего. Наоборот, вместо объединения рабочих она приводит к их разобщению.

Таким образом, противоречие капитализма, выражющееся в общественном характере производства и частной форме присвоения, есть лишь сторона противоречия между ростом производства и узурпацией управления производством узким социальным слоем, неважно, будто то класс буржуа или класс госчиновников.

Следовательно, противоречие же между трудом и капиталом не сводится к изъятию прибавочной стоимости, поскольку собственник не использует львиную ее долю для своего личного потребления, на предметы роскоши и пр., он обязан платить налоги, вкладывать средства в амортизацию и развитие производства: как в США или Германии, так и в СССР. Это противоречие главным образом заключается в узурпации управления этой прибавочной стоимости (фондом развития или фондом накопления).

Следовательно, содержание угнетения класса классом составляет не столько урезание дохода, сколько низведение работника до роли винтика в механизме, его обезличивание путем отчуждения от управления.

Основанием такого отчуждения общественное разделение труда, в первую очередь, на труд физический и умственный. Угнетает монотонный, однообразный, тяжелый обезличивающий (доминирующий

абстрактный) труд, а не просто низкая плата для восстановления рабочей силы. Наёмный характер труда генерируется абстрактным содержанием труда.

Третьей объективной причиной распада является противоречие между буржуазным содержанием и социалистической формой классов в СССР.

Действительно, не может рабочий класс одновременно и быть социалистическим, и «обуржуазиться». С другой стороны управление, распоряжение суть отношения собственности, управляющий средствами производства есть капиталист по определению.

Более высокое место в общественной иерархии, в системе управления производством обуславливает и более высокую долю общественного богатства, в соответствии с определением классов, данным Лениным в статье «Великий почин».

Поскольку общественное бытие определяет общественное сознание, привилегированное общественное бытие класса управленцев породило их буржуазное сознание, разумеется, не в 1956 году, а сразу после 1917 года. Следовательно, бессмысленно привлекать конспирологические версии «предательства» руководства.

Таким образом, движущей силой реформ, которые привели к распаду СССР, выступил интерес управленческой элиты легализовать свое положение собственников («сконвертировать» власть в деньги).

Литература

1. Ихлов Б. Л. Распад СССР: 10 лет спустя. К Международной конференции в Москве 2001 г.
2. Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления. В кн. «Пути развития: дискуссии 20-х годов». Л., 1990.
3. The World In 198..., The Economist Publications, Tokyo, 198..., выпуски 80-х гг.
4. The World Almanac (and book of facts). New York, 1990.
5. Танко З. Распределение. Анализ опыта самоуправления в Югославии. М.: Экономика. 1990.
6. Ихлов Б. Л. Верхи не могут, низы не хотят. Альтернативы. Вып 1, 1991. С. 102-106.
7. Prais S. J. The Evolution of Giant Firms in Britain. Cambridge, 1976.
8. Никишина Э. В. Об экономическом романтизме. Взгляд, №1, Пермь-Свердловск, 1989.
9. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Free Press. 1992.
10. Савас М. М. Альтернативы. Вып. 3, 2000.

ДЮРИНГ – ИДЕЙНЫЙ ОСНОВАТЕЛЬ СССР

К сожалению, в современной России больше любят говорить о противостоянии с чиновниками, забывая, что чиновники получают свои кресла из рук буржуа. Да и сами чиновники по большей части – буржуа, миллионеры или миллиардеры.

Обвиняя чиновников, либералы пытаются представить бизнесменов как друзей трудящихся. Латынина пишет, что «бизнес собирает рабочих», т.е. организует производство, Навальный подает себя как защитника интересов рядовых тружеников. Школьники, как попугай, повторяют Навального, пишут на учебных досках «Путин – вор», тогда как в мире правят не президенты, а классы, Путин – лишь ставленник, шестерка правящего класса российской буржуазии. Буржуазия – вот кто вор!

Ниточка тянется с западных штампов, затверженных демократами 90-х. Так, в представитель АФТ КПП Том Бредли на профсоюзной школе в Екатеринбурге (начало 90-х, точно не помню) пытался внушить, что рабочим не надо заниматься управлением, их дело – зарплата. Глава альтернативного профсоюза СОЦПРОФ Сергей Храмов в интервью радио «Свобода» уверял: «Наши рабочие не хотят заниматься политикой, цель из борьбы – зарплата». Полемика по этому вопросу происходила и на учредительной конференции нашего объединения «Рабочий» в Челябинске в конце апреля 1990 г. По сей день в рабочей среде обозначено неприятие лишь чиновничества и одного конкретного буржуа, связанного с конкретным предприятием, противоречие между рабочим классом и классом буржуа – не проявлено. Яркий пример: многие рабочие в избирательную кампанию поддержали капиталиста Грудинина,

который в одночасье полевел, озабочился интересами низов и стал камлать электорат коммунистической фразой.

Второй западный идеологический штамп касается экономических отношений в СССР, по сей день нам внушают, что в СССР работали из-под палки.

По обоим вопросам – обратимся к классикам.

Энгельс в своей книге «Антидюринг» допускает ряд ошибок: например, справедливо критикуя обоснование Дюринга начала мира во времени ссылкой на противоречивость понятия времени, он заранее отвергает то, что времененная форма существования материи – лишь форма, и она пресуществляется. То есть: из «отсутствия» движения может всё таки возникать движение. В сингулярном состоянии понятия времени и пространства теряют смысл, имеют смысл квантовые флюктуации, которые вместе со спонтанным нарушением симметрии и играют роль первотолчка. Именно поэтому Стивен Хокинг пришел к выводу, что для объяснения мира не нужно привлекать версию бога.

Энгельс ловит Дюринга на воровстве у Гегеля формулировки о переходе количества в качество, у Канта – одной половинки антиномии о начале мира во времени, но упускает из виду другое воровство. Говоря у двух мужах, насильственно поработленном и порабощающем, Дюринг копирует схему у того же Гегеля, который делит мир на благородных тимотических воинов, которые рискуют жизнью, и тех, кто им сдается и соглашается быть рабом, в терминах Новодворской – на винеров и лузеров.

Примеры противоречивости в математике, которые приводит Энгельс, не всегда адекватны, он не хочет видеть эмпирического происхождения понимания того, что часть меньше целого (на это указывает Локк), он предлагает считать белок уже отчасти живым, не понимая, что жизнь – это системный и популяционный феномен, и т.д.

Энгельс пишет так, будто бы капитализм уже отрицает себя, а общество уже готово к социализму: «... производительные силы, порождённые современным капиталистическим способом производства, так и созданная им система распределения благ, пришли в вопиющее противоречие с самим этим способом производства, и притом в такой степени, что должен произойти переворот в способе производства и распределения, устраниющий все классовые различия, чтобы всё современное общество не оказалось обречённым на гибель». Причем капиталистическое «общество мчится навстречу гибели, как локомотив» («Антидюринг», ПСС, М., Госполитиздат, 1961, Т. 20, С. 162).

Дюринг пишет: «Маркс в своих рассуждениях о стоимости не может отделаться от мелькающего на заднем плане призрака квалифицированного рабочего времени. Быть радикальным в этом направлении ему помешал унаследованный им способ мышления образованных классов, которому должно казаться чудовищным признание, что само по себе рабочее время тачечника и рабочее время архитектора экономически совершенно равноценны».

Дюринг пишет глупость, но Энгельс, цитируя Маркса, отвечает не точно: «Маркс исследует, чем определяется стоимость *товаров*, и отвечает: содержащимся в них человеческим трудом. Последний, продолжает он, «есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обычновенного человека, не отличающегося особым развитием... Сравнительно сложный труд означает только возведённый в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определённое количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленными обычаем»... не всякий труд представляет собой всего лишь расходование простой человеческой рабочей силы: очень многие виды труда заключают в себе применение навыков или знаний, приобретённых с большей или меньшей затратой сил, времени и денег. Создают ли эти виды сложного

труда в равные промежутки времени такую же товарную стоимость, как и труд простой, как расходование всего лишь простой рабочей силы? Ясно, что нет. Продукт часа сложного труда представляет собой товар более высокой, двойной или тройной, стоимости по сравнению с продуктом часа простого труда. Посредством этого сравнения стоимость продуктов сложного труда выражается в определённых количествах простого труда, но это сведение сложного труда к простому совершается путём определённого общественного процесса за спиной производителей»

С другой стороны, «речь идёт не о *заработной плате* -, или стоимости, которую рабочий *получает* -, например, за один рабочий день, а о *стоимости товаров* -, в которой *овеществляется* - его рабочий день»... труд *не может* иметь никакой стоимости» (Там же. С. 204-206).

То есть: как бы ни скакали поборники получения рабочим полного или «неурезанного трудового дохода» или оплаты по трудолюбию, при капитализме все получают не по живому труду, а по овеществленному.

Казалось бы, дело ясное: есть тарифные сетки, которые сами являются усреднением разных квалифицированных рабочих примерно одного уровня, то есть, и их рабочая сила продается по **данной** стоимости. Но Дюринг указывает на не просто квалифицированную рабочую силу, а на ненавистного интеллигента-архитектора. С тем же успехом он мог бы указать на Петра Капицу, Блохинцева или Менделеева, труд которых в принципе нельзя получить умножением простого труда. Энгельс здесь забывает и о переходе количества в качество, и об особом, «всеобщем» труде, о котором писал Маркс, и о необходимости преодоления старого общественного труда на умственный и физический. Энгельс действительно не понимает, потому что в качестве преодоления старого общественного разделения труда предлагает перемену труда: архитектор меняется с тачечником. Эта схема дает эффект при регулярной смене одного простого труда на другой простой труд, но невыполнима для тачечника на посту архитектора. Для архитектора же невыполнимым оказывается труд, например, слесаря-профессионала.

Однако товарно-денежные отношения из любого вида продукта труда делают товар, хоть из научных открытий, хоть из полотен живописи, поэм или сонат, соответственно определяя ах грубейшим образом и стоимость «рабочей силы». И, что самое поразительное, система в СССР следовала не Марксу с Энгельсом, а именно Дюрингу. И вот как это происходило: скажем, инженеры разработали новое оборудование с большей производительностью труда. Рабочих обучили работать на этом оборудовании. То есть: повышали потребительную стоимость их рабочей силы. С новым оборудованием за прежнее рабочее время можно было сделать больше товара. Казалось бы, следуя Марксу-Энгельсу, рабочим должны подкинуть к зарплате, увеличить меновую стоимость их рабочей силы. А им вместо этого срезали расценки (Ю. Румянцев, Зеленогорск, 1989). Да здравствует Дюринг!

Как же реагировали рабочие? Открываем советскую прессу и смотрим: рабочие повсеместно ломали новое оборудование, переходили на старое, приводя в соответствие потребительную стоимость рабочей силы с ее - срезанной до уровня старой - меновой стоимостью.

Отметим сразу два важнейших момента.

- 1) В любой капиталистической стране происходит **то же самое**. Только расценки срезает не администрация, а рынок. Итак: в СССР – то же, что и в капиталистических странах.
- 2) В СССР в отношении такого товара, как рабочая сила, действовал вполне капиталистический закон стоимости, хотя Сталин в брошюре 1953 года «Экономические проблемы социализма» врал, что это не так. Как называется способ производства, при котором рабочая сила становится товаром? – Правильно, капитализм.

И добавим к этому еще третий момент, который отмечен в «Антидюринге»: «... планомерная организация оказалась могущественнее стихийно сложившегося разделения труда; на фабриках, применявших общественный труд, изготовление продуктов обходилось дешевле, чем у разрозненных мелких производителей» ((«Антидюринг», ПСС, М., Госполитиздат, 1961, Т. 20, С. 281).

То есть: план – это завоевание капитализма.

В то же время Энгельс забывает о противоречии между умственным и физическим трудом и тогда, когда рисует биографию великого Оуэна: «... если бы г-н Дюринг хотя бы держал в руках «Книгу о новом нравственном мире» Оуэна, то он нашёл бы в этой книге не только прямую формулировку

самого решительного коммунизма, с равной для всех обязанностью труда и равным правом на продукт, — равным соответственно возрасту, как всегда прибавляет Оуэн, — но нашёл бы там и вполне разработанный проект здания для коммунистической общины будущего, с планом, фасадом и видом с высоты птичьего полёта» (Там же. С. 276).

То есть, для Энгельса коммунизм — это всего лишь обязанность трудиться и равное право на продукт, речи о собственности рабочих на средства производства нет, лишь о сфере распределения продуктов. Что касается обязанности трудиться. В капиталистической Японии на одном из заводов некий рабочий провинился. Ему соорудили будку на территории завода, он был обязан проводить в ней все рабочее время, не работая. Ему исправно платили зарплату. Через несколько месяцев он повесился.

До раз渲ала СССР в Японии существовал институт пожизненного найма, когда в 2000-м гранила 5%-я безработица, это стало шоком для японцев. При этом никто Японию ни коммунистической, ни даже социалистической не называет.

Н главная ошибка Энгельса в другом. *«Пролетариат берёт государственную власть, - пишет он, - и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность.* Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство» (Там же. С. 292).

Точно так же полагал первоначально и Ленин. Однако взятие власти вовсе не устраниет классовые различия. Как говорил Марк Твен: «Я понимаю, что умственный труд тоже вызывает пот, но я ни за какие блага в мире не соглашусь махать кайлом хотя бы месяц». Общество делится на классы вследствие старого общественного разделения труда, в первую очередь, на труд умственный и физический.

Чтобы уничтожить классы, нужно уничтожить это разделение, снять противоречие между трудом умственным и физическим. Если ограничиться только взятием власти и уничтожением одной стороны общественного конфликта, буржуазии, то рабочий класс из своей же среды воссоздаст эту буржуазию. Что мы отчетливо разглядели в 1991 году.

Причем Энгельс сам возражает и своему образу социализма как о равном праве на продукты, и собственной формулировке о взятии власти: «Во всяком обществе со стихийно сложившимся развитием производства... не производители господствуют над средствами производства, а средства производства господствуют над производителями. В таком обществе каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства. Сказанное относится прежде всего к тому рычагу производства, который вплоть до возникновения крупной промышленности был наиболее могущественным, — к разделению труда.... «Мануфактура уродует рабочего, искусственно культивируя в нём одну только одностороннюю сноровку и подавляя мир его производственных наклонностей и дарований... Сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы (Маркс)... Пожизненная специальность — управлять частичным орудием, превращается в пожизненную специальность — служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с детского возраста в часть частичной машины» (Маркс)» (Там же. С. 304)

«... дюринговская политическая экономия, - пишет далее Энгельс, - сводится к положению: капиталистический способ производства вполне хорош и может быть сохранён, но капиталистический способ распределения — от лукавого, и он должен исчезнуть».

Если этот фрагмент оставить главным, можно забыть про эпизод с архитектором и про исчезновение пролетариата путем взятия власти.

В принципе в данной книге Энгельса содержится масса полезных вещей.

Один из членов нашего Союза коммунистов (впоследствии объединение «Рабочий»), радиохимик, сначала работал в университете, потом на заводе, на собрании трудового коллектива начал задавать вопросы гендиректору завода. Гендиректор отвечал, наш уточнял... В конце наш спросил: "Это и есть, по-Вашему, социализм?" Гендиректор ответствовал: "Да, конечно!" И наш ткнул его носом: "Поздравляю, Вы ратуете за социализм по Дюрингу".

Дело в том, что гендиректор объявил, что если собственность на средства производства становится государственной, то это и будет социализм, общество, устроенное по принципу справедливости. Энгельс в «Антидюринге» объясняет, что государственная собственность — точно такая же частная, это всеобщая форма частной собственности: «Современное государство, какова бы ни была его форма, есть

по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмёт оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наёмными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются...» (Там же. С. 291) Еще: «... хозяйственная коммуна распоряжается своими средствами труда в целях производства. Как же идёт это производство? Если судить по тому, что сообщает нам г-н Дюринг, оно идёт совсем по-старому, с той только разницей, что место капиталиста заняла теперь коммуна» (Там же. С. 302).

И как раз Дюринг и утверждал, что социализм коренится в «универсальном принципе справедливости» (Там же. С. 297). Не забудем и Делягина, и всех господ националистов, которые объявляют единственно справедливым русский народ.

Ну, и самая замечательная фраза Дюринга, в которой, как в зеркале, весь СССР: «Принципиальное равенство прав в экономической области не исключает того, что наряду с удовлетворением требований справедливости будет иметь место ещё добровольное выражение особой признательности и почёта... Общество делает самому себе честь, когда отмечает высшие виды деятельности, предоставляя им умеренную прибавку для нужд потребления» (Там же. С. 313).

Конечно, господин советский гендиректор согласен!

И кто, как не гендиректора, есть лицо, квинтэссенция способа производства в СССР.

Вы будете смеяться, но сразу после этого случая из пермских книжных магазинов исчез «Антидюринг», хотя до этого данной книги Энгельса было хоть пруд пруди.

Нет, конечно, невозможно одного-единственного человека признавать идейным основателем. Скажем, идея Сен-Симона, что все люди должны работать. А если взять пример массового осеннего выезда на поля научных работников в помощь колхозникам, это чисто по книге «Город Солнца» Томаззо Кампанеллы.

Но у нас несколько иной разговор.

В среде людей, почитывающих труды Маркса и Энгельса, есть деятели, которые, плохо поняв содержание этих трудов, ищут в них обоснование своих вполне мелкобуржуазных позиций. Вот типичная статейка под названием «Джон Брей – идейный основатель СССР».

«О Р. Оуэне, Д. Бреे, Е. Дюринге, П. Прудоне и прочих утопистах мы можем узнать из работ Маркса и Энгельса.

Оуэн - английский социал-утопист, 1771-1858 гг. «Оуэн не только проповедовал «решительный коммунизм», но он также проводил его на практике в течение 5 лет (в конце 30-х и начале 40-х годов) в колонии Harmony Hall, в Гэмпшире, где коммунизм не оставлял желать ничего в смысле решительности. Я лично знал некоторых бывших участников этого образцового коммунистического эксперимента...» (Ф. Энгельс «Анти – Дюринг», Отдел III, Социализм, глава 1 Исторический очерк. М., политиздат, 1988, с. 268-269.)

«Самым активным соратником и вдохновителем оуэновских коммун был Джон Фрэнсис Брей (1809-1897 гг.) – английский экономист, социал-утопист, последователь Оуэна, типографский рабочий» (К. Маркс. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. Указатель имен. М., политиздат, 1987, с. 169.).

В 1839 г. в Лидсе (Англия) вышло его замечательное произведение «Несправедливости в отношении труда и средства к их устраниению». Маркс в «Философии нищеты» привел главнейшие места из этого произведения, так как считал, что в нем содержится ключ «ко всем прошлым и будущим сочинениям г-на Прудона».

«П. Ж. Прудон (1809-1865) - французский публицист, экономист, мелкобуржуазный социалист, один из родоначальников анархизма» (Там же, с. 171). Вот выдержки из работы Брея: «... не только все люди должны трудиться и таким образом достигать возможности обмениваться, но обмениваться должны

равные стоимости на равные же стоимости... чтобы прибыль одного не могла составить потери для другого, стоимость должна определяться издержками производства. Мы видели, однако, что при существующем общественном строе прибыль капиталиста и богача всегда является потерей для рабочего, что этот результат неизбежен и что при всех формах правления бедный всецело будет отдан на произвол богатого, пока сохранится неравенство обмена... Принцип равенства обмена должен, следовательно, по своей природе привести к тому, что труд станет всеобщим... необходима была бы лишь самая простая форма кооперации... Издержки производства... определяли бы стоимость продукта, и равные стоимости всегда обменивались бы на равные стоимости. Если из двух лиц одно работало неделю, а другое половину недели, вознаграждение первого вдвое превышало бы вознаграждение второго; но этот излишек не был бы получен одним за счет другого: потеря, понесенная последним, никоим образом не пошла бы на пользу первому. Каждый обменивал бы полученную им лично заработную плату на предметы одинаковой с ней стоимости и прибыль, полученная каким-нибудь лицом или какой-нибудь отраслью производства, не составляла бы потери для другого человека или для другой отрасли производства. Труд каждого... был бы единственной мерой его прибылей или его потерь... Количество... нужных для потребления продуктов, относительная стоимость каждого предмета по сравнению с другими... все, относящееся к общественному производству и распределению, определялось бы при помощи центральных и местных контор... В применении к целой нации эти расчеты совершились бы с такой же малой затратой времени и с такой же легкостью, с какой они при существующем строе делаются в какой-нибудь частной компании... Индивиды группировались в семьи, семьи – в общины, как и при существующем строе... общество было бы... большой акционерной компанией, составленной из бесконечного числа более мелких акционерных компаний, которые все трудились бы, производили и обменивали свои продукты на основе полнейшего равенства... новая система акционерных компаний, являясь лишь уступкой, сделанной современному обществу с целью перехода к коммунизму, допускает совместное существование индивидуальной собственности на продукты с общей собственностью на производительные силы; она ставит судьбу каждого индивида в зависимость от его собственной деятельности и дает ему равную долю во всех выгодах, доставляемой природой и успехами техники. Поэтому такая система может быть применена к обществу в его современном состоянии и может подготовить его к дальнейшим изменениям». Нетрудно видеть, что Брей описал систему СССР. В оуэновских коммунах он испробовал свою теорию. Оуэновские «рабочие книжки», в которых записывалось количество трудочасов, на которые рабочие могли отовариться в специальных обменных базарах предметами потребления, являются предвестниками «трудовых карточек» и талонов СССР.

Теперь прочтем у Маркса, почему социальные системы, основанные на принципах «равной оплаты за равный труд» и определения стоимостей товаров по издержкам их производства обречены на крах, а значит, приблизимся к пониманию причин краха СССР: «Рабочий час Петра обменивается на рабочий час Павла. Вот основная аксиома г-на Брея. Предположим, что Петр проработал 12 часов, а Павел только 6 часов; в таком случае Петр может обмениваться с Павлом только 6 часами, остальные же шесть часов останутся у него в запасе. Что сделает он с этими 6 рабочими часами? Или ровно ничего не сделает, и, таким образом, 6 часов пропали для него даром, или он просидит без работы другие шесть часов, чтобы восстановить равновесие, или, наконец, – и это у него последний исход – он отдаст эти ненужные ему шесть часов Павлу впридачу к остальным. ... что же... выигрывает Петр по сравнению с Павлом? Рабочие часы? Нет. Он выигрывает только часы досуга, он будет вынужден бездельничать в продолжении 6 часов. Чтобы это новое право на безделье не только признавалось, но и ценилось в новом обществе, это последнее должно находить в лености величайшее счастье и считать труд тяжелым бременем, от которого следует избавиться во что бы то ни стало... Каждый захочет быть Павлом и возникнет конкуренция лености, с целью достичь положения Павла... что же принес нам обмен равных количеств труда? Перепроизводство, обесценение, чрезмерный труд, сменяемый бездействием, словом, все существующие в современном обществе экономические отношения за вычетом конкуренции труда. Но нет, мы ошибаемся. Существует еще одно средство спасения для нового общества, общества Петров и Павлов... Равенство обмена было бы спасено только посредством прекращения всякого обмена: Павел и Петр превратились бы в Робинзонов» (Там же, с. 43-44).

Сталинисты создали систему «конкуренции лености», систему перепроизводства, систему обесценения чрезмерного труда, сменяемого бездействием. Превратили население страны в Робинзонов. Господа, которые повторяют идеальные установки Брея, толкают Россию на бесконечное повторение кругов ада...

Сегодняшние последователи Брея мечтают распихать народ России по замкнутым кластерам-общинам, где бы многочисленные отряды бухгалтеров-счетоводов подсчитывал каждому его отработанные трудочасы, на которые тот обменивал бы свой индивидуальный минимально необходимый набор товаров и услуг. А чем существующие отношения в сегодняшних акционерных компаниях РФ отличаются от того, что предлагал Брей в первой половине 19-го в.? Да практически ничем!»

Разумеется, ничего подобного в СССР не было, никакого бесконечного числа мелких контор, никаких Робинзонов, никакого перепроизводства. Чрезмерный труд сменяется бездействием во всех странах, в Японии вынуждены доплачивать за равномерный труд. А современные акционерные компании в РФ здесь вообще нипричем! И уж конечно никому в мире не придет в голову определять стоимость товара по издержкам – но весь мир включает издержки в стоимость.

Повременная система, которая существует во всем мире, работала и в СССР, и Петр, и Павел были обязаны работать одинаковое число часов. Что до трудочасов – их подсчитывают во всем мире!

Причем в СССР платили по-разному даже рабочим одного и того же разряда. Например, в Перми рабочий завода им. Дзержинского получал 7 коп. с рубля стоимости продукции, т.е. 7%, рабочий завода им. Ленина – 9%, рабочий завода им. Свердлова – 12 коп. Почему? Потому что рабочий высоких разрядов на заводе им. Свердлова был квалифицированнее рабочих тех же самых разрядов на заводах им. Ленина и им. Дзержинского. Следовательно, никакого сходства СССР с системой Брея нет, а есть сходство с системой Дюринга, и мы это отчетливо видели выше.

И трудовые карточки и талоны были и в развитых странах. Да и у Оуэна никаких замкнутых кластеров не было в помине. И не растаскивал Оуэн – наоборот, собирал рабочих в коммуны, это были крупные предприятия, и Энгельс пишет об этом. Выдумать чепуху, приписать эту чепуху кому-либо, а потом эту чепуху критиковать – это метод! Или автор статьи о Брее хочет неравной оплаты за равный труд? Сталинисты должны быть благодарны за такую нелепую критику.

А растаскивают рабочих либералы, прозападные профсоюзы, сталинисты из разных партийных конторок да нынешние псевдокоммунары, которые всерьез считают, что можно внутри изолированных территорий устроить маленькие коммунистические общества, ростки будущего, если хорошо друг к другу относиться.

1. Начнем с того, что никакого социализма в СССР не было, не было и троцкистского «переродившегося рабочего государства». Социализм по определению есть власть рабочего класса. И какой же рабочий класс собирается уничтожать миллионы невиновных?

Например: в ноябре – декабре 1943 г. чекистские органы спровоцировали выступление группы ненцев, которые распустили колхозы, поделили общественных оленей и откочевали вглубь тундры. Этую ситуацию представили как восстание, организованное гитлеровской разведкой. На подавление “восстания” из Омска была отправлена рота автоматчиков. Собрав обманным путём безоружных ненцев, солдаты открыли по ним огонь: семеро было убито, и столько же ранено, оставшихся арестовали и увезли в Салехард. Там из 50-ти ненцев 41 умер от болезни и истощения. Итак.

Давайте посмотрим, каким образом платить рабочему. Можно исходить из позиции отдельного рабочего Петра. Если он трудолюбив, он должен получать «по труду». Это и было лозунгом в СССР. Т.е. если рабочий проработал 12 часов, он должен получить А товаров, которые кто-то, пусть Павел, тоже сделал за 12 часов. Это обычная сдельная форма оплаты, она существовала и до Октября 1917-го, и после него. Тони Клифф даже напрасно попенял Сталину, что он «ввел» сдельщину, которая разобщила рабочих.

Но если Павел проработал лишь 6 часов, то Петр не сможет обменять – нет, не часы, а половину произведенного им товара, А/2. Он его может оставить у себя – продавать-то всё равно некому, ведь есть только Петр и Павел. Если есть такие же трудолюбивые, на первых порах Петр сможет толкнуть свой товар. Но ведь Павел производит общественно необходимый продукт, без него не обойтись, пусть он пьяница и забулдыга. Т.е. следующий трудолюбивый тоже останется с носом.

Как же быть? Давайте платить за равный труд либо меньше, либо больше. Это будет справедливо? Это будет просто глупо. И почему Маркс пишет, что у Брея – система воспитания бездельничания, а

Энгельс говорит, что у Оуэна, стоящего на той же позиции, что и Брей, самый решительный коммунизм?

Больше того, Маркс пишет, что к коммунизму (социализму) система Брея не имеет никакого отношения, она имеет отношение к тому строю, который существовал в период жизни Маркса: «Итак, что же принес нам обмен равных количеств труда? Перепроизводство, обесценение, чрезмерный труд, сменяемый бездействием, словом, все существующие в современном обществе экономические отношения за вычетом конкуренции труда.»

И чем эквивалентнее будет обмен, добавляет он, тем изощренней обман.

Теперь посмотрим, что происходит в действительности в буржуазном обществе. Поскольку у Петра и Павла нет средств производства, никто им не позволит обмениваться друг с другом. Товар у них отберут и после потребления их рабочей силы отправят за проходные, наглядно продемонстрировав, что они отчуждены от продукта труда, средств производства и условий труда. Часть произведенного у капиталиста отберет государство в качестве налога – для пенсионеров, школьников, беременных, больных, армии, полиции и пр. Часть капиталист пустит на развитие производства. (То же самое будет и при диктатуре пролетариата, Маркс отчасти пишет об этом в «Критике Готской программы».) Ни Петру, ни Павлу не видать самовольного распоряжения всей *своей* прибылью.

Далее в свою силу вступит рынок. Который даст сначала капиталисту, а потом трудолюбивому Петру денег вовсе не за 12 часов минус налог и развитие, а за 9 часов минус налог... Потом капиталисты соберутся вместе и назначат Петру с Павлом зарплату не больше, чем стоит их рабочая сила. Для восстановления, чтобы ее снова потребил капиталист.

Хуже: на завод поставят конвейер, и будут платить и сильному, и слабому одинаково. Производить-то они будут одинаково, но муки будут испытывать по-разному. Т.е оплата, повторим – по овеществленному труду, по реализованному продукту, не по живому труду. По рынку, а не по коммунизму. Уравниловка! Не социализм ее породил, а капитал.

2. Маркс пишет о системе, развивающей атрофию к труду, лень и т.д. Но сам он в «Экономико-философских рукописях 1844 г.» указывает на главную причину лени: труд рабочего – тяжелый, грубый, монотонный, отупляющий, обезличивающий. А Энгельс подчеркивает: буржуазия всегда готова обвинить рабочих в лени, пьянстве, беспорядочных половых связях.

Допустим, что рабочий не ценит себя дороже денег и захотел поработать сверх того или интенсивнее того. А кому капиталист продаст дополнительный товар?? Что будет, если рулей будет больше, чем кузовов, весел втрое больше, чем байдарок (кстати, последний случай однажды имел место в СССР)? И капиталист собирает консилиум: главного технолога, психолога и директора. Те выносят решение: уволить. Так и было на одном из французских заводов: оказалось, что рабочий в жажде наживы произвел больше деталей, но при этом нарушил технологию.

Что это означает? Что система оплаты при капитализме – плановая, что отражает производственный план. Итак, еще раз: план – завоевание капитализма. А не социализма.

Система оплаты в СССР ничем не отличается от той, что в Великобритании или Франции. Те же тарифы, та же МРОТ (в США до распада СССР = 5 долл./час, затем на несколько лет снизилась). Те же тома нормативных справочников, тот же обман на каждом шагу. Если рабочие выторговывают у капиталиста один пункт, капиталист зажимает другой.

Значит, на Западе процветает безделье? Как-то французские рабочие «Рено» спросили меня, правда ли, что в России заводские рабочие бегают в течение смены по магазинам. Ну, по магазинам им никто бегать не даст. А вот в домино резаться на рабочем месте – пожалуйста. Незадолго до «путча» сначала Сахаров, а потом либеральный «Выбор России» (Гайдар и пр.) призвал к всеобщей часовой забастовке. По стране, кроме редких продвинутых на голову рабочих, никто не откликнулся. Не дорошли до высоких материй. Но рабочие завода им. Ленина в Перми сказали: «Ни Сахаров, ни Гайдар нас не интересуют. У нас свои дела и бастовать будем сами.» Совместно с объединением «Рабочий» выработали требования, а на наше предложение бастовать не час, а после обеда работяги, похлопав по плечу, заявили: «Понимаете, вся работа сделана до обеда.»

А как же 12 часов Петра и Павла?? А вот как: в конце квартала – сверхурочные, за которые больше платят. При такой организации труда завод терял ежегодно 25 млн полновесных советских рублей и качество продукции.

На других заводах – система та же, выливается это дело в «черные» субботы и воскресенья.

Конечно, точно такие же «черные» субботы и воскресенья – в любой развитой кап. стране. При этом производительность труда в СССР в 80-е была лишь порядка 70% от производительности труда в США. Так ведь и получали в СССР рабочие от 7 коп. до 13 коп. с рубля произведенной стоимости (7% - 13%), а в развитых странах – 40%, а то и 60%. И возник этот лозунг «по труду» потому только, что, как говорил Ленин, «русский рабочий плохо оработчен». Был – и оставался плохо оработченным до 1992 года. Пока его массово не уволили.

Кто виноват в сверхурочных? Система оплаты? Нет, виновата администрация, министерство, неспособные организовать труд. Это ее лень, а не рабочих.

Постойте, а как же то, о чем писал Маркс, чрезмерный труд и бездействие, перепроизводство и пр.? Неужто «там, это, у них», как говорил Райкин, даже зима сменяет лето «по системе», т.е. по плану? Как бы не так. Чтобы избавиться от излишней корысти капиталистов и, тем самым, от слишком трудолюбивого рабочего, и, тем самым, от перепроизводства и прочей анархии, придумали хеджирование, страхование рисков и прочее. И поплыли финансовые пузыри, и загрохотал по планете раздутый спекулятивный сектор экономики, и полетели в тартарары еврейские банки Федеральной резервной системы...

Можно еще применить способ, аналогичный подвешиванию клевера перед носом у быка. В начале 20 в. в Англии Макдональд снизил цену акции, чтобы ее могли купить рабочие. Рабочие почувствовали себя партнерами! И надолго застраховали своих хозяев от забастовок. В течение десятилетий до работяг доехали: надули, мошенники (как солнце из-за туч). Уже в начале 90-х прошлого века во Франции хозяева чуть ли не насильно заставляли рабочих брать акции бесплатно – никто уже не хотел.

3. Но все-таки – что же будет делать трудолюбивый сдельщик Петр со своими 12 часами, если он не хочет лениться? На что он потратит свои 6 часов, если повременщик Павел произвел товар лишь на 6 часов? А ведь сдельная форма оплаты труда преспокойно существует во всех странах! Никакими запасами или перераспределением от Павла его сверхдоход не объяснить. Неужели капиталист делится с Петром прибавочным продуктом? Нет, конечно. Всего товара произведено на $6 + 12 = 18$ часов, из них 4 часа – это стоимость рабочей силы Павла, 8 часов – стоимость рабочей силы Петра, 6 часов – прибавочный продукт.

Давайте, увеличим количество Петров. До бригады. Пусть бригада вводит коэффициенты трудового участия, оценивает качество и т.п. Кто-то в бригаде накопит излишки, напр., молоко или мясо, а холодильников и гаражей с ямами при Марксе еще не было. А кто-то недоест. В итоге – та же картина, что и с отдельными Петром и Павлом. Но как?!

Для разрешения вопроса нужны две бригады. Тогда Петр будет обмениваться со сдельщиком Петром-1 из второй бригады, а Павел – с повременщиком Павлом-1 из второй бригады.

Так что Маркс ошибся, увы. Критика Брея – в другом. И ведь она изложена у Маркса! Но в других текстах.

4. Если мы хотим жить по принципу «хорошо поработал – хорошо получил», мы вполне вписываемся в капиталистическую систему и никуда от нее не сбежим. Прогрессивный капиталист, пишет Маркс, хорошо обеспечит своего рабочего – для повышения конкурентоспособности продукта его труда. Рабочий в таком случае ничем не отличается от дрессированного осла, которому после хорошей работы дадут много овса и теплое стойло. А тому ослу, который ценит себя не дешевле сена, который ленится, тому ослу не достанется попоны и сунут гнилое сено. И дети этого осла, не получив хорошего платного воспитания, никогда не увидят попоны. В семье ткача могут появиться только ткачи. Но никак не физики с лириками. Тогда будет лень, перепроизводство и пр.

Если мы доверим капиталисту платить, как велит рынок, получим то же самое. Где же выход? Ведь требование рабочего участвовать в прибылях, как отмечал Ленин, хоть и содержит в себе зерно анархии, но справедливо?

Авто статьи о Брее ищет корень зла в сфере обмена, распределения. А она вторична, производна от сферы производства.

Мы рассматривали только ту часть прибыли, которая составляет оплату труда и соцкультбыт – чем заняты профсоюзы всего мира. Действительной задачей рабочего является овладение базой отношений собственности – средствами производства. Инструментом владения выступает та часть прибыли, которая идет на развитие производства – фонд развития производства (фонд накопления). Именно в этом суть социалистических преобразований – ведь рабочему надо устраивать такое производство, так развивать технологии, чтобы на заводах работали исключительно ИТР. Коренной интерес рабочего класса – в уничтожении классов, т.е. в уничтожении самого себя, как класса, занятого монотонным обезличивающим трудом, источником лени.

На выходе получаем построение Советов, как плановых органов, не из территорий, а с заводов, на которых – первичные Советы, СТК. То, о чем писала Рабочая оппозиция: Шляпников, Мясников, Коллонтай, и что в перестройку опошили Горбачев.

Советы... Как? А где же коммунистическая партия? Отдельная каста, словами Сталина «орден меченосцев», стоящая над обществом и указывающая обществу, сколько ему работать?

Профessor ПГУ Михаил Суслов, отпетый сталинист, для обозначения анархии использует ярлычок «мясниковщина». Еще бы – если есть Советы, зачем его любимая КПСС. Напомню, что Ленин обозначил анархо-синдикализмом *политическое явление*. Т.е. в ТОТ момент времени. Мало того, что он критиковал не систему СТК, а передачу власти профсоюзам, он указывал, почему НА ДАННЫЙ момент это невозможно: потому что рабочий класс обескровлен, малочисленен, представляет хаотичную массу.

(Троцкий тоже скажет про хаотичную массу, но сделает из этого вывод, что профсоюзы должны стать приводными ремнями партии. На что Ленин заявляет, что массам достался в наследство бюрократический аппарат, что партийные чиновники – «коммунистическая сволочь», что в государственных кабинетах засели чиновники, «которые работают как дураки», что «наш аппарат – дермо» и т.д., а профсоюзы – не жалкие партии, а массовые профсоюзы – нужны как контролер, как оппозиция.)

Однако партия никуда не девается. Только речь идет не об обособленной группе. Маркс, Энгельс, Ленин пишут об организации ВСЕГО пролетариата в политическую партию.

Суть в другом: если центральные Советы обошлись без советской власти на заводах, то это абстрактные Советы, синтез из пустоты, как интернационализм, лишенный национальных начал. Это организация, оторванная от рабочего класса. Как и КПСС. Это означает, что рабочие отчуждены от управления, от отношений собственности на средства производства, всё это передовано неподконтрольному госчиновнику.

Самоуправление не может сводиться к территориальному, территориальное самоуправление, как показала практика ОТОСов – фикция, обман трудящихся. Оно может быть только на основе заводского самоуправления. Почему рухнул СССР? КПСС надоела? Да нет: просто есть предел роста капиталистической монополии, когда аппарат не в состоянии охватить всё богатство растущих экономических отношений (Э. Никишина, Самара, 1988, Ф. Фукуяма, 2000). Неспособна оказалась администрация в таком сложном производстве организовать равномерный труд!

Государство в СССР, обойдясь без рабочих в управлении, таким образом, является единственным собственником основных средств производства. Совокупным капиталистом. Где отношения частной собственности становятся всеобщими. Есть при этом надстройка в виде хорошей правящей партии, нет ее – сути дела не меняет: собственность в руках государства в отсутствие политической власти рабочего класса (а ее по Суслову быть не может, потому что рабочий – баран, потому что «не может черномазый играть на рояле», потому что у рабочего в 1988 году за плечами только 3 класса церковно-приходской школы, а править должна любимая обосравшаяся партия) есть капитализм. Который г-н Дюринг назвал социализмом, за что его и критиковал Энгельс. Т.е в СССР и был социализм – по Дюрингу. Всё дело в том, что главный капиталист в СССР пожелал называть себя коммунистом.

Потому система Петра и Павла, которую приписывают только СССР, та же, что в любой капиталистической стране.

Нет, ну, если распоряжение (вовсе не владение, скажем, в 80-е у семьи Фордов - лишь 10% акций их предприятий) есть ведущее отношение собственности, если темные рабочие не могут быть политической властью, если всем управляет - т.е. является по определению собственником, капиталистом - кучка «успешных» «коммунистических сволочей», как может называться этот строй? Если суть капитализма - в прибыли, если цель капиталиста - прибыль, а она появляется только тогда, когда появляется новый тип товара, рабочая сила, т.е. институт ее найма, если в СССР пресколько существовал институт найма, как еще можно назвать строй в СССР? Правильно, капитализмом.

Но, как мы видели, просто взятием власти, учреждением Советов - дела не решить. Необходимо ликвидировать доминирование абстрактного содержания в труде рабочего, заменить обезличивающий труд рабочего на труд автоматизированный, труд творческий. Об этом пишет Энгельс в «Антидюринге».

Таким образом, те, кто винит СССР в том, чего в СССР не было, кто призывает к свести интересы человека к вещественному обогащению, а борьбу рабочих - к борьбе лишь за наиболее выгодные условия продажи рабочей силы, к тренд-юниону, вполне устраивают буржуазию. Эти обвинители не хотят понять, что угнетает не столько маленькая зарплата, но сам труд, который делает из человека обезьяну. Это они призывали учредить личные пенсионные отчисления (автор статьи о Брее в их числе!), это они призывали создавать товарищества собственников жилья (ТСЖ) - соблазня, что каждый станет собственником своего кусочка. Идеал, который навязывают рабочему такие критики сталинизма - это дача с огородом, машина, гараж. Так ведь такой идеал у рабочих существовал и в СССР! И потому подобные критики устраивают буржуазию - ибо мелкие буржуа всегда полезны буржуазии крупной.

Энгельс цитирует Маркса: «Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путём концентрации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой концентрацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное технологическое применение науки, планомерная коллективная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, и экономия всех средств производства путём применения их как коллективных средств производства комбинированного общественного труда. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, деградации, эксплуатации... Капиталистический способ производства и присвоения, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им самим с необходимостью естественного процесса. Это - отрицание отрицания» («Антидюринг», ПСС, М., Госполитиздат, 1961, Т. 20. С. 137-138).

«Средневековые мистики, - отмечает Энгельс, - мечтавшие о близком наступлении тысячелетнего царства, сознавали уже несправедливость классовых противоположностей» (Там же. С. 161). Мелкий буржуа не хочет видеть несправедливость классовых отношений в СССР, он видит только ту несправедливость, что рабочему ослу не дают достаточно свежего сена и не укрывают теплой попонкой.

И нет никакого сомнения, что современные либералы списывают у Дюринга тему насилия, военного принуждения, характеризуя способ производства в СССР. «Г-н Дюринг, - отвечает им Энгельс, - стало быть, ставит на голову действительное отношение, называя современную (капиталистическую, Б. И.) собственность насилиственной собственностью и характеризуя её как «такую форму господства, в основе которой лежит не только отстранение ближнего от пользования естественными средствами существования, но, что ещё гораздо важнее, принуждение человека к подневольной службе»... В самом

деле, что оказывается «первичным» в самом насилии? Экономическая мощь, обладание мощными средствами крупной промышленности» (Там же. С. 166).

A. Ф. ЛОСЕВ – ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ

«Диалектику мифа» А. Ф. Лосев предваряет следующим замечанием:

«Настоящее небольшое исследование имеет своим предметом одну из самых темных областей человеческого сознания, которой раньше занимались главным образом богословы или этнографы. Те и другие достаточно оскаклились, чтобы теперь могла идти речь о вскрытии существа мифа богословскими или этнографическими методами. И не в том беда, что богословы-мистики и этнографы-эмпирики (большую частью богословы весьма плохие мистики, пытаясь заигрывать с наукой и мечтая стать полными позитивистами, а этнографы - увы! - часто очень плохие эмпирики, находясь в цепях той или другой произвольной и бессознательной метафизической теории)... Надо вырвать учение о мифе и из сферы ведения богословов...»

Далее в тексте находим: «В повествовании Библии о семи днях творения нет ровно никакой ни астрономии, ни геологии, ни биологии, ни вообще науки.»

Будто бы, всё хорошо? Но...

«Разумеется, мифология есть выдумка, если применить к ней точку зрения науки, да и то не всякой, но лишь той, которая характерна для узкого круга ученых новоевропейской историй последних двух-трех столетий».

То есть, научная точка зрения на миф Лосевым отмечается напрочь. Стоит ли дальше читать?

«... мы условились рассматривать миф не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного, общественного и пр. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого же мифа, глазами самого мифа, мифическими глазами.»

То есть. Если мы условимся глядеть на сумасшедшего глазами самого сумасшедшего... Условимся, что мы не будем искать бога в каких-то проявлениях, ждать каких-то доказательств и т.п., в качестве непременного условия мы сначала должны в него поверить...

«Когда грек, - продолжает Лосев, - не в эпоху скептицизма и упадка религии, а в эпоху расцвета религии и мифа говорил о своих многочисленных Зевсах или Аполлонах; когда некоторые племена имеют обычай надевать на себя ожерелье из зубов крокодила для избежания опасности утонуть при переплытии больших рек; когда религиозный фанатизм доходит до самоистязания и даже до самосожжения; - то весьма невежественно было бы утверждать, что действующие тут мифические возбудители есть не больше, как только выдумка, чистый вымысел для данных мифических субъектов. Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это - совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола.»

Но ведь здесь нет ничего нового. Вдобавок мы уличаем Лосева в полной безграмотности. Еще Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1857 г.» писал, что газетные фетиши не менее материальны, чем табурет или стол. Они довлеют над сознанием индивида, не зависят от него и вполне даны в ощущениях. Следовательно, подпадают под определение материи, данное Лениным.

Но. Лосев здесь не делает разницы между материальностью мифа и материальностью реальности, между общественным сознанием и общественным бытием. Лосев желает разорвать связь между ними, желает скрыть подчиненность общественного сознания общественному бытию. Что абсолютно подтверждается ниже фразой самого Лосева: «Нас интересует миф, а не та или иная эпоха в развитии научного сознания.» И далее: «.. смысл вещи не есть сама вещь; он - абстрактное понятие вещи, отвлеченная идея вещи, мысленная значимость вещи...»

То есть: смысл вещи не вытекает из самой вещи, не связан с ней.

Если сознание пронизанных буржуазными отношениями управляемо сверху, и потому Европа и Америка верят, что малазийский Боинг сбили ополченцы Новороссии при помощи Москвы, это вовсе не значит, что так оно и было! Реальность такова, что Боинг был сбит карателями ВСУ.

То есть – Лосев здесь мошенничает, мухлюет. Причем этот подход, это мошенничество для него – стандарт, и в «Истории античной философии», и в книжке «Вл. Соловьев». Стало быть, сначала он потрафил властям, сообщил, что хочет исследовать миф сам по себе, якобы из присущего науке объективизма, и тем самым вырвать его из объятий богословия, но тут же! – объявляет научный подход ненаучным. Это надо уметь. Читаем:

«Заметим, что для науки XVII-XIX столетий ее собственные категории отнюдь не в такой мере реальны, как реальны для мифического сознания его собственные категории. Так, например, Кант объективность науки связал с субъективностью пространства, времени и всех категорий. И даже больше того. Как раз на этом субъективизме он и пытается обосновать "реализм" науки. Конечно, эта попытка - вздорная. Но пример Канта прекрасно показывает, как мало европейская наука дорожила реальностью и объективностью своих категорий. Некоторые представители науки даже любили и любят щеголять таким рассуждением: я вам даю учение о жидкостях, а существуют эти последние или нет - это не мое дело; или: я доказал вот эту теорему, а соответствует ли ей что-нибудь реальное, или она есть порождение моего субъекта или мозга - это меня не касается. Совершенно противоположна этому точка зрения мифического сознания.»

И тут Лосев не нов, он повторяет энгельсову критику иных ученых, данную в «Диалектике природы». Причем это худшие страницы работы Энгельса, не пожелавшего отделить мух от котлет, религиозность Ньютона от механики Гука-Ньютона.

Лосев пытается наполнить общую форму «европейская наука» единичным содержанием «некоторые представители». Он выступает здесь как обскурант и мракобес, отрицающий науку.

Ниже мы прочитаем: «Мы сказали, что содержание любого "закона природы" есть нечто, совершенно ничего не говорящее об объектах».

Именно этнографы имеют дело с конкретными мифами, мифами, как таковыми. Но именно материал этнографов Лосев сознательно отвергает, приклеивая этнографам ярлычок «плохие», «в цепях метафизики».

Однако где Лосев выкопал у Канта, что он на «субъективизме» пространства, времени и всех категорий пытался обосновать реализм науки?

Кант занимался гносеологическими исследованиями, подобно Аристотелю, исследовал аналитические и синтетические суждения. Причем термин «трансцендентальный» он применял в совсем другом смысле: «Я называю трансцендентальным... познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов...» (Нарский И. С. Иммануил Кант. М.: Мысль, 1976, С. 29-30) О каком реализме науки говорит Лосев, если Кант – агностик, полагавший, что его антиномии не разрешимы опытным путем (там же, С. 108).

Далее Лосев утверждает:

«Миф - необходимейшая - прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая - категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это - подлинная и максимально конкретная реальность.»

Здесь Лосев опять же повторяет ветхозаветных реалистов, для которых идеи – реальны. Чтобы спрятать концы в воду, Лосев подмахивает словечко «трансцендентально», т.е. до опыта, независимо от опыта, сверх опыта, за пределы естественного; образовано от глагола *transcendo* — «переступаю», «перешагиваю». Ну, например, путем божественного откровения. Или медитации, озарения, экстрасенсорной экзальтации и т.п. Следовательно, рядовым гражданам – ничего, а вот избранным...

Итак, для Лосева та антинаучная чушь, которая записана в Библии насчет происхождения мира, и есть реальность. И наука не имеет права ее опровергать, потому что не имеет к ней отношения. Вот так.

Реальность, которая нас окружает, в которой мы живем, для Лосева что-то несущественное. Рядом с ней он воздвигает реальность-дублера, которая существует только в его голове или в головах экзальтированных верующих, например, что бог сначала создал Землю, потом свет, потом отделил свет

от тьмы, всех живых создал в неизменном виде и одновременно. И вот эту липовую реальность Лосев выдает за главную.

В мифе о Гелиосе нет ровно никакой астрономии, - пишет Лосев. С одной стороны, он понятия не имеет, каким образом возникают анимизм, фетишизм, тотемизм. С другой стороны, по Лосеву оказывается, что миф о Гелиосе и наличие Солнца никак не связаны!

«Есть ли миф такое отвлеченно-идеальное бытие? – разъясняет читателю Лосев. - Конечно, не есть ни в каком смысле. Миф не есть произведение или предмет чистой мысли. Чистая, абстрактная мысль меньше всего участвует в создании мифа. Уже Вундт¹ хорошо показал, что в основе мифа лежит аффективный корень, так как он всегда есть выражение тех или других жизненных и насущных потребностей и стремлений. Чтобы создать миф, меньше всего надо употреблять интеллектуальные усилия. И опять-таки мы говорим не о теории мифа, а о самом мифе как таковом. С точки зрения той или иной теории можно говорить о мыслительной работе субъекта, создающего миф, об отношении ее к другим психическим факторам мифообразования, даже о превалировании ее над другими факторами и т.д. Но, рассуждая имманентно, мифическое сознание есть меньше всего интеллектуальное и мыслительно-идеальное сознание. У Гомера (Od. XI, 145 слл.) изображается, как Одиссей спускается в Аид и оживляет на короткий срок обитающие там души кровью. Известен обычай побратимства через смешение крови из уколотых пальцев или обычай окропления кровью новорожденного младенца, а также употребление крови убитого вождя и пр. Спросим себя: неужели какое-то мыслительно-идеальное построение понятия крови заставляет этих представителей мифического сознания относиться к крови именно так? И неужели миф о действии крови есть только абстрактное построение того или другого понятия? Мы должны согласиться, что здесь ровно столько же мысли, сколько и в отношении, например, к красному цвету, который, как известно, способен приводить в бешенство многих животных. Когда какие-нибудь дикие раскрашивают покойника или намазывают свои лица перед битвой красной краской, то ясно, что не отвлеченная мысль о красном цвете действует здесь, но какое-то иное, гораздо более интенсивное, почти аффективное сознание, граничащее с магическими формами. Было бы совершенно ненаучно, если бы мы стали мифический образ Горгоны, с оскаленными зубами и дико выпученными глазами, - это воплощение самого ужаса и дикой, ослепительно-жестокой, холодно-мрачной одержимости - толковать как результат абстрактной работы мыслителей, вздумавших производить разделение идеального и реального, отбросить все реальное и сосредоточиться на анализе логических деталей бытия идеального. Несмотря на всю вздорность и полную фантастичность такого построения, оно постоянно имеет место в разных "научных" изложениях.»

Между прочим, то, что красный цвет раздражает быка – миф. Увы. Зато яркая раскраска некоторых насекомых дает сигнал: опасность! Ядовито! И восприятие этого сигнала – не «интенсивный аффект», а инстинкт, работа эволюции.

Хорошо, пусть бык сошел с ума и реагирует на красный цвет. С чего бы? Любой ученый стал бы искать причины. Для Лосева же дело ясно: магия. Зачем мучиться, размышлять, проводить эксперименты, узнавать, каковы причины обычая окроплять кровью младенца или смешивать кровь из уколотых пальцев, откуда взялся образ Горгоны, когда всё можно свалить на нечто трансцендентальное, на чудо. Воплощение самого ужаса, и все дела. Будто ужас где-то бегает самостоятельно и порой воплощается. Дать такому «философу» в лапы стеклянные бусы или транзисторный приемник, так ведь заорет на весь свет: «Миф! Миф! Чудо! Чудо!»

Итак, у Лосева мысль есть нечто слабо интенсивное, вялое. Что ж, каждый судит по себе. Мы увидим ниже, что это действительно так! Причем под мыслью Лосев понимает не просто что-то холодно-рационально-логическое, но отбрасывание всего реального. Будто логика – только в голове, но не в природе, будто логика в голове не есть отражение логики природы! Лосев также лишает человека способности мыслить интуитивно, хотя сам Нильс Бор утверждал, что физика – больше интуитивная, чем рациональная наука. А ведь именно интуитивное мышление ответственно за миф белого квадрата у древних китайцев. Никакого предмета нет, потому китайцы воображали в нем всё самое ужасное, что могли себе представить, и от страха падали перед белым квадратом на колени.

Но дело хуже. Для Лосева и Одиссея, и Аид, и Деметра с Гефестом или Афиной-Палладой – вовсе не выдумки, а реальности!

Однако ж нельзя ли поконкретнее насчет мифа? Можно!

«Я же категорически утверждаю, что тот, кто ест мясо, имеет совершенно особое мироощущение и мировоззрение, резко отличное от тех, кто его не ест. И об этом я мог бы высказать очень подробные и очень точные суждения. И дело не в химии мяса, которая, при известных условиях, может быть одинаковой с химией растительных веществ, а именно в мифе.»

Это уже, знаете ли, что-то совершенно трансцендентальное. То ли смеяться, то ли плакать. Я бы уточнил: имеют совершенно особое мироощущение те, кто мало ест. В сравнении с теми, кто обжирается черной икрой. Это мироощущение называется классовым сознанием и формулируется следующий образом: «Сытый голодного не разумеет...» И дело вовсе не в химии мяса! А в его наличии или отсутствии. Понятно, что для Лосева и революции – просто состояние аффекта, не более. Буквально по Оруэллу (точнее, по Замятину, ибо Оруэлл скрал у Замятина «Мы»): мир – это война! Миф – это реальность!

Но разве материалисты отрицают влияние мяса как химического реагента? Нет же, именно «химия» мяса и влияет на мировоззрение. Любая пища действует на генотип, а генотип связан с фенотипом и далее – с психикой человека. Уже десятилетия ученые исследуют связи между интеллектом и генетикой. Правда, это вовсе не означает, что 1) «неполноценных» - в печь, 2) что, если вследствие питания мясом у кого-нибудь изменится мировоззрение, то электрон перестанет вращаться вокруг ядра атома, Луна – вокруг Земли, Земля – вокруг Солнца. Эти три факта абсолютно не зависят от сознания гражданина А. Ф. Лосева, поэта Ивана Жданова или президента Дональда Трампа. Отметим также, что, увы, в наши дни белая горячка стала системой. Как раз для белогорячечников их галлюцинации являются «наивысшей по своей конкретности, максимально интенсивной и в величайшей мере напряженной реальностью».

Вот еще шедевр:

«Также мне кажется, что надеть розовый галстук или начать танцевать для иного значило бы переменить мировоззрение, которое, как это мы еще увидим в дальнейшем, всегда содержит мифологические черты. Костюм – великое дело».

Окуджава сомневается в такой реальности – простите, в такой мифичности! – «Всё представляется ему, как только я пиджак примерю, опять в твою любовь поверю. Как бы не так, такой чудак...» Отец акционирования Николай Травкин смеется: «Если рабочему надеть галстук... - опять извините – дать в зубы акцию, он что, причесываться будет по-другому?»

«Гроб с покойничком летает над крестами...» Понятно, что мифологическое сознание довлеет над беднягой, страх его – вполне реален, и он обусловлен вполне материальными общественными отношениями, но нет никакого гроба, инсценировку ему устроили «неуловимые мстители».

Лосев упорствует:

«Мне рассказали однажды печальную историю об одном иеромонахе *** монастыря. Одна женщина пришла к нему с искренним намерением исповедоваться. Исповедь была самая настоящая, удовлетворившая обе стороны. В дальнейшем исповедь повторялась. В конце концов исповедальные разговоры перешли в любовные свиданья, потому что духовник и духовная дочь почувствовали друг к другу любовные переживания. После долгих колебаний и мучений оба решили вступить в брак. Однако одно обстоятельство оказалось роковым. Иеромонах, расстригшись, одевши светский костюм и обривши бороду, явился однажды к своей будущей жене с сообщением о своем окончательном выходе из монастыря. Та встретила его вдруг почему-то весьма холодно и нерадостно, несмотря на долгое страстное ожидание. На соответствующие вопросы она долго не могла ничего ответить, но в дальнейшем ответ выяснился в ужасающей для нее самой форме: "Ты мне не нужен в светском виде". Никакие уверения не могли помочь, и несчастный иеромонах повесился у ворот своего монастыря. После этого только ненормальный человек может считать, что наш костюм не мифичен и есть только какое-то отвлеченнное, идеальное понятие, которое безразлично к тому, осуществляется оно или нет и как осуществляется.»

Видимо, Лосев никогда не листал медицинский справочник по сексуальным отклонениям. Видимо, у пресыщенной барышни только ряса да молитва во время согрешения могли вызвать оргазм. В. Пикуль рассказывает: светская дива после соития с Распутиным откровенничает с подругой, что де секс в сочетании с проповедью целомудрия... Да еще с обличением греха прелюбодеяства... Очень, очень.

Ну, скажите по совести, что тут может быть, кроме сексопатологии? Как могут люди любить друг друга, и эта любовь тут же пропадает, едва мужчина побрился и сменил костюм?? В кинокомедии «Веселые ребята» дитя Торгсина Елена и ее мамаша Тяпкина, вызнав, что приняли пастуха Костю Потехина за великого дирижера Фраскини, тут же перестают его любить и выпроваживают. «Что же случилось?» – удивляется Костя. «Мы думали, что Вы дирижер, а Вы простой пастух!» «Но ведь я сегодня пастух, а завтра – музыкант!» - пытается возражать Костя. – «Вот завтра и приходите!» Чем не духовные дочери? Миф, скажет Лосев. Классовое сознание, скажем мы.

Лосев отказывает даже малейшему намеку на науку в связи с мифом. Если иные неадекватные люди отождествляют миф и первобытную науку, Лосев ожесточенно набрасывается на такие утверждения. Отчасти, справедливо. Но дальше? «Миф всегда чрезвычайно практичен, насущен, всегда эмоционален, аффективен, жизненен», - утверждает Лосев.

Практичен – это что? Совсем по Бушкову: успел такой-то князь проклясть соперника – одержал победу. Не успел, а соперник его проклял – потерпел поражение.

«В хаосе и неразберихе эмпирически спутанных, текущих вещей надо уловить идеально-числовую, математическую закономерность, которая хотя и управляет этим хаосом, но сама-то не есть хаос, а идеальный, логический строй и порядок (иначе уже первое прикосновение к эмпирическому хаосу было бы равносильно созданию науки математического естествознания). … наука всегда превращает жизнь в формулу, давая вместо живых личностей их отвлеченные схемы и формулы…» - таково мировоззрение Лосева. Чего еще ждать от филолога, который не знает, не понимает, что такое наука. Наука о хаосе едва появляется, но это не извиняет Лосева. Наука и жизнь у него – две противоположности.

Неужели научное открытие лишено жизненности? Отчего миф оказывается большей жизнью, чем электрическая лампочка, большая интегральная схема, генная инженерия или взрыв сверхновой? Может, это не наука, а Лосев оторваны от жизни?

«… я категорически протестую, - пишет он, - против второго лженаучного предрассудка, заставляющего утверждать, что мифология предшествует науке, что наука появляется из мифа, что некоторым историческим эпохам, в особенности современной нам, совершенно не свойственно мифическое сознание, что наука побеждает миф. … Также трудно спорить и о том, что мифология дает для науки тот первоначальный материал, над которым она будет в дальнейшем производить свои абстракции и из которого она должна выводить свои закономерности. Но если указанное утверждение имеет тот смысл, что сначала существует мифология, а потом наука, то оно требует полного отвержения и критики».

Тем не менее, наука весьма живо переплетена с мифом: это и система Птолемея, и теплород, и флогистон, и эфир. Миры о теплороде и т.д. хоть и внесли вклад в науку, но были наукой побеждены.

Однако Лосев тут же начинает возражать самому себе: миф таки предшествует науке, определяет ее! «… если брать реальную науку, т.е. науку, реально творимую живыми людьми в определенную историческую эпоху, то такая наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпая из нее свои исходные интуиции».

И… как же?

«Декарт – основатель новоевропейского рационализма и механизма, а стало быть, и позитивизма. Не жалкая салонная болтовня материалистов XVIII века, а, конечно, Декарт есть подлинный основатель философского позитивизма. И вот оказывается, что под этим позитивизмом лежит своя определенная мифология. Декарт начинает свою философию с всеобщего сомнения. Даже относительно Бога он сомневается, не является ли и Он также обманщиком. И где же он находит опору для своей философии, свое уже несомненное основание? Он находит его в "я", в субъекте, в мышлении, в сознании, в "ego", в "cogito"ix. Почему это так? Почему вещи менее реальны? Почему менее реален Бог, о котором Декарт сам говорит, что это яснейшая и очевиднейшая, простейшая идея? Почему не что-нибудь еще иное? Только потому, что таково его собственное бессознательное вероучение, такова его собственная мифология, такова вообще индивидуалистическая и субъективистическая мифология, лежащая в основе новоевропейской культуры и философии. Декарт – мифолог, несмотря на весь свой рационализм, механизм и позитивизм. Больше того, эти последние его черты только и объяснимы его мифологией; они только и пытаются ею».

У Декарта вовсе не индивидуалистическая субъективистическая мифология, картезианское сомнение имеет то основание, что доказывается многочисленными актами обмана органов чувств. Декарт вполне материалистические указывает на субъективность восприятия.

Да, механицист (но не позитивист), для Декарта, как и для Локка, Гельвеция, Гольбаха, Дидро, человек – машина. Однако величие Декарта – в конструировании «мифа», на века определившего развитие науки - в абстрагировании времени и пространства до создания связывающей их системы координат, в 1637 году, в книге «Геометрия». Абстрагирование дало жизнь механике, но выхолостило природу времени настолько, что время оказалось обратимо. Это помогло Дираку, был открыт позитрон, но в общей теории относительности появились временные петли с нарушением причинности.

Стало быть, ученые Гольбах, Лейбниц, писатель Дидро, Гоббс, Гельвеций, Гассенди, Локк, и прочие, которые пробивали науке заслон религии, которым благодарно всё человечество, у Лосева – материалисты с жалкой салонной болтовней.

Но если начать перечислять далее – по Лосеву выходит, будто Грегор Мендель открыл генетику, а Дарвин – теорию эволюции потому, что один был монахом, а второй – изначально верующим. Между тем обе науки в сочетании окончательно опровергают религию. Только наивному может прийти в голову, что в основании атомной бомбы лежит религиозность Ричарда Фейнмана.

В 1991-м, именно в 1991 году в издательстве политической, именно политической литературы вышел в свет сборник «Самосознание европейской культуры». Самосознание не человека, а культуры, отдельно отстоящей от человека, как у Юнга психика – самостоятельная субстанция. Причем, знаете ли, безличная субстанция. Ну, и подонок! – подумала церковь. - Но это наш подонок.

В сборнике представлены тексты – помимо Бёлля и Честертона – тексты Хейзинги, Шпенглера, Юнга, Ортеги-и-Гассета, занюханных еще советской критикой Жака Маритена и Макса Вебера, а также Хайдеггера. Правда, забыли привести тезисы Хайдеггера о боязни перед техникой – буквально марксовы, или о том, что современная культура не только не опровергла марксизм, но даже еще и не начала с ним критический диалог.

Скажите, зачем нужно насаждать оккультизм Юнга, возвращаться к задам психологии, кому нужны не существующие архетипы, «умудренный старец», «воин-герой», «мать-земля», «диавол» и тому подобная чепуха? Да, Юнг отверг фрейдистское сексуальное в Эдиповом комплексе, избавился от наиболее пещерного – но оставил сам комплекс.

Понимаете, в неразвитой науке формы движения принимались за нечто вещное, скажем, теплород или флогистон. Причем они сумели сыграть позитивную роль. По тому же пути шел Лев Гумилев, вводя пассионарность. Аналогично – Фрейд ввел либидо, Шпенглер – обязательную смерть культур, фашист Хаусхофер, учреждая свою лженаку геополитику – некий якобы присущий жителям Америки или Австралии атлантизм, а жителям Азии - континентализм. Хотя практика показала, что в Гражданской войне в США собой воевали страны с, казалось бы, единым атлантическим интересом, в 1-ю мировую – с единым континентальным интересом, что никакой культурной смерти Европа не испытала, что Китай, в котором не осталось ничего пассионарного, вдруг испытал необычайный взлет, а молодая Россия, с прорвой пассионарности, пришла в упадок.

Что касается либидо. У Фрейда за всю его врачебную практику было всего 43 пациента, он умудрился не вылечить ни одного. И оставил всего-навсего пять описаний патологий. Тунеядец...

Понимаете: истоком неврозов служит не сексуальный стресс, испытанный в детстве, а низкая зарплата или увольнение с работы. Так что никаких юнговских визионеров в природе не существует. Но надо же как-то обмануть трудящихся.

Не стоит даже сомневаться – российская гуманитарная наука пожелала перестроиться, показать, что она мыслит демократически, антикоммунистически, по-европейски.

О, Хейзинга, о Хомо люденс, о, интеллигебельность, Аристотель, о! И припадала, рыдая, к стопам. Каменщики, растворщики, макальщики, прядильщики, чесальщики, вязальщики, крановщики, револьверщики, грохотовщики, чесальщики и т.д., смотри список рабочих специальностей далее, просто играючи создают элементы культуры! Для полного комплекта не хватало Мартина Бубера, Гуссерля,

Бергсона, Витгенштейна, святого Августина, Хабермаса, Мунье, Адорно... Как я неудачно выразился – комплект. Не перечислить, имя им – легион!

Ильенков, Батищев, Кессиди, ранний Мамардашвили, Никишина, ранний Библер, Свидерский, Грамши, Лукач – просвистели мимо уха, прошли мимо самосознания российской культуры.

И вот что пишет в предисловии к сборнику Р. Гальцева, которая, конечно, наворотила с три короба, и ругнула проклятый рационализм, этот враг рода человеческого, диавол, который якобы не может ответить на жизненные вопросы, и Фихте привлекла, будто философ сам избирает свою философию. Но пытается сохранить совесть: она указывает: «Подводя итоги идеиной переориентации кризисного самосознания культуры на образце «Заката Европы», приходится обнаруживать и крупные потери. Релятивизм отнимает у культуры и смысл, и самобытие, натурализм как триумф внеличностного бессознательного оттесняет на второй план и духовное, и личностное начало». Она указывает на появление нового типа культурологи, которая есть миф, потому что, как пишет Гальцева, о поисках истины и речи нет.

«Логически идея, конечно, - агитирует Лосев, - раньше материи, потому что сначала вы имеете идею, а потом осуществляете ее на том или другом материале. Смысл предшествует явлению. Из этой совершенно примитивной и совершенно правильной установки...»

Из того факта, что для конструирования чего-либо архитектор сначала рисует план из головы. Вовсе не следует общее, что идея – раньше материи. Не было бы материи в виде атомов и молекул – не было бы и головы архитектора. Но ведь и в голове архитектора план возникает не на пустом месте, а после длительного практического опыта. Лосев тут повторяет зады философии Локка, его критики платоновской теории врожденных идей.

Явление – сущностно, сущность – является. Сущность – первична. Лосев еще и подтасовку совершают: явление, т.е. форму материи, ставит на место материи, на место сущности - ставит смысл, который у каждого свой.

Что, собственно, хочет сказать своей книгой Лосев? Что Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин – неправы? Да ведь он даже и близко не подошел к критике классиков. Весь его текст не имеет практического применения в жизни, он бесплоден, потому невообразимо скучен.

«Итак, под теми философскими конструкциями, - вещает Лосев - которые в новой философии призваны были осознать научный опыт, кроется вполне определенная мифология. Не менее того мифологична и наука, не только "первобытная", но и всякая. Механика Ньютона построена на гипотезе однородного и бесконечного пространства. Мир не имеет границ, т.е. не имеет формы. Для меня это значит, что он - бесформен. Мир – абсолютно однородное пространство. Для меня это значит, что он - абсолютно плоскостен, невыразителен, нерельефен. Неимоверной скучой веет от такого мира. Прибавьте к этому абсолютную темноту и нечеловеческий холод междупланетных пространств. Что это как не черная дыра, даже не могила и даже не баня с пауками, потому что и то и другое все-таки интереснее и теплее и все-таки говорит о чем-то человеческом. Ясно, что это не вывод науки, а мифология, которую наука взяла как вероучение и догмат. Не только гимназисты, но и все почтенные ученые не замечают, что мир их физики и астрономии есть довольно-таки скучное, порою отвратительное, порою же просто безумное марево, та самая дыра, которую ведь тоже можно любить и почитать. Дыромоляи, говорят, еще и сейчас не перевелись в глухой Сибирии. А я, по грехам своим, никак не могу взять в толк: как это земля может двигаться? Учебники читал, когда-то хотел сам быть астрономом, даже женился на астрономке. Но вот до сих пор никак не могу себя убедить, что земля движется и что неба никакого нет. Какие-то там маятники да отклонения чего-то куда-то, какие-то параллаксы... Неубедительно. Просто жидкотовато как-то. Тут вопрос о целой земле идет, а вы какие-то маятники качаете. А главное, все это как-то неуютно, все это какое-то неродное, злое, жестокое. То я был на земле, под родным небом, слушал о вселенной, "яже не подвижется" хiii... А то вдруг ничего нет, ни земли, ни неба, ни "яже не подвижется". Куда-то выгнали в шею, в какую-то пустоту, да еще и матерщину вслед пустили. "Вот-де твоя родина, - наплевать и размазать!" Читая учебник астрономии, чувствуя, что кто-то палкой выгоняет меня из

собственного дома и еще готов плюнуть в физиономию. А за что?xiv
Итак, механика Ньютона основана на мифологии нигилизма. Этому вполне соответствует специфически новоевропейское учение о бесконечном прогрессе общества и культуры.»

Видимо, Лосев не в курсе, что в физике используют – модели. Которые не есть миф, а разумное ограничение, частью отражающее реальность. Например, Джордано Бруно отвергал абсолютное пространство-время. Но если б Ньютон не остановил рассуждения, не ограничил бы реальность – он никогда не получил бы механику мира.

Но как же это университетский филолог представил Вселенную скучной абсолютной темнотой? Только в нашей галактике, Млечном пути, 100 млрд. звезд, а только орбитальный телескоп Hubble смог увидеть 125 млрд. галактик. По оценкам же всего звезд – триллион триллионов.

Он что, на небо никогда не глядел? Ах, да, зачем ему. Зачем ему вообще внешний мир.

Кстати, когда Лосев писал свою «Диалектику мифа» тогда, когда советский ученый Фридман уже доказал Эйнштейну, что для того, чтобы из его уравнение получить расширение Вселенной, не нужно вводить космологическую постоянную. И разве мог Лосев с его не интенсивной мыслью вообразить, что однородность Вселенной – замечательнейший и ранее таинственный факт. И не «баня с тараканами», не абсолютный ноль, а 2,7 градусов по Кельвину, температура реликта излучения. Сверх того, Вселенная заполнена физическим вакуумом, обладающим любопытнейшими свойствами, например, упругостью. А Земля не просто движется вокруг Солнца, она еще и вертится, церковь отрицала этот непреложный факт и заставила Галилея от него отречься.

Если б Лосев был способен знать и представить себе, что во время написания им книги уже и черные дыры были вычислены, Шварцшильдом в 1915 году, вот уж в них точно ничего человеческого нет и быть не может, свет не может вырваться от черной дыры, и человек, и банный таракан при сближении с ней вытягиваются приливными силами в волос толщиной в атом. И если Лосеву при чтении интереснейшего учебника астрономии чудится, что его выгоняют из дома и плюют в физиономию, стоит обратиться к психиатру. И это вовсе не фигура речи, мы увидим! Читаем.

«Итак: наука не рождается из мифа, но наука не существует без мифа, наука всегда мифологична.

3. Наука никогда не может разрушить мифа

Однако тут надо устраниТЬ два недоразумения. - Во-первых, наука, говорим мы, всегда мифологична. Это не значит, что наука и мифология - тождественны. Я уже опровергал это положение. Если ученые-мифологи и хотят свести мифологию на науку (первобытную), то я ни в каком случае не сведу науку на мифологию. Но что такое та наука, которая воистину немифологична? Это - совершенно отвлеченная наука как система логических и числовых закономерностей. Это - наука-в-себе, наука сама по себе, чистая наука. Как такая она никогда не существует. Существующая реально наука всегда так или иначе мифологична. Чистая отвлеченная наука - не мифологична. Немифологична механика Ньютона, взятая в чистом виде. Но реальное оперирование с механикой Ньютона привело к тому, что идея однородного пространства, лежащая в ее основе, оказалась единственno значимой идеей. А это есть вероучение и мифология. Геометрия Евклида сама по себе не мифологична. Но убеждение в том, что реально не существует ровно никаких других пространств, кроме пространства евклидовской геометрии, есть уже мифология, ибо положения этой геометрии ничего не говорят о реальном пространстве и о формах других возможных пространств, но только об одном определенном пространстве; и неизвестно, одно ли оно, соответствует ли оно или не соответствует всякому опыту и т.д. Наука сама по себе не мифологична. Но, повторяю, это - отвлеченная, никуда не применяемая наука. Как же только мы заговорили о реальной науке, т.е. о такой, которая характерна для той или другой конкретной исторической эпохи, то мы имеем дело уже с применением чистой, отвлеченной науки; и вот тут-то мы можем действовать и так и иначе. И управляет нами здесь исключительно мифология. - Итак, всякая реальная наука мифологична, но наука сама по себе не имеет никакого отношения к мифологии.

Во-вторых, мне могут возразить: как же наука может быть мифологичной и как современная наука может основываться на мифологии, когда целью и мечтой всякой науки почти всегда было ниспровержение мифологии? На это я должен ответить так. Когда "наука" разрушает "миф", то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией. Раньше верили в оборотничество, вернее - имели опыт оборотничества. Пришла "наука" и "разрушила" эту веру в оборотничество. Но как она ее разрушила? Она разрушила ее при помощи механистического мировоззрения и учения об однородном пространстве.

Действительно, наша физика и механика не имеет таких категорий, которые могли бы объяснить оборотничество. Наша физика и механика оперирует с другим миром; и это есть мир однородного пространства, в котором находятся механизмы, механически же движущиеся. Поставивши вместо оборотничества такой

механизм, "наука" с торжеством отпраздновала свою победу над оборотничеством. Но вот теперь воскресает новое, вернее очень старое, античное учение о пространстве. Оказалось возможным мыслить, как одно и то же тело, меняя место и движение, меняет также и свою форму и как (при условии движения со скоростью света) объем такого тела оказывается равным нулю, по известной формуле Лоренца, связывающей скорость и объем. Другими словами, механика Ньютона не хотела ничего говорить об оборотничестве и хотела убить его, почему и выдумала такие формулы, в которые оно не вмещается. Сами по себе, отвлеченно говоря, эти формулы безупречны, и в них нет никакой мифологии. Но ученые отнюдь не пользуются только тем одним, что в этих формулах содержится. Они пользуются ими так, что не остается ровно никакого места для прочих форм пространства и соответствующих математических формул. В этом и заключается мифологизм европейского естествознания, - в исповедании одного излюбленного пространства; и от этого и казалось ему всегда, что оно "опровергло" оборотничество. Принцип относительности, говоря о неоднородных пространствах и строя формулы относительно перехода от одного пространства к другому, снова делает мыслимым оборотничество и вообще чудо, а отказать в научности по крайней мере математической стороны этой теории может только неосведомленность в предмете и невежество в науке вообще.

Итак, механика и физика новой Европы боролась с старой мифологией, но только средствами своей собственной мифологии; "наука" не опровергла миф, а просто только новый миф задавил старую мифологию, и - больше ничего. Чистая же наука тут ровно ни при чем. Она применима к любой мифологии, - конечно, как более или менее частный принцип. Если бы действительно наука опровергла мифы, связанные с оборотничеством, то была бы невозможна вполне научная теория относительности. И мы сейчас видим, как отнюдь не научные страсти разгораются вокруг теории относительности. Это - вековой спор двух мифологий. И недаром на последнем съезде физиков в Москве пришли к выводу, что выбор между Эйнштейном и Ньютоном есть вопрос веры, а не научного знания самого по себе. Одним хочется распылить вселенную в холодное и черное чудовище, в необъятное и неизмеримое ничто; другим же хочется собрать вселенную в некий конечный и выразительный лик с рельефными складками и чертами, с живыми и умными энергиями (хотя чаще всего ни те, ни другие совсем не понимают и не осознают своих интимных интуиций, заставляющих их рассуждать так, а не иначе).

Оборотничество - чудесная способность некоторых существ менять облик, превращаться в другое существо или предмет. Лосев верит в оборотней, барабашек, вурдалаков, привидения, злыдней, домовых, леших, он живет в мире сказок. Опыт? Да, большой опыт: каждый третий по пятницам превращается в волка, каждая пятая – в русалку, красавая, умная баба – в лягушку, царевич – в комара, людоед превращается во льва или мышку, а старые чернильницы, лапти, соломинки и пузыри умеют разговаривать. Ну, разве не клинический случай?

Впрочем, если регулярно смотреть «Военную тайну» или «Специальный проект» Игоря Прокопенко, а также «Тайны мира» с Анной Чапмэн, вполне можно впасть. В США в школах на полном серьезе изучают, как бороться с зомби, восставшими из могил, учительницу, которая посмела сообщить детям, что Санта Клауса в природе не существует – уволили, и тому подобное.

Сравните, как формулировал отношение между наукой и фантазией Ленин:

«Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (*in letzter Instanz*** = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее („стол“ вообще) есть известный кусочек фантазии. (*Vice versa*: нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой¹⁶⁹.)» (Философские тетради. Конспект книги Аристотеля «Метафизика», ПСС, изд. 5, Т. 29, С. 330)

Касательно невежества в науке. Принцип относительности вовсе не говорит о неоднородности пространства. И нет в нем перехода от одного пространства к другому, если преобразования Лоренца, служащие переходу от одной системы отсчета к другой. Объем, движущийся относительно Земли с околосветовой скоростью, действительно, заметно уменьшится. Но его содержимое останется прежним. И уменьшится он лишь в системе отсчета, связанной с Землей. В системе отсчета, связанной с самим объемом, ровным счетом ничего не изменится. Наоборот, в этой системе отсчета уменьшаются объемы, находящиеся на Земле. А принцип относительности формулируется следующим образом: все физические процессы в инерциальных системах отсчета протекают одинаково, независимо от того, неподвижна ли система или она находится в состоянии равномерного и прямолинейного движения. Только переход от системы к системе осуществляется не с помощью преобразований Галилея, а с

помощью преобразований Лоренца-Пуанкаре. И научность «математической стороны», т.е. формул Лоренца-Пуанкаре, вытекает как раз не из абстрактной логики, а из экспериментального факта независимости скорости света от скорости движения источника света.

Скорее всего, Лосев имеет в виду V съезд русских физиков, проходивший в Москве в декабре 1926 года, именно там обсуждалась теория относительности. Но там не нашлось сумасшедшего, который бы заявил, что выбор между механикой Ньютона и механикой Эйнштейна – это вопрос веры! На съезде шла перепалка между учеными, которые не понимают теорию относительности, и теми, кто ее понимает. Это естественно – всякая новая теория приживается не сразу. Дальше были нападки с точки зрения марксизма-ленинизма – нападали те, кто плохо понимает марксизм-ленинизм.

Геометрия Евклида основывается на аксиоматике, которая не всегда применима. Но это вовсе не значит, что в реальности геометрия Евклида отсутствует. Не однородность пространства выводится из «оперирования» механикой Ньютона, наоборот, «однородность» пространства кладется в основу, это наглядно видно из теоремы Нётер: закон сохранения энергии следует из однородности времени, закон сохранения импульса – из изотропии пространства.

И нет никакого противоречия между двумя науками, Ньютона и Эйнштейна, ньютонова механика – предельный случай эйнштейновской, при малых скоростях и малых гравитирующих массах. Причем Лосев еще и перепутал: расширяется до бесконечности не только Вселенная в модели Де Ситтера (ニュートンовское приближение), но и Вселенная во фридмановской модели. Или, наоборот, коллапсирует, в зависимости от плотности вещества во Вселенной. Там уж никаких «рельефных складок» или «интимных интуиций».

Причем разбегание галактик – вовсе не теория, а факт, открытый в 1913-1914 гг. американским астрономом Весто Слайфером. Он же открыл приближение к нашему Млечному пути туманности Андромеды. Столкновение неизбежно, после него явно ничего человеческого не останется.

В лучшем случае Лосев totally не понимает соотношения между теоретической и экспериментальной физикой, того отношения, которое Ленин формулировал так: «Практика выше теории». Но это отношение вовсе не означает никчемность теоретической физики, Маркс диалектически связывал обе стороны познания: «Нет ничего практическое хорошей теории.» Для Лосева же теоретическая физика представляется какой-то оторванной от жизни чепухой, лишь иногда, в случае «математической стороны», подтверждающей его вывихи.

«Дело физика, - читаем мы ниже, - показать, что между такими-то явлениями существует такая-то зависимость. А существует ли реально такая зависимость и даже само явление, будет ли или не будет существовать всегда и вечно эта зависимость, истинна ли она или не истинна в абсолютном смысле, - ничего этого физик как физик не может и не должен говорить.»

Хоть стой, хоть падай. Это ж... хуже клеветы. Да еще этот инвалид умственного труда абсолютную истину выдумал.

Еще шедевр:

«Вот я придумал то или другое улучшение в телефонном аппарате, ввел некоторые важные поправки в теорию движения планеты... - при чем тут абсолютное бытие? А миф всегда имеет упор в факты, существующие как именно факты. Их бытие - абсолютное бытие. Я вывел закон расширения газов от нагревания. Для каких надобностей я буду считать свой закон непререкаемой реальностью и неподвижной истиной? Он - только гипотеза, даже если бы все его признали и он просуществовал бы несколько веков. Конечно, вы можете верить в его "соответствие подлинной реальности". Но эта ваша вера ничего нового к самому "закону" не прибавит, и потому для него она не необходима. Гипотетизм науки не мешает ей строить мосты, дредноуты или летать на аэропланах.»

Факты – имеют абсолютное бытие? Здоров ли Лосев? Т.е. у Лосева есть факты, в которые упирается миф, и они абсолютны. А факт новой детали в телефоне – это так себе, чепуха. К любой работе физика Лосев приступает с угрожающим вопросом: «А причем тут абсолютное бытие?!» Однако же насколько можно быть невежественным, чтобы закон Гей-Люссака обзывать «всего лишь гипотезой» и твердить, что «соответствие реальности» - всего лишь вера. Оказывается, вся работа науки «не мешает» ей строить мосты и т.д., будто бы эта работа – одно, а строительство – нечто совершенно другое!

Разумеется, для любой теории есть ограничения, в любой верной теории есть противоречия. Если б их не было, наука не развивалась бы. Потому в теории относительности есть т.н. временные петли. «раньше» и «после» меняются местами (что и обсуждалось на съезде в 1926 году). Однако наука вот только-только приступает к разрешению этого противоречия, связанного с нарушением причинности. Причем речь идее не только о стреле времени, но и о самой причинно-следственной структуре Вселенной. Если Энгельс указывал на последовательную во времени сменяемость причины и следствия. Ленин формулирует гораздо серьезнее: «Каузальная связь, понимаемая нами обычно, есть лишь часть всемирной связи».

Но чем так досадила Лосеву классическая механика? Что она ему плохого сделала? Как бы он не ставил перегородки между ней и практикой, именно она дала человечеству автомобиль, трамвай, поезд, пароход, самолет и даже космический корабль, не говоря уже о строительстве домов, мостов, конструировании тракторов, комбайнов и прочее. Но ведь для Лосева и уравнение Циолковского – не абсолютное бытие. Гипотеза всего лишь, не соответствует подлинной реальности. Только вот человечество – другого мнения.

Наконец-то – пример? Не-ет...

«На островах Никобар бывает болезнь от ветров, против чего туземцы совершают обряд "танангла". Каждый год бывает эта болезнь, и каждый раз совершается этот обряд. Несмотря на всю его видимую бесполезность, ничто не может убедить этих туземцев не совершать его. Если бы тут действовало хотя бы минимальное "научное" сознание и "научный" опыт, они скоро бы поняли бесполезность этого обряда. Но ясно, что их мифология не имеет никакого "научного" значения и ни в какой мере не есть для них "наука". Поэтому она "научно" неопровергнута.

Кроме "научного" значения, этот мифически-магический акт может иметь много других значений, которые и не снились Леви-Брюлю, приводящему этот акт в качестве примера бессмыслицы мифологии^{vii}. Например, этот обряд может даже и вовсе не иметь никаких утилитарно-медицинских целей. Быть может, и самый северо-восточный муссон вовсе не рассматривается здесь как злое и вредящее начало. Можно представить себе, что туземцы переживают его как акт справедливого наказания или мудрого водительства со стороны божества и что они вовсе не хотят избегнуть этого наказания, а хотят принять его с достойным благоговением; и, быть может, обряд этот имеет как раз такое значение. Да и мало ли какое значение может иметь этот обряд, если стать на почву действительной мифологии? Исследователи вроде Леви-Брюля, для которых мифология всегда ужасно плохая вещь, а наука всегда ужасно хорошая вещь, никогда и не поймут ничего в обрядах, подобных "танангла". С их точки зрения можно сказать только то, что это очень плохая наука и беспомощное детское мышление, бессмысленное нагромождение идиотских манипуляций. Но это и значит, что Леви-Брюль и ему подобные исследователи ровно ничего не понимают в мифологии. "Танангла" и не претендовало на научность. Ведь дико и глупо было бы критиковать сонаты Бетховена за их "ненаучность". Записывая простой факт "танангла" и давая свою "научную" интерпретацию, эти ученые не только сами не дают существенного раскрытия мифа, но и препятствуют сделать это нам самим, ибо откуда я узнаю подлинное мифическое содержание и смысл "танангла", если ни сам его не видел, ни автор мне не вскрыл этого содержания, предложивши мне вместо этого "критику" обряда с своей, условной для меня, "научной" точки зрения? Итак, миф - вненаучен и не базируется ни на каком "научном" "опыте".

Говорят, что постоянство явлений природы должно было с самых ранних пор заставить толковать и объяснять эти явления и что мифы, поэтому, и есть эти попытки объяснения природной закономерности. Но это - чисто априорное представление, которое с одинаковым успехом может быть заменено противоположным. В самом деле, почему, собственно говоря, постоянство тут играет роль и именно такую роль? Раз явления протекают постоянно и неизменно (как смена дня и ночи или времен года), то чему же тут удивляться и что именно тут заставит придумать научно-объяснительный миф? Мифическое сознание скорее, пожалуй, задумается над какими-нибудь редкими, небывалыми, эффектными и единичными явлениями, и скорее дает не их причинное объяснение, но какое-нибудь выразительное и картиное изображение. Постоянство законов природы, таким образом, и наблюдение над ними ровно ничего не говорит ни о сущности, ни о происхождении мифа. С другой стороны, в этом объяснении происхождения мифа как некоей первобытной науки опять-таки кроется условная гетерогенетическая точка зрения на предмет, а не вскрытие имманентно-существенного содержания мифа.»

Но если Лосев ничего не знает о происхождении мифа, как он может отвергать точку зрения Леви-Брюля? А вдруг тот прав?

Во-вторых, дурная общественно-историческая практика далеко не всегда приводит к истине. Англичане десятилетиями истребляли индусов, их погибло 90 млн, однако восстаний не было. Терпели. Хотя и зря.

Леви-Брюль приводит еще пример: племя абионов верит, что не оружие убило раненого, а злодейское искусство какого-то колдуна. И что? Лосев хочет уверить, что вот такой миф или танангла есть что-то «трансцендентально необходимое», что-то очень хорошее? Не лучше ли научиться всё-таки лечить болезнь и оказывать раненому первую медицинскую помощь?

Лосев имплицитно пытается уверить, что если быaborигены обладали европейским образованием, они бы и тогда не перестали совершать свой обряд. А откуда он это знает?

Лосев здесь примитивно редуцирует традицию и культуру к мифу. Хотя ритуал может терять начальный смысл, большинство ритуалов не используется по своему прямому назначению. Невесту крадут не потому, что это «научно», а потому что тамаде нужно хоть чем-то занять выпивающих гостей.

И еще один пример приводит Леви-Брюль: один дикарь обзавелся фетишем, который должен был сделать его неуязвимым, рассказывает Т. Бодич. Он решил испытать его и получил пулю в руку, которая сломала ему кость. Колдун объяснил это обстоятельство к всеобщему удовлетворению, заявив, что оскорбленный фетиш только что открыл ему причину того, что произошло: этот молодой человек имел половые сношения со своей женой в запретный день. Раненый признался, что это правда, и его соплеменники только укрепились в своей вере (Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930).

Что это, как не маразм. Маразм, призванный поддерживать власть. Лосев путает: не мифическое, а маразматическое мышление.

Посему говорить о Лосеве как о философе не приходится. Читать книгу далее нет нужды. В «Диалектике мифа», вышедшей в 1930 году, Лосев - духовный кастрат, безграмотный интеллектуальный импотент, неврастенический пустобрёх.

3.6.1929 Лосев вместе с женой тайно постригся в монахи от афонских старцев. Арестован вместе с женой в апреле 1930 г. и приговорён к 10 годам лишения свободы. Отбывал наказание на строительстве Беломорско-Балтийского канала. После заступничества Горького освобожден, в 1933-м. Видимо, практическая деятельность благотворно повлияла на мировоззрение Лосева, потому он в кои веки начал почтывать Маркса и Ленина. Как рассказывает Светлов, по прочтении работы Сталина «*О диалектическом и историческом материализме*» назвал ее наивной. То есть, в голове его окончательно посветлело. Нет сомнений - благодаря этому процессу мы имеем возможность читать его «Историю античной эстетики».

Конечно, и расстрел XVII съезда ВКПб, и московские процессы, и отправка в концлагерь и расстрелы по лимитам в 1937-1938-м – страшное преступление. Но в данном случае...

Борис Ихлов

СОВРЕМЕННЫЙ МАРКСИЗМ

Printed by IE (IP) Baev I. V. (BiC Printing house),
Perm, KIM, 75. Tel. / fax (342) 263-11-37